СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ
ГОРБАЧЁВЫ
ЧЕТА ПРЕЗИДЕНТОВ
СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил Горбачев возглавил Советский Союз формально один, а фактически вместе с Раисой Максимовной. Только страна не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем. В январе 2012 года Раисе Максимовне Горбачевой исполнилось бы 80 лет… Автор Сергей Платонов — контрразведчик. В силу профессиональной деятельности ему не только довелось наблюдать героев лично, но и участвовать в мероприятиях, влиявших на ход современной истории, о которых можно рассказать только сейчас, да и то не всё. Оттого о многих фактах и событиях читатель узнает впервые. Прежде всего, это касается тех сведений, где речь идет о дружбе четы Горбачевых с агентом трех спецслужб, видным деятелем «пражской весны» Зденеком Млынаржем; об истинных причинах убийства коммунистического лидера Румынии Николае Чаушеску и его жены Елены; об атомном проекте; о странной роли Андропова в возвышении Горбачева; об обстоятельствах формирования антисоветских и антисоциалистических планов Михаила Горбачева под влиянием Яковлева и Шеварднадзе; о том, как перестройка в «горбачевском варианте» была задумана и проводилась по инициативе Запада. По-новому показывает автор и обстоятельства ГКЧП, истинную роль в этих событиях самого М. Горбачева — первого и последнего президента СССР. В художественно-документальной форме С. Платонов показывает, как провинциалы Михаил и Раиса Горбачевы смогли возглавить, а потом развалить самую могучую в мировой истории Советскую империю.

- Сергей Платонов
  -
  - От сказки — к были. Вместо пролога
  - Москва
  - Арест
  - Первая и последняя
  - Клятва
  - Лондон
  - Юрист широкого профиля
  - Минеральный секретарь
  - «Сон» Леонида Ильича
  - Пицунда
  - «Архитекторы»
  - Смотрины в Лондоне
  - На вершине

- Первые итоги
- Тройка + Раиса
- А был ли план?
- Париж — Вашингтон
- Первый визит
- Встреча в Риме
- Женева — Рейкьявик
- Дуэль: Черчилль — Сталин
- Операция «Кондор»
- Румынский бунт
- Раскол в расколе
- Политолог
- Кнутом и пряником
- Архыз
- Двоевластие
- Агония
- Иудино дерево
- Вискули
- Крах
- Глупово-2. Вместо эпилога

Сергей Платонов
Горбачевы: чета президентов

Посвящается жене Людмиле

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Все ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Ф. Тютчев

Рассказать вам о всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках.
Рассказать вам о всех мировых подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах…

Георгий Иванов

От сказки — к были. Вместо пролога

Михаил и Раиса родились и жили в государстве, которое возникло из хаоса Великой Рабоче-крестьянской революции 1917 года за полтора десятка лет до их появления на свет. Это было необычное государство. Было, потому что еще при их жизни и, самое главное, в том числе по их вине, его не стало. Необычное, потому что впервые в мировой истории его целью стало создание коммунистического общества, в котором, согласно сказочным народным представлениям, текут молочные реки в кисельных берегах. Вначале получалось что-то примитивное, но большинство народа считало его самым лучшим и справедливым. Потому что в нем как никогда и нигде прежде эффективно заработала система социальных лифтов. Вчерашние рабочие, крестьяне и кухарки активно вовлекались во все сферы строительства жизни нового общества. Представители бывшего правящего слоя и «эксплуататорских классов», которые противились этому процессу, новой властью безжалостно подавлялись. Эхо этих расправ не утихает до настоящего времени.

Прежняя российская цивилизация была разрушена до основания согласно главному лозунгу первостроителей коммунизма: «Весь мир насилья мы разрушим, до основанья. А затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем». Так и жили. Первые четыре года разрушали. Потом написали «план построения коммунизма» и назвали его так: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Правда, тогда никто, и вожди в том числе, не знали, что новый тип общества построить точно по плану нельзя, потому что это в принципе невозможно. Общество не дом и не завод. Оно есть сумма огромного числа разных и несовершенных людей. Что-либо разрушить они всегда могут, ведь «ломать — не строить». А вот выстроить в точности задуманное не удавалось никому. Слишком велико сопротивление человеческого материала. Вспомним лебедя, рака и щуку: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет. И выйдет из него не дело, а только мука». Так и тогда. Сначала по пути в коммунизм «заехали» в нэп — новую экономическую политику. По сути, повернули назад на условиях ограниченного возврата частной собственности. Потом забрели в Ад сплошной коллективизации крестьян. После влетели в зону турбулентности по имени Большой Террор (есть и те, кто считает, что это был единственно возможный способ превращения революционного хаоса в организованное общество). Уничтожили или посадили всех явно несогласных с новыми порядками. То

есть без конца шарахались, пока не вышли на более верную дорогу. А тут война. Бросили стройку — и по фронтам, Родину защищать от немецких, итальянских, венгерских, румынских и других фашистов во главе с Гитлером, тоже желающих, как и коммунисты, мировой гегемонии для устройства более совершенного общества. Только по разным проектам. У коммунистов — на путях братства и равенства угнетаемых под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». У фашистов — путем покорения и уничтожения слабых наций-«недочеловеков».

До Раисы Титаренко в Западную Сибирь фронт не докатился. Отца ее от призыва на войну освободили, поскольку он работал на стройке стратегически важной железной дороги. И она жила до окончания школы с золотой медалью под опекой любящих ее отца и матери. Школьные подруги называли Раю хорошенькой, умной и правильной девушкой с твердым характером.

По-другому сложилось у Михаила Горбачева. В трехлетнем возрасте из-за нужды родители отдали малыша на иждивение деда и бабушки по материнской линии. Дед был председателем колхоза, поэтому с детства приучал внука к лидерству и уверенности в себе. Родителей видел редко. С началом войны отца призвали на фронт. На втором году фашисты заняли его родное Ставрополье. Полгода продолжалась оккупация. В школе занятия не проводились и учебный год был пропущен. Когда Михаилу исполнилось четырнадцать лет, отец возвратился домой по ранению. После полного выздоровления стал работать комбайнером машинно-тракторной станции. В течение четырех лет Михаил летом работал у него помощником или, как тогда говорили, — штурвальным. По результатам самого удачного лета, когда они намолотили рекордное количество зерна, их очень солидно поощрили. Отца наградили орденом Ленина. Михаила — орденом Трудового Красного Знамени, приняли кандидатом в члены партии и избрали на небольшую, но важную для старта политическую должность — секретарем комитета комсомола школы. Вспоминая о нем, сверстники особенно отмечали в его характере инициативность и напористость. В эти годы они с отцом по-настоящему и на всю жизнь сблизились. Однако с матерью близкого контакта до конца ее дней так и не произошло. И поэтому, когда юноша в университете встретился с Раисой, она стала той женщиной, объединившей в одном лице жену и мать.

Итак, на исторической сцене появилась пара актеров, которую никто не ожидал. Ни режиссеры, ни публика. Каждый в отдельности так бы и остался либо примой в провинции, либо прозябал бы в столице на вторых ролях. Но только если бы они не составили тандем. И вот судьба свела их в такую пару, в которой

раз и навсегда «насмерть» соединились воедино воля и ум Раисы и неуемные честолюбие и энергия Михаила. Встретились они через пять лет после войны в Московском государственном университете.

Жизнь с окончанием войны менялась со все возрастающей скоростью. Наука, техника, экономика за несколько послевоенных лет преобразовались больше, чем за весь промежуток между мировыми войнами. Смертоносная война, как это ни покажется кощунственным, стала также и катализатором развития, своеобразной разрушительно-созидательной силой. Особенно в ходе послевоенной конверсии, когда массы уволенных из армии приходили на производство, а секретные военные технологии передавались в гражданский сектор. В этих условиях стране требовалась другая «армия»: специалисты мирных профессий для заводов, фабрик, социальной сферы, органов управления. Наконец-то впервые в истории страны ставилась задача превратить страну из «военного лагеря» в мирное общество на основе законности и правопорядка. Поскольку жизнь в стране быстрыми темпами уходила от примитивных форм к более сложным, управление обществом также не могло оставаться на прежнем уровне. Поэтому создавались новые высшие учебные заведения, увеличивались наборы в существующие. Впервые за успешное окончание школы ученики награждались золотыми и серебряными медалями. Раиса была в числе тех первых, кто в 1949 году получил «золото». Михаил стал обладателем «серебра». Медалисты получали право поступления в любые институты и университеты без экзаменов. Продолжало, хотя и не так явно, как до войны, иметь значение и социальное происхождение абитуриентов. Предпочтение отдавалось выходцам из «низов». И все же страна задыхалась от недостатка квалифицированных кадров. Война выкосила самых талантливых и энергичных. И еще долгие десятилетия последствия этих потерь крайне негативно сказывались на развитии страны. Как знать, не будь такой катастрофы, может быть и выстояла бы она перед теми испытаниями, которые ожидали ее в *перестройку*. Ведь именно в эти годы управлять колхозами, заводами, районами, городами, областями и ведомствами страны должно было поколение погибших на войне. Наверно, не случайно с 1987 по 1991 год в высший орган управления страной — Политбюро ЦК КПСС входили деятели, которые либо не призывались на фронт по молодости лет, либо не воевали по причине отсрочек от призыва. А сам Михаил Горбачев, возглавивший к этому времени партию и страну, непонятно по какой причине даже не служил в армии. Таким образом, руководящее политическое ядро страны-

победителя фашизма в лихие годы перестройки не имело так важной для того времени фронтовой закалки, а следовательно, и необходимого морального авторитета среди населения. Не служившим в армии, да еще в годы войны, веры и уважения было меньше.

И все же, несмотря на всякого рода отклонения от стратегического курса, с конца 50-х годов XX века коммунистическая сказка начала приобретать черты стабильной реальности. Исчез страх безработицы, так как страна превратилась в сплошную стройку. Каждый желающий мог получить бесплатно не только среднее, но и высшее образование. Советские люди впервые в мире прорвались в Космос и создали атомную энергетику. Расцветали искусства и спорт. На олимпийских играх советским спортсменам не было равных. Создание самых мощных в мире вооруженных сил гарантировало надежную защиту мирной жизни. Невиданные в мире темпы жилищного строительства позволили бесплатно выделять жилье десяткам миллионов семей. В продаже появились легковые автомобили, бытовая техника. Многие гордились своей причастностью к созданию первого в мире социалистического государства. Все это и многое другое прививало неизвестные раньше большинству российских людей чувство собственного достоинства, веры в себя, в будущее и даже во власть и дружбу народов. Все более крепнущая социальная защищенность в значительной мере компенсировала стесненность в политических свободах и ограниченный суверенитет республик. Такое состояние продолжалось до конца 70-х годов. После этого романтический импульс и энтузиазм развития, заданный обществу рабоче-крестьянской революцией, а потом и послевоенной реконструкцией, начал затухать. Наступали времена прагматиков. В будущем, в начале 1990-х эта тенденция приведет к тому, что один из них — Михаил Горбачев и возглавит страну. Формально один, а фактически вместе с Раисой. Только страна тогда не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем.

Москва

Последние дни в небольшом южном селе только и обсуждалась небывалая новость. После окончания войны никаких важных событий в нем не случалось, а тут сразу такое. Сыну местного механизатора Сергея Горбачева пришел вызов на учебу в Москву. В нем сообщалось, что Михаил принят на юридический факультет главного университета Советского Союза. Многие жители даже не знали, чем занимаются юристы. И это подогревало интерес к фигуре Михаила. Особенно любопытные не давали ему прохода и дотошно спрашивали, кем же он будет, когда выучится. Михаил, не скрывая радости, чаще всего отшучивался. Но когда колхозный шофер и балагур Семен Горбачев высказал догадку, что в будущем Мишка станет министром, тот, сверкнув черными глазами, гордо ответил:

— Бери выше, дядя Семен. Для нас, Горбачевых, министерства будет маловато.

Никто тогда и подумать не мог, что парень говорит всерьез.

В эти же дни в центре Европы в Праге семья чешского профессора социалиста Петера Млынаржа готовила к отъезду в Москву на учебу по квоте компартии в тот же университет сына Зденека.

Новое коммунистическое правительство страны считало, что лучшего места, чем Москва, для подготовки современных кадров нет. В отличие от родственников и односельчан Михаила, родители Зденека видели своего сына прокурором. Но он хотел быть адвокатом. Сошлись на том, что для начала надо получить диплом, а потом определяться. Они даже не предполагали, что сын станет политиком. Хотя слова, сказанные им при прощании, могли навести на некоторые раздумья:

— Если не стану адвокатом или прокурором, буду правозащитником.

Так его величество Случай готовил скорую встречу двух молодых людей, которым будет суждено без насилия изменить ситуацию в мире. По мнению одних, — к лучшему. По мнению других, и таких больше, — к худшему. Достоверно знать это не дано никому. Человек — слишком ничтожная величина, чтобы своим умишком оценивать такие глобальные явления. А пока последуем за юными Михаилом и Зденеком в Москву.

На вокзале Михаила никто не встречал. Денег на такси не было. Добирался до общежития на Стромынке трамваем. При заселении комендант сообщил, что комната на двоих и в ней уже

живет студент из Чехословакии. Это был Зденек. Тогда и позже в общежитиях московских вузов практиковали селить смешанные интернациональные составы из советских и иностранных студентов. На этом настаивал Комитет госбезопасности. Так ему было легче контролировать поведение и настроения иностранцев, влиять на идеологию, а также подбирать кандидатов для вербовки. Иногда происходило обратное, и наши студенты подвергались обработке гостей. Тогда КГБ приходилось заниматься своими гражданами. Так что процесс этот обоюдоострый, поскольку заранее никто не знал, кто на кого и как повлияет. В любом случае считалось, что советские студенты во всех отношениях надежнее. Так и в нашей ситуации. Почему-то была полная уверенность в идеологической стойкости Михаила. Может, из-за блестящей комсомольской характеристики, а возможно, из-за крестьянского происхождения. Видно, *там, где надо*, полагали, что советский в третьем поколении гражданин уже обладает полным иммунитетом от мировоззрения сверстника, рожденного и выросшего в буржуазной, недавно вошедшей в советскую систему, Чехии. Жизнь показала необоснованность такого расчета. Взгляды сына сельского механизатора и сына пражского профессора не были противоположными, но и не совпадали. А главное, знания, кои всегда являются фундаментом убеждений, полученные в хуторской школе и в пражской гимназии, были явно не равновесными. Время покажет, как либеральные воззрения столичного Зденека раздавят хилое здание Мишкиного марксизма. Слабого не самого по себе, а из-за «каши в голове» паренька из провинции. Не последнюю роль на результаты взаимного влияния играли и характеры «сожителей».

Когда Михаил собирался в Москву, учителя посоветовали ему взять с собой орден Трудового Красного Знамени, которым его наградили за активное участие в уборке урожая. Случай такого награждения школьника даже в богатой на всякие новации советской стране был уникальным. Обычно подростки награждались грамотами. А тут сразу орден, да еще такой значительный. Директор школы так и сказала:

— Такой награды ни у кого из студентов, вчерашних школьников, не будет. Ты сразу обратишь на себя внимание. И это поможет тебе утвердиться в коллективе и в учебе. Пусть видят, кого мы воспитали.

Михаил последовал совету. После знакомства с соседом по комнате, раскладывая нехитрые пожитки, он не без гордости достал из чемодана орден. Однако Зденек интереса не проявил.

Тогда Михаил сам спросил у него, знает ли он, что означает эта штука. Получив отрицательный ответ, стал объяснять. С этого хвастливого разговора начались длительные, ставшие потом дружескими, отношения.

От Стромынки до Моховой, где располагался университет, добирались всегда вместе. Обычно трамваем. По утрам в них была такая давка, что ни войти, ни выйти без помощи друг другу не получалось. Однако вскоре университету построили новое здание и общежитие на Ленинских (теперь опять Воробьевых) горах. Ситуация изменилась. Надобность в трамвае отпала. В новом общежитии почти все комнаты были на двоих. Естественно, друзья поселились опять вместе.

Из окна их жилища, расположенного на двадцатом этаже, Москва была видна как на ладони. Силуэты шести высотных зданий, только что построенных на Садовом кольце, были похожи на часовых, днем и ночью охраняющих покой москвичей. Позже их назовут «сталинки». Внутри кольца возвышались колокольня и башни Кремля, где работал Сталин — вождь страны Советов и организатор недавней Победы над фашистской Германией. После смерти этого правителя в нем работали другие, которые суетились много, но прежнего влияния не имели. От этого и Кремль как бы помельчал. Но это будет позже.

Михаилу и Зденеку нравилось в свободное время любоваться потрясающей панорамой города. Иногда удавалось рассмотреть свет кремлевских рубиновых звезд. В особенно ясную погоду можно было видеть над куполом одного из зданий Кремля красный государственный флаг. Никто из них тогда и подумать не мог, что почти через сорок лет Михаил будет вынужден отдать распоряжение о его замене другим, трехцветным. Учились они охотно, даже с азартом. Верили в светлое будущее. Временами казалось, что революции, диктатуры, войны и другие социальные катастрофы ушли в прошлое навсегда. Что мир уже готов к жизни без насилия.

После смерти Сталина на глазах менялся созданный им политический режим, беспощадный даже к тем, кто не был его активным противником. Особенно быстро в противников сталинизма «перестраивались» его горячие сторонники и подпевалы. Большинство простых людей в СССР и мире скорбели об уходе своего вождя. Другой была реакция среди остатков либеральной части народа. Одни тихо радовались и робко критиковали Сталина. Иные молча надеялись на оттепель. И она вскоре начала проявляться в отказе от репрессий и помиловании прежде осужденных антисоветчиков. Естественно, что многие

студенты и наши друзья не остались в стороне от участия в этих процессах. Михаил нередко колебался, пытаясь примирить в своем сознании сталинизм и новые настроения. При этом проявлял немалую способность к тактическим маневрам. Как-то на семинаре по государственному праву он выступил с докладом о том, как в федеративном государстве могут сочетаться два принципа: ленинский о праве наций на самоопределение вплоть до выхода из этого государства и сталинский о принципе нерушимости его границ. Вся группа включилась в дискуссию, но скоро она зашла в логический тупик. И тут же ее зачинщик, сославшись на необходимость участия в заседании комитета комсомола факультета, семинар покинул, переложив бремя отстаивания своей позиции на Зденека. Пришлось ему отдуваться за двоих.

И сегодня мир бьется над этой проблемой, хотя эти принципы уже не актуальны, но не исключены из Устава ООН. В настоящее время на самоопределение вплоть до выхода стали претендовать не нации, а малочисленные этнические группы, часто взрывающие государства изнутри, поскольку на таких территориях в силу глобализации они нередко являются меньшинством. Это делает изгоями проживающие совместно с ними, другие более многочисленные, но не титульные этносы. Гораздо позже пришло понимание решения проблемы в форме национально-культурных автономий. Но тогда об этом еще не размышляли. И выхода из такого противоречия не видели. Дискуссии подобного рода обычно заканчивались ничем. Михаил с его склонностью к компромиссам «купался» в самих спорах, но от заключительных выводов умело уклонялся. Зденек по-дружески часто его поддерживал, хотя внутренне не всегда был с ним согласен.

Сдержанный и даже молчаливый Зденек не сразу привык спокойно переносить говорливость Михаила, его способность не утруждать себя глубоким анализом обсуждаемой темы. Обычно он не проникал в глубину явлений, а как бы скользил по поверхности проблемы. Потребность высказаться была у того постоянной и на самые разные темы. Но чаще всего он высказывался на близкие ему темы из колхозной жизни, тяготах сельского труда, особенно при уборке урожая в жару на раскаленном комбайне. Любил рассказывать о своих спорах со студентами философского факультета по проблемам в стране и за рубежом. Главным его оппонентом из них обычно был в будущем выдающийся философ и социолог Александр Зиновьев. Тогда в моду стали входить дискуссии о правомерности экспорта

социализма, о социалистической законности, о советском праве как альтернативе буржуазным правовым системам. Когда он говорил, перебить, вставить свое слово было не так просто. Теория теорией, а в будущей политической практике социалистической законностью, по Горбачеву, будет то, что, как и в любой системе, выгодно правящей элите. Про себя Зденек иногда называл советского друга «товарищ Монолог». Заметил он и другую его особенность — неспособность жестко отстаивать свое мнение и повышенную восприимчивость к чужому. За это на одном из семинаров преподаватель по истории партии шутливо назвал Михаила соглашателем. Про таких в Чехии говорили, что они как петухи, для которых главное прокукарекать, а там «хоть не развидняйся». Но это не мешало им быть в хороших отношениях и даже дружить, а Михаилу выстраивать карьеру комсомольского активиста. Зденек все больше и охотнее воспринимал советские ценности, и казалось, что скоро он станет настоящим ленинцем. А когда неожиданно для многих на факультете Михаил стал членом партии большевиков, Зденек тоже высказывал желание в будущем вступить в ее ряды. Но до этого не дошло. Многое изменилось в один день, когда в деканате юридического факультета раздался звонок из посольства Чехии. Сообщили об аресте отца Зденека. В этот же день в читальном зале библиотеки Михаил познакомился с будущей женой Раисой.

Арест

Политический секретарь посольства попросил декана срочно направить к нему студента Зденека Млынаржа. Посольство находилось рядом с площадью, на которой возвышался громадный памятник Маяковскому. Мысли бешено и хаотично крутились вокруг неожиданного известия об отце. Но когда он проходил мимо красного здания Моссовета, а потом каменной фигуры поэта, с чего-то вдруг подумалось о необычной форме его стихов. Некоторые из них ему показывал и читал Михаил. Строчки-лесенки навязчиво маячили в воображении. Отделаться от одной из них «сидите, не совейте в своем Моссовете» долго не удавалось. И это на фоне страха, не за себя, а за отца, мать. «Боже, помоги. Не дай сойти с ума. Как же тяжело в такой момент быть вдалеке от близких. Так одиноко. Хотя вокруг толпы людей». Последние метры перед посольством он почти бежал. Казалось, только там он сможет успокоиться. Где были, конечно, свои. Но как раз от них исходило известие о первом в его жизни страшном событии. И полная неизвестность, что будет теперь и дальше Он желал этой встречи, и он ее боялся.

Охранник проводил Зденека в комнату для посетителей. Ничего не сказал и вышел. В большом помещении из мебели было два кресла, столик, напольная ваза с искусственными цветами, да на стене знакомые портреты президента Запотоцкого и первого секретаря ЦК компартии Новотного. Стало чуть спокойнее. С обложки лежащего на столике журнала на него тоже смотрел президент. Долго никто не приходил. Возбуждение опять стало усиливаться до панического после того, как в комнату молча заглянул тот же охранник. В одиночестве и полной тишине он находился не менее часа. Наконец в вестибюле послышались голоса и шаги. Опять заглянул охранник и пригласил выйти. Его ждали двое. В строгих костюмах и с военной выправкой.

— Вы Зденек, сын Петера Млынаржа? — жестко спросил меньший по росту.

— Да, я сын профессора Млынаржа из…

— Бывшего профессора, — мягко перебил больший по росту.

— Почему бывшего? Он умер?!

— Успокойтесь, молодой человек. Он жив и здоров. Но по суду лишен свободы и звания профессора за активное участие в антипартийной группе. Потому и бывший. У вас паспорт с собой?

— Да, вот посмотрите.

Меньший взял паспорт и предложил следовать с ними. Он шел первым. Зденек за ним. Больший сзади. Гость посольства все

больше походил на пленника. Из главных апартаментов посольства через внутренний двор они прошли в скромное двухэтажное здание, похожее на дом для прислуги. Здесь его поместили в комнату, типичную для номера гостиницы, но с решетками на окнах, и без объяснений оставили опять одного.

Вышел он из посольства только к вечеру, получив свободу и возможность продолжить обучение в университете в обмен на отказ от поддержки отца и согласие негласно сотрудничать с органами госбезопасности Чехословакии.

Первая и последняя

При изучении гуманитарных предметов студентам приходилось много конспектировать. Особенно произведений классиков марксизма-ленинизма. Поэтому читальный зал библиотеки надолго становился родным домом. За столиком в соседнем ряду постоянно сидела студентка-философ. На каком она учится факультете, Михаил понял по названию изучаемых ею книг. Не красавица, но чертовски милая. И что-то в ней его очень притягивало. Сначала он поглядывал в ее сторону изредка и украдкой. Со временем она нравилась все сильнее, а его взгляды становились частыми, длительными и все более откровенными. Но опыта общения с девушками у него не было. Поэтому даже заговорить с незнакомкой он не решался. Однажды, в тот день, когда Михаил пришел без друга и сидел за столом один, поглядывая как всегда на соседку, она сама подошла к нему.

— Что уставился, черноглазый. Нравлюсь? Так и скажи. Учиться не даешь. Как будто ворожишь и ворожишь. Рая меня зовут. А тебя?

— Михаил, — от неожиданности он ответил так громко, что дежурный сотрудник читального зала сделал им замечание за нарушение тишины.

Извинившись, он осмелел и пригласил Раю за свой стол, сказав, что его друг-чех ушел в посольство и сегодня не будет. Она с радостью согласилась. До самого закрытия сидели рядышком, не шевелясь, как будто боялись нечаянно прикоснуться друг к другу. Из читального зала они вышли вместе. Долго и бесцельно бродили по центру Москвы, которую оба, как тут же выяснилось, за год учебы в университете успели полюбить.

Сближение духовное развивалось стремительно. Как будто и не было между ними никакой разницы. Как будто и пол, и прежняя такая не похожая жизнь не разделяли их, а наоборот, только роднили. Уральская девушка, уже познавшая до Михаила мужскую измену, и он, полный целомудрия южный паренек, не просто шли навстречу друг другу. Они сразу помчались в одном направлении. Да с такой скоростью, что однажды уже в зрелые годы не уследят за ситуацией и окажутся в опасности, изолированными в Форосе. Когда всего несколько шагов станут отделять их от судеб Марии-Антуанетты с Людовиком XVI или Александры с Николаем II…

В их внутренней личной жизни, когда произошло физическое сближение и они поженились, то, что они все делали вместе, только помогало. Недаром говорят, что ничто так не сближает

мужа и жену, как совместное приготовление пищи. Но для окружающих и для дел, которыми они с этого времени занимались, нередко создавало проблемы. Особенно когда он формально один, а фактически они вдвоем стали управлять громадной страной. И этим еще раз подтвердили древнюю истину о гибельности властных тандемов. Сначала они потеряли страну. Позже он потеряет и ее, свою Раису, первую и последнюю любовь. Но это все потом, а между этим они долго на зависть окружающих, страны, а потом и всего света, будут купаться в, казалось, бесконечном семейном счастье. Вот уж верно сказано, что за все приходиться платить.

Поженились Михаил с Раисой через год после знакомства. Она перебралась к нему, а Зденек перешел в комнату к Анатолию Лукьянову. Их общему другу, поэту и «профессору», как его называли на юридическом факультете за очки, отличную учебу и страсть к сочинению стихов. В будущем он действительно станет профессором и доктором юридических наук. А в конце жизни возглавит парламент страны, и некоторое время будет слепо идти за Михаилом, ставшим главой государства, заплатив за свою доверчивость годом тюрьмы.

Так сложился дружеский квартет, в котором внешне доминировал Михаил. Но все, и он тоже, понимали, что они как спутники вращаются вокруг Раисы — яркой индивидуальности и человека твердых принципов, необычайно одухотворенной личности, умницы и круглой отличницы. Она притягивала, но умела и дистанцию держать. Учеба, походы по музеям и театрам привлекали ее больше всего. Раиса старалась приобщать к этим занятиям и мужа. Михаил гордился своей женой и не скрывал это от окружающих. А она ловко и почти незаметно им манипулировала, пытаясь удерживать его от чрезмерного увлечения в ущерб семье общественными делами. Против чего он особенно и не протестовал. Это ей удавалось и тогда и впоследствии на протяжении всей его жизни. И даже в самые решающие моменты, когда от него требовались предельное напряжение и самоотдача. В таких случаях ее доминирование вредило делу, а бумерангом и семье.

Зденек вел двойную жизнь студента-отличника и тайного информатора. Внешне жизнь почти не изменилась, разве только он стал чаще ходить под разными предлогами в посольство. Его «друзей-дипломатов» интересовали настроения среди чешского землячества в университете, характеристики на возможных кандидатов для вербовки. Несколько раз он писал письменные просьбы президенту о помиловании отца. Его посольские «друзья»

обещали похлопотать. И даже они, с их профессиональной проницательностью, не предполагали, что через пятнадцать лет он станет одним из руководителей Коммунистической партии Чехословакии в самые драматические времена ее истории.

Михаил все больше времени отдавал работе в комитете комсомола, где он стал освобожденным секретарем с получением жалованья. Учился по свободному графику вне расписания. Это не могло не сказываться на качестве знаний. Раиса переживала и старалась ему помогать. Особенно в написании конспектов и подготовке докладов на семинары. Но комсомольская жизнь так отвлекала, что нередко бывшему отличнику приходилось после сессий зачищать «хвосты». В ответ на ее сетования, что с таким багажом ему не сделать юридической карьеры, он обычно говорил, что политическая карьера не хуже. Видимо уже тогда рутинная работа советского юриста его не привлекала. Такое настроение переросло в убеждение после преддипломной практики. Это видно из писем Раисе, в которых между строк, а то и прямо она читала о его нежелании возиться с протоколами допросов и очных ставок. Похоже, что профессиональная лень становилась ему преградой на пути к прокурорским или судейским занятиям. Не случайно однажды он высказался, что лучшим дипломом является партийный билет, а политическая работа — это его судьба. Женитьба не повлияла на его отношения с чешским другом. «Он был ближе, чем многие свои», — скажет как-то Михаил о Зденеке.

Клятва

Многим поколениям студентов-юристов известно, что учебная нагрузка на третьем курсе самая сложная. Особенно изматывает объемом материала и обилием новой терминологии «Гражданское право». Для студента третьего курса юридического факультета Михаила ситуация осложнилась еще и болезнью жены Раисы. В детстве она заболела ревматизмом, болезнь периодически обострялся и требовал стационарного лечения.

Из больничной пищи она почти ничего не принимала. И он каждый день после занятий готовил для нее еду. Иногда помогали ее подружки. Чаще всего готовились суп или борщ и жареная картошка с говяжьей тушенкой. Из столовой добавлялся лишь винегрет. Пока она ела, сообщал самые главные новости. Поскольку он всегда спешил, для ее личных сообщений времени не оставалось. Тогда нашли выход: она заранее подробно все излагала в письме и при прощании вручала его с небольшим комментарием. Письмо читалось в транспорте по пути в университет, так как кроме учебы его ждала работа в комитете комсомола. Потом занятия в библиотеке до закрытия и в общежитии до двух ночи. Так продолжалось почти месяц. Когда в конце февраля он пришел в больницу забирать Раису, у него был такой вид, о котором говорят, что «краше в гроб кладут».

После выписки из больницы Раису освободили от занятий еще на неделю, и она взялась откармливать своего Мишу. Из дома, как нельзя кстати, подоспела посылка с мукой и салом. Прикупив яиц, каждый день готовила его любимую яичницу со шкварками и круглые, как солнышко, пышные оладьи со сметаной. К концу недели от его истощения не осталось и следа. Жизнь входила в обычное русло. Но тут случилось неожиданное и от того еще более страшное событие. Умер высший руководитель партии и страны, вождь всех народов Иосиф Сталин! Ушел из жизни человек, который более тридцати лет держал в страхе внутренних и внешних недругов государства, а в сознании простого народа был его главной опорой и надеждой.

Секретарь парткома вызвал Михаила и сообщил, что завтра в актовом зале университета состоится траурное собрание и ему поручается выступить от имени студентов юридического факультета.

— На собрании будут товарищи из горкома и Центрального комитета партии. Набросай тезисы выступления и покажи мне. Не забудь о главном — заверить ЦК, что молодежь будет всегда верна заветам товарищей Ленина и Сталина. Ответственность

большая, постарайся. И еще. Скажешь, что мы, юристы, щит и меч пролетарского государства, не позволим его внутренним и внешним врагам воспользоваться такой утратой в своих целях. Что мы будем, не жалея себя, защищать дело усопшего вождя.

— Хорошо, я все подготовлю, — заверил секретаря Михаил.

Почти до утра с Раисой сочиняли его речь. После недолгого сна он отправился в университет на свое первое в политической карьере траурное собрание. Потом их будет немало. Но это первое, связанное со смертью вождя, останется в памяти навсегда. Секретарь парткома, бегло просмотрев текст, в основном одобрил его, но приказал убрать тезис о необходимости укрепления демократии, назвав это положение буржуазным и чуждым марксизму. Потом наказал идти в зал и ждать вызова на трибуну.

У выхода из парткома его ждал Зденек. Он знал о поручении и переживал за друга.

— Ну, что? Утвердил?

— Да, все в порядке. Правда, заставил вычеркнуть тезис о демократии. Сказал, что это попахивает социал-демократией. Пойдем в актовый зал. Ты в посольстве был, там какая реакция?

— Соболезнуют вам, но не все. Есть и те, кто откровенно ожидают перемен.

— Каких перемен?

— В сторону как раз демократии и меньшей зависимости от Москвы.

В зале все места и даже проходы были заполнены студентами и преподавателями. Несмотря на такое скопление, тишина стояла в полном смысле гробовая. У многих в глазах слезы. Раиса смогла занять для Михаила место, но с трудом удерживала от желающих его захватить. Пока решали, как обойтись двумя стульями на троих, Михаила позвали на сцену. Здесь под огромным, обвитым черной лентой портретом вождя в форме генералиссимуса, уже собрались те, кому доверили произнести траурные речи. Ждали ректора, секретаря парткома университета, представителей московского горкома и Центрального комитета партии. Наконец появились и они. Впереди шел академик Иван Петровский. Выдающийся математик с мировым именем уже два года возглавлял МГУ. Ходила легенда о том, что когда его избрали ректором, заведующий отделом науки ЦК несколько дней не решался доложить об этом Сталину. Петровский не был членом партии. А когда решился, был не меньше прежнего озадачен реакцией вождя: «Математика не философия. Это вещь беспартийная. Поэтому математикам в партиях делать нечего. Пусть руководит, посмотрим. Думаю, у него получится». Двадцать

два года до самой смерти он весьма успешно работал на посту ректора. И в этом случае вождь не ошибся.

Михаил выступал последним. Перед ним девушка с исторического не смогла договорить до конца. Видимо помешали спазмы. Боялся и он, что не справится с волнением. Но обошлось. Говорил так уверенно, как будто не в первый раз. С особым чувством и нажимом произнес ту часть, где заверял ЦК быть верным заветам товарища Сталина. После окончания мероприятия секретарь парткома крепко пожав руку, сказал, что с такими последователями делу Ленина — Сталина ничто не угрожает. И сообщил, что Михаил, Зденек и еще три студента-юриста включены в состав делегации для прощания с вождем.

На три дня тело Сталина выставили для прощания в Доме союзов. От страха за будущее и чувства огромности утраты в стране развивался общий психоз. К нескольким миллионам москвичей, желающих проститься с вождем ежедневно прибавлялись сотни тысяч приезжих. «Голова» общей очереди начиналась на Пушкинской площади. Продолжалась по Неглинной до Трубной и, раздваиваясь по Бульварному кольцу, тянулась в одну сторону до Белорусского вокзала, в другую — до Сухаревской площади. Из иностранных и советских официальных делегаций составилась особая очередь на Охотном ряду. В гигантской общей очереди в один из дней возникла такая давка, что некоторое число людей было просто затоптано насмерть. Но и это не останавливало поток желающих. Всего за три дня через Колонный зал Дома союзов прошло более двух миллионов человек.

Из особой очереди первыми пропускали делегации от братских зарубежных партий и государств, потом от союзных республик, краев и областей. Затем шли делегации видов Вооруженных сил, министерств и ведомств. На третий день очередь дошла до представителей организаций и учреждений. Хоронили Сталина на четвертый день под рев заводских и паровозных гудков. Все дни прощания и похорон были объявлены траурными. Начало марта в тот год был очень холодным, и пока стояли в очереди, мороз пробрал до костей. Поэтому после прохождения делегацией МГУ Колонного зала и прощания с вождем, Михаил предложил Зденеку пойти в столовую погреться и по русскому обычаю помянуть покойника. В центре все заведения были закрыты и только на Пречистенке друзья отыскали работающую чайную. Несмотря на название, здесь подавали не только чай. С трудом нашли свободный столик. Мысль о поминках явно посетила не только друзей. Зденек

предложил «ударить» по пиву. Чех он и в день похорон чех, без пива никак. Михаил согласился, но сначала, как полагается, выпили за упокой «вождя всех времен и народов» по сто пятьдесят «московской», а потом продолжили пивом.

— Когда стояли в очереди, впереди были шахтеры, и один рассказал байку про Сталина. Из которой следует, что он не был сторонником трезвости, — нарушил первым молчание Зденек.

— Я слышал, что он любил выпивать и угощать. Иногда пил коньяк, но в основном употреблял грузинские вина, — откликнулся Михаил.

— Так вот, — продолжил Зденек, — шахтер рассказывал, что на Политбюро обсуждали кандидата на должность министра угольной промышленности. Один член Политбюро был против, сообщив, что кандидат хорошо выпивает. На это моментально среагировал Сталин: «Но если судить по его фигуре, то он и хорошо закусывает». Кандидатуру тут же утвердили.

— Похоже на анекдот. А вот еще такая история, — продолжил тему Михаил. — В Ялте Черчилль и Рузвельт решили разыграть Сталина. Черчилль за завтраком сообщает, что ему приснилось, как его назначили премьер-министром всей Земли. Рузвельт тут же говорит, что ему приснилось, как его назначили президентом всей Земли. И ждут, а что же Сталин. Ведь он оказался, пусть и во сне, не у дел. Но Сталин не растерялся и тут же говорит хитрецам: «А мне приснилось, что я вас в этих должностях… не утвердил!»

Видимо услышав разговор о Сталине, попросил разрешения присесть сидевший за соседним столом мужчина, по виду неопределенного занятия.

— Ребята, я немножко выпил, не обижайтесь. Вы, наверно, студенты. Слышу, речь о покойничке. По его милости только что пятерик отмотал. Опоздал я на работу на десять минут. Объявили саботажником и за каждую минуту — по полгода. Со мной в лагере еще за колоски много зеков сидели. Знаете про колоски?

— Я знаю, штурвальным на комбайне у отца работал, — ответил за двоих Михаил и продолжил, — не пойму только при чем покойник, если ты опоздал. И не надо лапши. За пять минут не судили. А только за час и больше. Я юрист и этот закон знаю. И за колоски правильно сажают. Одни пашут от зари до зари, а другие — на готовенькое. Приедешь на поле, а там половина убрано.

— Сажать человека в тюрьму за опоздание на работу и за колоски — это неправильно. Здесь я с товарищем согласен, — встал Зденек на сторону незваного гостя, — думаю, хватило бы увольнения или штрафа.

— Так ему же дармовая рабочая сила была нужна, вот и сажал всех подряд.

— Я смотрю, смелый какой. Еще тело не остыло, а он… — стал возмущаться Михаил.

— Да, смелый, — перебил незваный гость Михаила. — Кто сталинские лагеря прошел, того уже не испугаешь. Знаешь, сколько там сидят? Миллионы. Да тиран он и кровопийца, — выкрикнул гость, а потом так же громко продолжил рассказ о своих лагерных мытарствах. Публика стала смотреть в их сторону.

— Зденек, пошли отсюда. Этот тип похож на провокатора. — Михаил встал и пошел к выходу. Зденек поспешил за ним. А мужик продолжал поносить умершего вождя. Если он не был агентом МГБ, ночевать дома ему явно не светило.

Догнав Михаила, Зденек положил руку на его плечо и стал горячо убеждать, что мужчина не провокатор, а пострадавший от сталинской диктатуры, и он сам его хорошо понимает.

— Мы, будущие юристы, должны сделать все, чтобы в будущем закон победил произвол. Давай поклянемся, что мы будем за это бороться.

— Зденек, я два дня назад уже клялся. Хватит. И мы с тобой не Герцен с Огаревым. Но в одном ты прав. Беззакония и произвола хватает. Мои деды Пантелей и Андрей отсидели без предъявления обвинения по два года. Дед Раисы за несогласие с политикой Сталина был расстрелян. Поэтому торжеству закона жизнь посвятить стоит. Для этого мы и пошли на юридический.

Не стал Михаил вторично приносить клятву на верность делу Сталина, как будто наперед зная, что в будущем отступится от того общественного строя, что так упорно и нередко жестоко создавал и защищал вождь. Правда, сделал это Михаил не в виде явного предательства, а под лукавым предлогом возврата к делу Ленина, которое, по мнению таких, как он, извратил Сталин.

Через тридцать два года в Москве будет еще одно важное траурное мероприятие. На нем также выступит Михаил Сергеевич в возрасте пятидесяти четырех лет. После чего и возглавит страну. Видимо репетиция в молодости даром не прошла.

Лондон

Когда Зденеку позвонили из консульского отдела посольства и сообщили, что его отец помилован, он опешил и даже не успел ничего спросить. Когда это произошло? Где он теперь? Как его здоровье? Поэтому Зденек тут же перезвонил сам. Консул сказал, что, по его сведениям, отца освободили неделю назад и под условием немедленного выезда из страны. Но куда тот выехал ему неизвестно. Примерно через месяц он получил письмо из Лондона. В нем отец сообщал о своем освобождении и желании встретиться. Просил Зденека приехать к нему при первой возможности. Когда он рассказал об этой вести и желании повидаться с отцом заместителю декана факультета по работе с иностранными студентами, тот ничего определенного не сказал и обещал дать ответ позже. На согласование с инстанциями ушло не меньше полгода. И только в конце четвертого курса ему сообщили, что он может подать документы для оформления поездки. При этом было сказано, что визу в английском посольстве он должен получать сам.

Напротив Кремля на Софийской набережной уютно расположились белые с зеленой крышей особняки представительства ее величества королевы Великобритании. Получить здесь визу в те времена было все равно, что побывать на приеме у папы римского. Но Зденек решил попробовать. С отцом они не виделись более трех лет. И в это время у него не было желания большего, чем поездка в Лондон. В приемные часы его принял вице-консул. Долго расспрашивал об отце, о его учебе в Москве. Потом заверил: «Просьба о выдаче визы будет рассмотрена самым внимательным образом». Забрал паспорт, анкету и пригласил придти повторно через месяц.

Вторая встреча проходила в другом помещении и с другим сотрудником. Манеры Гарри, так он себя назвал, чем-то напоминали поведение «друга» Зденека из чешского посольства. И тот и этот были любезными, но как-то по-особому, жестко-любезными. Взгляд голубых глаз англичанина постоянно менялся. От изучающего — до ласкающего. Это располагало к общению. Сообщив о готовности визы, он спросил, есть ли у Зденека в Москве приятели, друзья и кто они. Ответ слушал молча и даже, как казалось, без явного интереса. Когда Зденек закончил, сказал, что является сотрудником одного научного центра и собирает материалы для диссертации о советском образе жизни. А поэтому не мог бы он о каждом из друзей составить подробный письменный отзыв. Зденек без колебаний

согласился. Подобные характеристики он много раз писал на студентов чешского землячества и не считал это чем-то дурным. Часа через три Гарри получил готовые отзывы на троих друзей из квартета и на Александра Зиновьева, с которым Зденек сблизился в последнее время. Принимая их, тот тепло поблагодарил и добавил, что «как англичанин, я не беру взаймы и не даю в долг, а поэтому Зденек за эту важную для него работу получит пятьсот фунтов в Лондоне. Это дело чести. Да и вам они будут кстати».

Получив паспорт с визой, счастливый Зденек покинул посольство. Так впервые в распоряжении английской разведки, а Гарри, как выясниться позже, был разведчиком, оказались характеристики на будущего главу советской страны Михаила Сергеевича Горбачева и его жену Раису Максимовну. Но ни Гарри, ни Зденек и никто другой не были в то время способны понять, насколько ценной эта информация окажется в будущем. Если кто-то подумает, что Зденека таким образом уже завербовали в английскую агентурную сеть, он ошибется. Это была лишь «проба пера». Своего рода проверка на лояльность. И он ее прошел. А теперь, в связи с предстоящим выездом в святая святых капитализма и цитадель антикоммунизма, ему наверняка предстоит стать объектом внимания еще одной спецслужбы — советского КГБ. Таковы законы жанра. Так жизнь крутит людьми. Особенно часто в орбиту деятельности спецслужб вовлекаются идеалисты, поскольку они живут с душой, распахнутой окружению, приукрашивая действительность и в том числе работу этих дьявольских учреждений…

Через неделю Зденек был в Лондоне и горячо обнимал отца, встречавшего его в порту.

Петер Млынарж, несмотря на годы, проведенные в пражской тюрьме, хорошо выглядел и нисколько не изменился за то время, что они не виделись. Возмужавший Зденек стал очень походить на отца. Незнакомые люди вполне могли принять этих высоких, стройных, крупнолицых и большеглазых темноволосых мужчин за братьев. Метро быстро доставило их в тот район, где Петер уже почти год снимал две небольшие комнаты. Зденеку они понравились, и он остался у отца. Здесь же он застал извещение о почтовом переводе на пятьсот фунтов стерлингов от Гарри. Для того времени это были хорошие деньги. Английская оперативность и щедрость оставляли хорошее впечатление. Поражал и Лондон, шикарный и помпезный центр, опрятные окраины. Во всем основательность и комфорт. Внешне Москва, конечно, проигрывала.

Впереди был целый месяц, но они каждый день с утра и нередко до позднего вечера все говорили и говорили. О жене и

маме, которая одна в Праге. О родителях отца и мамы, пострадавших из-за его ареста. О Праге и Чехии, где только что прекратились внутрипартийные распри. О Москве и Советском Союзе, нелегко переживающих послесталинское время. Однажды отец завел речь о своем аресте и спросил, как и от кого об этом узнал Зденек. Не ожидая вопроса, сын несколько растерялся, но потом твердо ответил, что об этом ему сообщили в деканате университета. Про посольство решил умолчать. Посчитал, что так лучше.

— А за что арестовали, знаешь?

— Сказали: за участие в антипартийной группе. И все.

— Думаю, тебе знать об этом необходимо. Но сначала скажи, как ты относишься к советской системе? И как думаешь, у нее есть будущее? Ты ведь столько лет живешь в СССР.

— Отец, я не знаю в Москве таких людей, которые бы говорили, что у СССР нет будущего. Наоборот, есть какая-то фанатичная вера в социализм и коммунизм. Особенно после победы над фашизмом. Кажется, что если их позовут штурмовать небо, они покорят и его. Даже с помощью обычных лестниц. А может, придумают и что-то другое. Думаю, что советской системе не хватает гуманности к людям. Все очень жестко, а иногда и жестоко. Но руководители страны уверяют, что без этого в окружении недружественных стран молодой системе социализма не выстоять. Им верят, особенно молодежь, — Зденек встал, обнял Петера и, улыбаясь, добавил. — Я сам уже стал советским.

— Вот этого я и опасался, — продолжал Петер. И после недолгой паузы продолжил: — Когда после смерти Клемента Готвальда к власти пришли Запотоцкий и глава Компартии Новотный, я еще преподавал философию и состоял в социал-демократах. Вскоре меня пригласил президент и предложил возглавить управление по связям с партиями. Я сразу дал согласие, вышел из партии, так требовал закон, и приступил к делу. Профессора любят, когда их зовут во власть. В это время в Национальном фронте коммунисты уже доминировали, но еще считались и с другими партиями. Но потом как будто их подменили. Новотный стал плести интриги против Запотоцкого. Надо было определяться. И я естественно стал на сторону президента. Но все решила Москва. Там поддержали Новотного, и президент превратился в свадебного генерала. Коммунисты затеяли тотальную национализацию промышленности и банков. Фермеров насильно загоняли в кооперативы. Экономика отреагировала спадом. Я, Густав Гусак и еще несколько товарищей выступили против этого курса, за сохранение демократии. Дело кончилось нашим арестом и осуждением за

«буржуазный национализм». Гусаку дали пожизненный срок, а мне и другим участникам «антипартийной группы» по пять лет. При помиловании пришлось признать вину и дать подписку об отказе от политической борьбы с режимом. Иначе я бы здесь не находился. Такова кратко печальная история моего хождения во власть. Больше туда я не ходок и тебе не рекомендую.

— Отец, ты сказал, что вы пострадали, пытаясь сохранить демократию. А стоила она того и вообще, что такое демократия? Мне кажется, это какой-то миф.

— До ареста и особенно в тюрьме я много об этом размышлял. Мнение о существовании универсальной, тем более чистой демократии, действительно миф. На самом деле есть демократии разных типов: демоохлократия, демоавтократия, демототакратия и другие — анархия, фашизм и даже народная тирания. Чистой демократии нет.

— Насчет фашизма ты не перебрал?

— Нет, объясню, в чем тут, попросту говоря, фокус. От таких форм власти, как монархии и аристократии, демократии отличаются только наличием избирательного процесса. По содержанию политического режима они иногда сближаются до неприличного сходства. А вот избирательная процедура сверху донизу присуща только демократиям. При этом голосование может быть: методом крика на площади; избранием в трудовых коллективах; по месту жительства; открыто или тайно; прямое или через представителей; с лишением права участия в выборах, каких-то слоев или без такового. Поэтому и фашизм тоже, так как это не форма власти, а содержание политического режима, нередко избранного демократическим путем. И социализм автоматически ничего не гарантирует. СССР при Сталине и теперь — это две разные демократии, но избранные на основе одной и той же избирательной процедуры, прописанной в Конституции 1936 года. Была сталинская демототакратия. Теперь формируется демоавтократия. Более мягкий режим.

— А что было при Ленине?

— Думаю, что демоохлократия, нередко переходящая в народную тиранию. Которую по ошибке назвали военным коммунизмом. Коммунизм, по теории Маркса, — это изобилие. А тогда были довольно голодные годы.

— Ну, ты и нагрузил. Прости, отец, похоже, тюрьма для философа не худшее место для раздумий.

— Ты над отцом не смейся. Лучше подумаем, чем тебе заняться после университета. У тебя какая специализация?

— Практику проходил в прокуратуре. Дипломная работа о прокурорском надзоре.

— Думаю, что пока Новотный у власти, в прокуратуру тебе дорога закрыта. А посему, когда приедешь в Прагу, иди к моему другу директору Института государства и права. Он не откажет. Займись наукой, защити диссертацию. Дальше будет видно. Диктаторы вечными не бывают. Запомни, тот социализм, который он насаждает, не приживется. В нем мало человеческого. И, кажется, в СССР тоже.

Это был их последний разговор. На другой день Зденек с утра поехал на встречу с приехавшим из Москвы Гарри и возвратился глубоким вечером. В квартире его ждал полицейский, который и сообщил ему, что после обеда отца с сердечным приступом доставили в больницу, где он внезапно скончался.

В будущем, наблюдая за политической практикой и вспоминая отца, он не один раз поражался его проницательности.

Юрист широкого профиля

Возвращение в Москву было нелегким. Сразу после похорон хотелось остаться в Лондоне. Но здравый смысл взял верх. И еще уверенность в том, что отец этого шага не одобрит и с того света. До получения диплома в МГУ оставалось меньше года. Отбросив все сомнения, Зденек покинул Лондон.

Михаил был на практике. Поэтому встретились они только после его возвращения. Вскоре из поездки к родителям возвратилась и Раиса. Они буквально ни на час не оставляли Зденека одного. Поддерживали, как могли. Зденек привез им подарки. Был в восторге от уровня жизни англичан и подробно рассказывал о беседах с отцом. Вспомнил и о последнем разговоре по поводу своего будущего и перспектив социализма. Михаил согласился, что Зденеку лучше заняться наукой. А насчет мрачного будущего социализма мнения разошлись.

— Это все теория, — размышлял по привычке пространно Михаил, — а советский опыт говорит о том, что новый строй уверенно набирает обороты и назад мы не возвратимся. Хотя на местах черт знает что творится. Бюрократизм, чванство начальников. Насмотрелся во время практики и на прямое беззаконие.

— Западный опыт, — упорно настаивал на своем Зденек, — убедил меня в том, что только общество, в котором человек обладает собственностью, имеет стимулы для развития. В ином случае оно обречено на прозябание и гибель.

Раиса вначале держала нейтралитет и в их разговоры не включалась. Только однажды попросила не забывать, что стены иногда тоже слышат, но, не удержавшись, сама добавила.

— Знаешь, Миша, будучи у родителей, я увидела, как скудно живут люди. Они часто не имеют в достатке самого элементарного: сахара, керосина, крупы.

— Рая, не забывай, еще недавно была страшная война. Хотя до слез обидно видеть, как мои родители тоже с трудом перебиваются от зарплаты до зарплаты. А ведь отец прекрасный специалист. Лучший комбайнер МТС.

— Не забываю, но пора и о людях подумать.

— Вот поэтому в документах партии и говорится, — продолжал Михаил, — что надо быстрее переводить экономику на мирные рельсы. Будем делать меньше снарядов, произведем больше крупы и других товаров. В будущем вообще надо добиваться разоружения. Я верю в мир без насилия и войн. Но для этого надо, чтобы Запад признал за нами право жить так, как

мы желаем.

— Миша, — включился Зденек в диалог супругов, — я читал в одной из лондонских газет, что для этого Советы должны прекратить экспорт социализма. Еще там утверждается, что социализм — это тупик.

На самом деле, такое ему говорил Гарри на встрече в Лондоне. Но он все больше и незаметнее для себя втягивался в игру, в которой был всего лишь одной из пешек гигантской шахматной доски, на которой свои партии играли СССР и недавно созданный Североатлантический союз (НАТО). Или, вернее сказать, становился одновременно приемником и передатчиком чуждых и опасных идей неверия в социализм, для которых не страшны никакие глушилки. Яд неверия самый коварный, он действует медленно, почти незаметно, но наверняка.

— Насчет экспорта согласен, но только пусть и они прекратят экспорт демократии своего образца. Мы хотим и можем жить своим умом. Хотя без взаимного обмена идеями проиграют все, и они и мы, — Михаил оставался верен себе. Стремление к компромиссам, похоже, его никогда не покидало, и он миролюбиво продолжил. — Как ты говоришь, отец сказал о нашем социализме, «мало в нем человеческого». А что, с этим можно согласиться. Очень правильно. Справимся с разрухой и станем жить по-человечески. Мы с тобой, дорогой Зденек, стоим на одной позиции и никогда ее не покинем. Мы не перебежчики. Тем более СССР теперь не одинок. Столько стран становятся на наш путь. И вместе мы большая сила.

Парадокс ситуации состоял в том, что они, как и многие другие из молодого советского поколения, все более не осознавая того, призывая к быстрейшему улучшению условий жизни, содействовали той позиции, которая была выгодна натовским кукловодам. Позицию разрушения советской системы путем размывания духовных ценностей и восхваления культа материальных благ.

Михаил с Раисой поженились седьмого ноября и отмечали каждую годовщину свадьбы вдвоем сразу после возвращения с праздничной демонстрации на Красной площади.

Эта годовщина была особой. Через полгода учеба завершалась и предстояло расставание с друзьями. Поэтому на торжество решили пригласить Зденека, Анатолия и Александра, который только что приехал из Парижа, где он два месяца учился в рамках студенческого обмена на философском факультете Сорбоннского университета. Анатолий и Александр пришли с однокурсницами. В маленькой комнате было тесно, тепло и

грустно. Пили французский коньяк, закусывали селедкой под шубой. Если бы это варварство видели французы… Когда пришел Зденек, Михаил вывел его в коридор и сказал, что утром перед демонстрацией к нему подходил куратор факультета из органов и просил присмотреть за Зденеком.

— Наверно, это из-за поездки в Лондон, — отреагировал Зденек на сообщение друга и вспомнил предупреждение Гарри о возможном интересе к нему со стороны сотрудников госбезопасности. И продолжил: — Зря они беспокоятся. Мне СССР не враг, ты знаешь.

— Уверен в этом, поэтому и сказал о кураторе. Пошли к ребятам. Послушаем, что Александр рассказывает о поездке в Париж.

— Ребята, там рай, настоящий рай. Магазины ломятся от товаров. Правду говорят, что дефицит у них есть: дефицит денег. Но кругом чистота и порядок, — продолжал восторгаться философ, пока его довольно бесцеремонно не остановил Анатолий.

— Саша, ну что ты кукарекаешь. А безработица, а эксплуатация? Да, у нас мало товаров и мало платят. Но нет безработицы и нет такой эксплуатации. Как работают, так и получают. Некоторые ходят на работу отдыхать. Что, нет таких? Полно. Кстати, а кто оплачивал твою поездку?

— А это к чему? — не понял Александр.

— А все к тому. Ну а все же, кто?

— Французская сторона. И что?

— А коньяк ты на какие шиши покупал?

— Из французских денег на карманные расходы.

— Вот отсюда и твой халявный восторг, — жестко подытожил Анатолий.

И тут началось! К спору присоединились девушки, добавив, что «в наших магазинах нет хорошей одежды и белья, стыдно парням показаться». Раиса попросила Анатолия выбирать выражения и не обижать Александра, который продолжал настаивать на своем, что у нас все хуже, чем там. Порядок восстановил Михаил предложением попеть песни, которое всех примирило.

Разошлись поздно. Обещали помнить и поддерживать друг друга. До получения дипломов собраться всем вместе уже не удалось. Перед отъездом домой Зденек зашел к Горбачевым и подарил на память о совместной учебе и дружбе копию своей дипломной работы с надписью: «Другу Мишке, юристу широкого профиля. Зденек».

Минеральный секретарь

Раиса университет закончила, а Михаилу еще оставался год учебы. Ей прочили будущее большого ученого и предложили аспирантуру. Она согласилась. Надеялись, что и Михаил после окончания обучения сможет остаться в Москве. Так все и складывалось, пока не случилась первая и последняя осечка в его карьере.

Председатель комиссии по распределению выпускников скорее ради проформы спросил у Михаила, который как секретарь комитета комсомола и сам был ее членом:

— Не возражаешь, если направим тебя на работу в Генеральную прокуратуру? От нее поступила заявка на одного человека. И мы считаем, что достойнее твоей кандидатуры нет. Коммунист, женат, орденоносец. Учился успешно. Так что давай, только не подведи. Квартиру обещают выделить в течение года. А пока поживете в общежитии для аспирантов.

— Благодарю за доверие. Для меня это большая честь. Все сделаю, чтобы вы не пожалели о своем решении. Разрешите мне выйти, сообщить жене. Она здесь и очень волнуется. Пусть порадуется.

Михаил выскочил в коридор, где Раиса ждала результата.

— Райчонок, порядок! Меня распределили в Москву, да еще и в Генеральную прокуратуру. До получения квартиры разрешено пожить в аспирантском общежитии. Надо сообщить родителям, чтоб не переживали за нас. Видишь, как хорошо все устроилось.

— Знала, за кого замуж выходить. С тобой не пропадешь. Пойдем, я тебя покормлю.

— Не могу. Я же член комиссии, а заседание не закончилось. Все, пока. Готовь обед. Буду через пару часов.

На другой день с выпиской из решения комиссии Михаил был в управлении кадров Генеральной прокуратуры. Встретили любезно, попросили заполнить анкету и отпустили, порекомендовав прибыть через две недели. Довольный Михаил пересекал небольшой двор на выходе в сторону кованых ворот, когда дорогу ему перегородил какой-то нагловатый мужчина: «Смахивает на того мужика, что клеился к нам с Зденеком в чайной в день похорон Сталина», — подумалось ему.

— Привет, узнаешь? Я тебя хорошо запомнил. Ты же меченый. Не обижайся, так в народе говорят. Бог помечает не зря. Видно, далеко пойдешь. А корешок твой, длинный, где? Он, наверно, иностранец. По-русски не чисто калякал. Помнишь чайную на Пречистенке в день похорон злодея?

— А вот ты кто? Чего здесь делаешь? Опять что-то натворил?

— Нет, хватило от Сталина. Теперь хлопочу о реабилитации. Говорил я вам, что за пустяк посадили, так ты не поверил. Слышал, сколько народа уже выпустили? А дружок твой меня поддержал. Привет ему и доброго здоровья. Слушай, ты часом не здесь работаешь? Помог бы мне. Как тебя звать-величать, а то ведь не найдешь, тут вас много.

— По имени я Михаил, а фамилия тебе ни к чему. Сюда только устраиваюсь, и помочь тебе не смогу. Если зря сидел, разберутся и без меня. А выпускают не безвинных, а по амнистии. Не путай праведное с грешным. Бывай, я спешу.

— Ишь, занятой какой. Еще не работает, а уже некогда ему. Гордый ты человек. Вот от таких в народе и беды. Зря нос задираешь. Гляди, не оступись, — уже в спину предостерег Михаила незнакомец.

Через две недели тот же кадровик и так же вежливо сообщил Михаилу неприятное известие.

— Принять вас на работу не можем. Есть постановление инстанций, надеюсь, вам не надо объяснять, что это за органы, запрещающее зачислять выпускников вузов в центральные аппараты ведомств. Так что зайдите в соседний кабинет и получите направление на родину — в прокуратуру Ставропольского края. Покажете себя там, и дорога в Москву через пяток лет будет открыта.

— Это невозможно. У меня здесь жена. Вы разбиваете семью.

— Где она работает, напомните?

— Она учится в аспирантуре.

— Не надо так расстраиваться. Закончит и приедет к вам. Не вы первые и не вы последние. А временная разлука только проверит на прочность вашу семью.

— Спасибо за странную заботу о семье. И все же я должен сам прочитать названное вами постановление. Пусть я и молодой юрист, но привык верить только закону и своим глазам.

— Это похвальное качество, но документ этот секретный. А у вас нет допуска к такого рода актам.

— Но это же неправильно, когда документ, регулирующий трудовые отношения, засекречен. Ведь сейчас партия осуждает такой подход. В этих отношениях должна быть полная гласность. И потом была же заявка на молодого специалиста. Если есть запрет, почему вы ее направляли в университет?

— Да, здесь произошла неувязка. Заявка была направлена, как и положено, полгода назад. Постановление с запретом мы только что получили. Насчет гласности. Конечно, в небольших дозах она полезна. Для контроля за бюрократией. Но во многих

государственных делах без соблюдения тайны нельзя. В центральном аппарате прокуратуры также очень много секретных сведений. Впрочем, я не должен вам все это объяснять. Получайте направление и в Ставрополь. Счастливого пути.

— Но, может, направите меня в прокуратуру по Москве? Я не смогу расстаться с женой.

— В городской вакансий нет, есть в областной, в городе Зарайске. Хотите, направим вас туда?

— От Москвы это далеко?

— Не очень, километров двести.

— Я подумаю, до свидания.

— Думайте быстрее.

Михаил покидал главное здание правоохранителей страны в полном смятении. Еще во время учебной практики в районной прокуратуре многое в этом учреждении ему не понравилось. Особенно бросалось в глаза явное равнодушие к посетителям. Но генеральная прокуратура в его представлении до этого общения оставалась святилищем, храмом законности. Теперь он не знал, что думать и делать. Закон и его с Раисой жизнь были так цинично попраны именно там, где менее всего ожидалось. Его разочарование было бы еще большим, если бы он знал, что никакого секретного постановления на этот счет нет. А есть устное указание МГБ не брать на работу в центральный аппарат ведомств лиц, побывавших на оккупированной территории. Михаил попал под запрет потому, что полгода был «под немцами». Это был первый сбой в его короткой, но до этого довольно удачной судьбе. Состояние становилось все тревожнее. Росло острое чувство несправедливости и желание как можно быстрее добраться в общагу к Раисе, под ее защиту. И вместе думать, как быть.

Для нее это известие было таким же неожиданным. Но она повела себя так, как будто знала о нем заранее. Видимо была из породы фаталистов — людей всегда и ко всему готовых.

— Ни в какой Зарайск мы не поедем. Это далеко. Туда даже не ходит электричка.

— Откуда ты знаешь?

— Со мной на философском из этого города училась девочка. Она рассказывала, как непросто добираться до Москвы. Едем на твою родину. Это судьба. И потом, зачем нам мрачная Москва, если предлагают солнечный юг. С аспирантурой я решу. Переведусь на заочное отделение. Миша, все, что ни делается, все к лучшему. Уж как минимум, для моего ревматизма.

— Ты еще скажи, все что ни делает бог…

— И скажу, если надо.

Михаил был поражен, с какой решимостью она расставалась с главной мечтой жизни — заниматься научной работой в первом вузе страны. Он был убежден, что за годы, проведенные совместно, уже хорошо изучил Раису. Но вдруг ясно понял, что его Раиса остается женщиной-загадкой. Что она не обычная жена. Она его бесценное достояние и ангел-хранитель. В этой, как ему казалось, сложнейшей ситуации, так подняться над всем обыденным в жизни и положить себя на самом деле в жертву, могла далеко не каждая. Она это сделала без надрыва и малейшего укора. Михаил понял теперь, что их жизни соединились действительно навсегда. Именно с этого эпизода и до конца совместной жизни она станет в их паре бесспорным лидером.

Ставропольский край по экономическому потенциалу и тогда и теперь не отнесешь к лидерам. Промышленности никакой, среднеразвитое сельское хозяйство, низкая плотность населения. В краевом центре тогда проживало около 200 тысяч. Казалось бы, типичная российская окраина. Но есть в этих местах и изюминка — курорт Кавказские Минеральные Воды. А для руководителей края это не столько неограниченная возможность укрепления собственного здоровья, сколько трамплин для карьерного прыжка в столицу. Для этого надо не слишком высовываться и очень прилежно опекать регулярно приезжающих в Кисловодск, Железноводск и Ессентуки на поправку здоровья лидеров страны. Получалось, чем хуже состояние здоровья у московского начальства, тем чаще они приезжают на воды. И тем больше шансов у краевых начальников проявить о них свою небескорыстную заботу. Более того, это превратилось в некую стойкую закономерность. Два первых руководителя края Суслов и Кулаков не без помощи «святой» минеральной водички перебрались в Москву на должности секретарей Центрального Комитета партии. Десятки других партийных и советских чиновников еле успевали грузить пожитки при переездах в столицу на министерские и другие высокие должности. В свое время этот трамплин предстоит осваивать и нашему герою. И он не промахнется. Вроде бы не очень почетное звание — провинциальный «минеральный секретарь», им будет тоже с блеском конвертировано в московский капитал. И также в должность секретаря ЦК партии. Традиции — дело святое.

В краевой прокуратуре вначале тоже встретили приветливо. Прокурор края Петухов, кроме того, что был фанатиком прокурорско-следственной работы, в свободное время писал очерки на материалах местной практики. Поэтому сразу вручил новичку экземпляр своей первой книжки. Мол, знай, куда

приехал. Мы МГУ не кончали, но тоже не лыком шиты. К концу службы он издал и вторую книжку. По ходу беседы прокурор выяснил тему выпускного диплома. Узнав, что она посвящена правовому регулированию деятельности местных Советов, предложил работу в отделе общего надзора. Михаил согласился, подумав при этом, что, слава богу, не придется возиться с преступниками, писать протоколы и выезжать «на трупы». Прокурор тоже был доволен. Не каждый день приезжает такое пополнение.

Получив на устройство быта три дня, Михаил решил проведать в крайкоме комсомола земляка и заодно попросить помочь в поиске жилья. Познакомились они в те годы, когда Михаил был секретарем комсомольской организации школы, а Алексей возглавлял их райком комсомола. Теперь он был заведующим отделом крайкома. Встреча получилась душевной. Сидели долго. Вспомнили учителей, друзей и знакомых. С жильем он действительно помог. Его родственники учителя-пенсионеры сдавали комнату. Все три ее окна выходили в сад. Это и решило дело. В этот же день и заселился. На второй день решил выходить на работу, но на пути в прокуратуру его нагнал «газик» и водитель сообщил, что надо срочно прибыть в крайком комсомола.

Секретарь крайкома без особых политесов сообщил: «Нам нужен заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды. Если удастся отпросить у прокурора, мы хотим тебя взять к себе. Очень не хватает образованных кадров. Из тридцати человек аппарата только пять имеют высшее образование. С университетским — ни одного. В течение года предоставим квартиру. Отдельную вряд ли, а две комнаты в коммунальной — гарантирую». Предложение Михаилу понравилось, и он дал согласие.

Теперь с прокурором был очень неприятный разговор. Но чем больше он возмущался просьбой Михаила, тем упорнее тот стоял на своем. Казалось, своим стремлением покинуть прокурорскую систему, отторгнувшую его так бесцеремонно в Москве, он мстит за испытанное им тогда унижение. Однако согласия на переход в крайком прокурор не дал. О чем Михаил сообщил своим комсомольским друзьям. Но на второй день, теперь по инициативе прокурора разговор продолжился и неожиданно Петухов сдался. Видимо к делу удалось подключить кого-то из секретарей крайкома партии. Как бы там ни было, прокурор Михаила отпустил.

Через двадцать шесть лет на имя секретаря ЦК КПСС Горбачева пришла посылка с дарственной книгой. В ней бывший

прокурор края Петухов написал: «Сегодня я с огромным удовлетворением думаю о том, что поступил тогда правильно, не встав на Вашем жизненном пути». Интересно, написал бы он подобное к концу перестройки? Скорее всего, в эти горбачевские штормовые годы старый законник бил бы себя по седой голове и приговаривал: «Нет мне прощения. Ведь я мог остановить его еще тогда!»

На бюро крайкома Михаила без проблем утвердили в предложенной должности. С этого времени и началось его необыкновенно быстрое восхождение по карьерной лестнице: год-два и следующая ступенька. Через пять лет он возглавил крайком комсомола и вошел в краевую политическую элиту. Никаких внутренних и внешних конфликтов в этот период в его жизни не было. Но в 1961 году первый морально-политический сбой все же произошел. Ему пришлось открыто поднять руку на самого Сталина. Вернее, на память о нем.

Как первого секретаря крайкома комсомола его включили в состав делегатов на XXVII съезд партии от Ставропольского края. На нем всем раздали повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Из сюжета не без таланта написанного произведения следовало, что Сталин никакой не вождь, а правитель-преступник. И возвеличен незаслуженно. Делегатам съезда предложили проголосовать за вынос его тела из Мавзолея Ленина-Сталина. Как и все, Михаил без колебаний проголосовал «за». Отрекаясь таким способом от Сталина, имя которого было неразрывно связано с верой в марксистско-ленинскую коммунистическую идеологию, как и многие, Михаил тогда сделал первый, и может быть, решающий шаг к отступничеству. Только из этих многих в будущем никому не пришлось стать правителем сталинской державы. А ему пришлось. Но без веры, как еще раз показала жизнь, такой державой править невозможно. Потому что произошло естественное раздвоение личности. В точном соответствии с его знаком зодиака — Рыбой. С этой поры на публике он яркий и страстный пропагандист и строитель коммунизма, а в камерной обстановке, среди единомышленников — первый его критик. И то не самой Идеи напрямую, а как будто отдельных неудачных ситуаций, связанных с ее реализацией на практике. Первыми такими единоверцами стали Раиса и Зденек. Потом лидер грузинского комсомола Эдуард Шеварднадзе, ну и наконец Андропов. Да, сам руководитель ведомства, призванного как зеницу ока оберегать неприкосновенность системы, был ее активным критиком. Больше того, имея все основания и возможность пресечь дружбу Михаила с Зденеком, он этого не сделал. Полагая, что через последнего он получил один из

каналов проникновения в одну из мощных зарубежных спецслужб. Точно так же он поступал и в отношении Александра Яковлева и генерала Калугина, наивно думая, что в нужный момент будет не поздно повернуть ситуацию в свою пользу. Игра с помощью двойников под силу только виртуозам своего дела. Но Андропов таким не был.

Вскоре, в соответствии с неписаными кадровыми канонами Михаила переводят на партийную работу. И здесь тоже происходит стремительный взлет вверх. Неконфликтный с начальством, хотя иногда «дерзкий, но болеющий за дело», напористо-фамильярный с подчиненными (не хам, но независимо от возраста ко всем обращался на «ты»), путь от парторга района до первого секретаря крайкома партии он проходит за восемь лет. Именно в этот период за год до избрания первым, происходит самое знаковое событие в его партийной карьере. В курортном Железноводске в санатории «Дубовая роща» Михаил знакомится с главой КГБ Юрием Андроповым — будущим руководителем СССР. Очень скоро формальное знакомство переросло в дружбу, которая продолжалась пятнадцать лет до кончины последнего. Как-то впоследствии, уже будучи секретарем ЦК, Горбачев рассказал Черняеву — самому близкому помощнику: «Мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров. И наши позиции совпадают». Доверительность в их разговорах означала возможность критиковать все и кого угодно, кроме двух вещей: личности тогдашнего правителя Брежнева, а также самих основ идеологии коммунизма. Практику коммунистического строительства — пожалуйста, но ее каноны ни в коем случае. Возможно Андропов, а за ним и Горбачев, не ведая того, были основателями новой идейной оппозиции под безобидным и политически нейтральным названием советский конформизм. Этакое активное участие в поддержании господствующего порядка, сопровождаемое внутренним, пассивным протестом до занятия господствующих постов.

Михаил Горбачев с Юрием Андроповым ко всему прочему были еще и земляками. Двадцатью годами раньше Михаила из того же Ставрополья в большую жизнь отправился семнадцатилетний Юрий. К концу 60-х годов он стал крупной политической фигурой. Был руководителем комсомола Ярославщины и Карелии, вторым секретарем ЦК Карело-Финской ССР. Руководил отделом ЦК КПСС, посольством СССР в Венгрии. Избирался секретарем ЦК КПСС. В 1967 году возглавил Комитет государственной безопасности, вошел в состав Политбюро.

После хрущевского разгрома комитет превратился в

заурядную контору без заметного влияния на внутреннюю жизнь страны. Политический сыск был упразднен. Вместе с этим исчезло и само понятие политзаключенные. Остались классические для спецслужбы направления — разведка и контрразведка. Возможно, так бы далее и продолжалось. Но неожиданно в стране случилось несколько волнений и даже бунтов. Особенно грозными стали кровавые события в Новочеркасске. В их основе были просчеты власти в экономической политике. Но выводы последовали организационно-политические. Это сделать всегда проще. И вскоре в структуре КГБ возродились секретно-политические подразделения по борьбе с идеологическими диверсиями. Кроме противодействия подрывной деятельности зарубежным антисоветским центрам и подпольным организациям внутри страны, им было поручена профилактика преступлений в сфере идеологии (!) со стороны отдельных советских граждан. В некоторых случаях профилактика заканчивалась вынесением официального предостережения. Эта мера была не такой уж и безобидной, как это преподносил Андропов — ее организатор и активный сторонник. Лицу, подвергнутому профилактике, закрывался выезд за границу, перекрывался допуск к секретным сведениям. Для него становился невозможным какой-либо карьерный рост. Эта мера, по крупному счету, была задумана и проводилась как продолжение идеологической стерилизации общества, но «гуманно», без прежних репрессий. За первые десять лет после введения профилактики ей подверглись около 70 тысяч человек, из них более 8 тысяч с вынесением официального предостережения. При Андропове продолжилась практика помещения наиболее непримиримых противников советского режима на принудительное лечение в закрытые отделения психиатрических лечебниц. Всего с 1955 по 1980 год эта мера применялась к 375 «больным». Появились и реальные политзаключенные. При Андропове их было «посажено» около одной тысячи. И, все-таки, правы те, кто утверждают, что Андропов был и считал себя либералом. По сравнению со Сталиным.

Придя к власти, Горбачев полностью отказался от методов своего старшего друга и выпустил почти всех политзаключенных. Почему он не пошел по андроповскому пути дальше? Очевидно потому, что у него не было за плечами жесткой, а подчас и жестокой политической школы, называемой сталинизмом, которую успешно окончил Андропов. Он не только не попал под маховик репрессий, но и сделал такую карьеру! Будучи сиротой, прошел путь от учащегося речного техникума до руководителя

государства. Возможно, Андропов и был для Горбачева другом, но точно, не — Учителем. И потом, они дружили семьями, а это совсем не то, что называется личной дружбой. В семейном варианте дружеские узы не подавляют личности.

Карьера самой Раисы в Ставрополе поначалу, да и в последующем не складывалась. Только через несколько лет она смогла получить скромное место преподавателя философии и социологии в местном институте. Все эти годы с присущей ей настойчивостью она помогала мужу выстраивать карьеру и разделять груз его должностных обязанностей. «Она постоянно подправляла мужа и поучала других», — вспоминала об этом периоде одна из ее приятельниц. Не без ее влияния он делает важный карьерный ход — заочно получает диплом экономиста в местном сельхозинституте. Что сделало Михаила еще раз (как с орденом в юности) «эксклюзивом» в номенклатуре: юрист с экономическим уклоном. До него в высшей советско-партийной номенклатуре такое образование имел только один из первых ренегатов марксизма-ленинизма Николай Бухарин. В эти же годы, не имея другой аудитории, она постоянно пичкала его философской материей. Со временем он поверил в свою исключительную образованность. С этой поры никто из окружения по этой части не казался ему достойным соратником.

Их общие с Раисой усилия дали прекрасный карьерный результат: в сорок лет Михаил стал первым секретарем крайкома партии, то есть руководителем крупного советского региона. О ее роли в его делах и продвижении знали многие. Но это его, как видно, не смущало. На эту тему он сочинил анекдот и с удовольствием его рассказывал: «Спрашивается, что такое половина Первого? Ответ: жена Михаила Горбачева. И, похоже, не худшая половина».

Несколько раз за эти годы в край приезжали группы иностранных журналистов, чтобы рассказать миру о небывалых успехах самого молодого в СССР руководителя региона Михаила Горбачева. Был создан и показывался по каналу BBC документальный фильм о нем и Раисе как идеальной советской семейной паре. Делались и собственные карьерные попытки сближения с руководителями страны, прибывающими в их регион на лечение минеральными водами. Как правило, они удавались, но один раз случился и обидный сбой. Приехав к Председателю правительства Косыгину вдвоем, узнали, что он примет только его. Причем высокий гость в ходе беседы сказал, что он принимает местных руководителей для обсуждения важных государственных вопросов и не понимает, при чем тут жены. Другое дело Председатель КГБ Андропов. Он приезжал всегда с

женой, и Раиса очень легко, проявляя о них максимум заботливости, нашла ключик к Татьяне Филипповне, а через нее и к влиятельному мужу. В обмен Михаил и Раиса получили его покровительство, открывшее в будущем дорогу для возвращения в Москву. Об этом Раиса мечтала постоянно.

Все эти годы связь Михаила и Зденека не прерывалась. Трижды во время выездов Михаила с Раисой во Францию, Италию и Карловы Вары они встречались лично. Во Франции в течение двадцати дней они втроем на автомобиле проехали от Парижа до Лазурного берега и обратно. Раиса потом признавалась, что из этой поездки они приехали другими людьми. Жизнь и порядки во французских городах и поселках их очаровали. Три-четыре раза в году обменивались открытками. Иногда общались по телефону. И было видно, что расстояния не нарушают их личной и идеологической близости. Зденек выполнил наказ отца. Сначала поработал в Институте государства и права в Праге. Защитил диссертацию. Потом возглавил отдел ЦК Компартии Чехословакии по правовым вопросам. Это не мешало Зденеку поддерживать связь со своими лондонскими «друзьями». Отчасти им он и был обязан научной и партийной карьерой. Никто из чешских коллег не получал в зарубежных научных изданиях такого количества хвалебных рецензий на его не особенно выдающиеся научные труды. Дважды он награждался премиями международных организаций в области права. Вряд ли кто-то смог бы узнать их местонахождение. Премии он получал на счет в банке, не выезжая из страны. Такой способ материальной поддержки своих друзей западные спецслужбы применяли нередко.

Однажды Зденек по приглашению английского друга Гарри прибыл в Вену. Вместе с Гарри на встречу в гостиницу пришел джентльмен, который назвал себя директором Американского института по изучению национальных элит. Он высоко оценил вклад Зденека в изучение персон из элит советского блока. Особенно Дубчека в Чехии, Лукьянова, Зиновьева и Горбачева в СССР. Работу эту надо расширять, посоветовал американец.

«Мы хотим знать, кто есть кто не только в Праге, Москве, но и в важных регионах Чехии и СССР. В борьбе идей без знания сильных и слабых сторон соперников нельзя рассчитывать на победу. А некоторые из них способны стать и нашими союзниками. Среди ваших советских друзей есть Михаил Горбачев. Вы пишете, что Михаил не ортодокс и не испытывает вражды к Западу. Восприимчив к идеям гуманизма. Эти качества указывают на его явное отличие от сталинистов. Недавно он возглавил один из южных регионов. Это самый молодой в СССР и

очень перспективный руководитель такого ранга. В досье на него ваши отзывы очень квалифицированные. С ним необходимо продолжать контакты. Нашей целью является продвижение его на один из серьезных постов в Москве. Мы желаем, чтобы вы посетили его в регионе. Организуйте себе поездку в СССР. Нас также очень интересуют элиты Украины и Грузии»

Наконец через двенадцать лет после окончания университета Зденек снова приехал в СССР и навестил своих самых близких друзей. Летел он через Тбилиси, где встретился с Эдуардом Шеварднадзе. Михаил встречал его в аэропорту Минводы. Теперь это была встреча, пусть и личная, но уже не просто друзей по учебе, а членов ЦК двух дружественных партий. Одна из них, чехословацкая, в это время втягивалась в острый кризис, известный как «пражская весна». КПСС, как и страна, в этот период, наоборот, пребывали, пожалуй, в самой лучшей форме за всю свою историю.

Они крепко обнялись и потом долго, долго не могли разъять рукопожатия.

— Это мои края, моя родина. Наконец ты ее посетил. Помнишь, как часто я тебе о ней рассказывал в первый год знакомства в Москве, — взволнованно проговорил Михаил. Потом усадил друга в автомобиль, и они помчались в его родительское село. На следующее утро выехали на юг края в горный поселок Архыз. И там, в новой уютной даче на берегу реки с водой изумрудного цвета провели они три дня в окружении покрытых хвойным лесом остроконечных хребтов. На второй день к ним присоединился недавний лидер комсомола Грузии, а теперь министр охраны общественного порядка Эдуард Шеварднадзе, с которым Михаил дружил, а Зденек только что познакомился в Тбилиси. Разговоры и раздумья были непростыми. Чехословакия первой в советской мировой системе вошла в системный кризис. От того, как он будет разрешен, очевидно, зависит судьба всей системы. И как не допустить возврата в прошлое, а используя кризис, двинуться вперед к более гуманному обществу. Нужен был интеллектуальный прорыв в понимании ситуации. Михаил, Эдуард и Зденек подробно обсуждали пути выхода из кризиса. Хотя Зденек хорошо знал, чего хотят он и его западные друзья.

— Помнишь, мой отец предупреждал, что в нашем социализме мало человеческого. Прошедшие годы эту оценку подтвердили. Новотный и команда оказались не способными реформировать созданную Готвальдом советскую систему в «социализм с человеческим лицом». Поэтому я и мои товарищи хотим сменить Новотного на Александра Дубчека — гуманного и прогрессивного человека. Кстати, он тоже юрист и учился в СССР.

По твоему мнению, какова будет реакция Брежнева и Политбюро?

— На замену, думаю, нормальная. А дальше? Как поведете дело. «Социализм с человеческим лицом». Красиво, но реально ли такое? Не знаю. Тут надо еще думать. Но кому-то начинать надо. О нашей встрече в ЦК КПСС я скажу, что ты приезжал как частное лицо. По старой дружбе. Так лучше и для меня, и для тебя. У нас тоже надо многое менять. Иногда думаю, что вообще любой социализм это выдумка. Многое в нем не работает. Но здесь в регионе ничего не сделаешь. Нужно пробиваться в Москву. Недавно я близко познакомился с Андроповым, новым главой КГБ. Он приезжал на отдых. Вот здесь, в этом месте мы провели неделю. Он высказал интересную мысль о том, что мы не знаем общества, которое построили. Думаю, что в будущем он может возглавить страну.

Услышав такое про Андропова, Зденек чуть не подпрыгнул. Только ради этого стоило ехать к Михаилу в такую даль. Молчавший до этого Эдуард добавил: «СССР очень разная страна и понять ее не просто. Мы не знаем мира, а он не знает нас. Для начала неплохо убрать железный занавес между системами. А потом поменять все с головы до ног». Позже он станет министром иностранных дел СССР и станет соавтором курса во внешней политике под названием «новое политическое мышление».

По пути домой Зденек заехал в Киев для встречи с теперь уже профессором местного университета Александром Зиновьевым. И здесь снова удача. Саша вручил ему для публикации на Западе свою рукопись о проблемах и отсутствии перспективы реального социализма. Тогда это пройдет незамеченным для советских властей. Но за напечатанную впоследствии за рубежом книгу «Зияющие высоты», в которой Александр предрекал крах советской системы, его из страны выдворили. И он же при конце жизни написал и издал выдающуюся работу «Русская трагедия», в которой предал анафеме самого себя и всех тех, кто разрушал СССР.

Через месяц в Праге на Пленуме ЦК Новотного сместили. Дубчек стал первым, а Зденек Млын — секретарем ЦК Компартии Чехословакии по идеологии. Зденек написал Манифест о социализме с человеческим лицом под названием «Пражская весна». Однако цветы пражской весны цвели недолго. Как только в Москве поняли, что Дубчек и Млын ведут дело к выходу Чехословакии из советской социалистической системы, с ними встретился Брежнев и заявил, что пересмотра послевоенного мира он не допустит: «Слишком большую цену в войну и после нее Советский Союз заплатил за то, чтобы мир стал более

стабильным. И мы не позволим американцам хозяйничать в Европе, насаждать в мире свою диктатуру или новый мировой порядок, что одно и то же, которую только кретины и идеалисты по недоразумению называют демократией».

Но чешские реформаторы угрозу не восприняли всерьез и продолжили разрушительные действия. Тогда в Прагу и в другие важные города Чехии были введены войска пяти стран Варшавского Договора. Дубчека отправили послом в Турцию. Зденек эмигрировал в Вену и там описал неудавшийся эксперимент в книге «Мороз ударил из Кремля». Встречи с Михаилом стали редкими и только в третьих странах. Он и его британо-американские друзья о Михаиле Горбачеве не забывали. По их оценкам, в последующих сражениях против СССР и советской системы он идеально подходил на роль одного из могильщиков советского социализма. Однако и в самых смелых их планах они еще не видели в нем того, кто возглавит разгром собственной страны.

«Сон» Леонида Ильича

Специальный поезд мчал Брежнева в Баку. Лидер страны ехал с визитом в республику Азербайджан. По пути на всех станциях, где меняли электровозы, его встречало местное начальство. Это скорее ритуальное, чем деловое мероприятие было обязательным. Не встретишь Генерального секретаря, прощайся с должностью. Не понравишься, тоже добра не жди. Крайне желательно было угодить и с дарами. Не очень дорогими, но чтобы с местным колоритом. В Ростове-на-Дону — рыба, черная икра и игристое «Цимлянское». В Кавказской — коньяки Краснодарского края, балыки, икра, шампанское «Абрау-Дюрсо», чай, фрукты, виноград. В Минеральных Водах — колбасы, коньяк «Прасковейский» и обязательно настойка «Стрижамент». А дальше по ходу несли кубачинскую серебряную чеканку, кизлярские и дербентские коньяки. В такой дальней и длительной поездке с многочисленной свитой годилось все. О самих дарах, конечно, докладывали. Но об истинных их объемах Леонид Ильич даже не догадывался. Да и не царское это дело принимать и считать ящики, мешки и коробки. Нередко преподносили подарки-символы. Например, краснодарские и кисловодские вазы и сервизы.

В этот раз руководитель Краснодарского края Медунов приказал изготовить и привезти в Кавказскую, в качестве главного подарка, сноп кубанского риса из нового урожая. Не знал Медунов, что накануне начальник управления КГБ по Краснодарскому краю направил своему шефу Юрию Андропову в Кисловодск, где тот отдыхал, депешу с убийственной информацией о коррупции на курортах края и приписках при уборке урожая риса. Андропов в соответствии с заведенным порядком срочно переправил ее Брежневу.

Сноп приняли, но Брежнев к Медунову из вагона не вышел. Объяснили тем, что Леонид Ильич с трудом заснул и врачи будить не рекомендуют. Однако начальник его охраны успел шепнуть местным чекистам о нежелании Генсека видеться с главой края. Вместо Брежнева пришлось прогуляться вдоль состава с его бессменным помощником Черненко. Уезжал глава мощнейшего советского региона из Кавказской мрачнее тучи. Интуиция опытного партийного деятеля подсказывала, что сон Генсека это лишь предлог. Да еще в сообщениях телеграфных агентств, будто в издевку, говорилось о теплой встрече Медунова с Брежневым. Видимо журналисты забыли внести изменения в заранее заготовленные тексты. После Кавказской следующая

остановка планировалась в Минеральных Водах. Там Брежнева должен был приветствовать глава соседнего региона. Им то и был Михаил.

Накануне он выезжал в Москву на похороны другого давнего опекуна, бывшего главы Ставропольского края Федора Кулакова, руководившего в СССР сельским хозяйством. После ухода Кулакова заговорили о преемниках. Чаще других называли Медунова, полтавского главу Моргуна и Горбачева. За каждым стояли свои покровители. Михаила продвигали члены Политбюро Косыгин, Суслов и Андропов. Все трое — завсегдатаи кисловодских Минеральных Вод. И всегда в компании Михаила и Раисы. Моргуна двигал земляк, второй секретарь ЦК Кириленко. Медунова — сам Брежнев, но до той злополучной телеграммы о коррупции и приписках. Теперь оставались двое. Моргун не имел курортного ресурса, но Кириленко стоил троих горбачевских опекунов. Складывалась ничья. И последнее слово оставалось за Брежневым.

После похорон Кулакова Михаил прямо из аэропорта проехал в «Красные камни» — самый элитный кисловодский санаторий. Здесь Андропов с женой, в компании с Раисой, ждали его возвращения.

Когда «Волга», проскочив мимо памятника Дзержинскому, резко пошла в гору, слева у санаторного трехэтажного особняка он заметил, как Юрий Владимирович фотографирует Татьяну Филипповну и Раису.

— Останови, — приказал он водителю. Увидев выходящего из авто Михаила, Раиса обрадовалась и позвала к себе, сообщив, что Юрий Владимирович сегодня выступает в роли семейного фотографа.

— Ну, ты скажешь, фотографа. Не обижай члена Политбюро. — Он подошел к Андропову, и они обнялись.

— Юрий Владимирович, как вы насчет обеда. Я с дороги, проголодался.

— Охотно поддержу голодного путника, — отозвался Андропов, — да и дамы намекали, что пора бы за стол.

Обед подали на веранду. Обслуживала как всегда Неля, знающая все привычки и кулинарные пристрастия Андроповых и Горбачевых. Они мало чем отличались и это тоже их сближало. В этот день был борщ с пампушками и чесноком. Пельмени в курином бульоне. Салаты из овощей с сухариками и вареным языком. На десерт кофе с мороженным. И по бокалу красного сухого. Крепких напитков Андропов не употреблял. Не позволяли почки. Поэтому и Михаил с Раисой никогда при нем не пили ничего другого. Хотя без высоких гостей могли позволить себе

одну-две рюмочки «Стрижамента» или «Прасковейского». По настроению.

После обеда Татьяна Филипповна взяла любимый сборник поэзии Степана Щипачева и ушла отдыхать. Андропов сказал, что приляжет позже, и пригласил Михаила в кабинет. При этом Раиса не могла скрыть явного желания составить им компанию. Почувствовав это, мужчины позвали ее с собой. Андропов даже пошутил: «Куда же вы друг без друга, да и философ нашему обществу не помешает». Он очень ценил ее цепкий ум и педантичный характер.

— Ну, что, Михаил, было тяжело? — посочувствовал Андропов.

— Да, приятного мало. Похороны человека, которого близко и столько лет знал, это нелегкое испытание. Он же из нашего края. Меня первым секретарем крайкома комсомола ставил. И обстановка была нервозной. Первые лица партии и государства на погребении члена Политбюро не участвовали. Неужели правда самоубийство? Слухи ходят всякие. Вы-то уж знаете.

— Председатель КГБ знает много, да мало чего может сказать. Придет время, узнаешь и ты. Власть такая штука, которая света и огласок не любит. Не заметил, в кремлевских коридорах даже окон нет. Вот так. Жалко Федора Давыдовича. Рано ушел. Но речь не об этом. Теперь нужен преемник. Я хочу предлагать тебя. Косыгин и Суслов согласны, что надо двигать молодых. В Правительстве и Политбюро одни старики. Что скажешь?

— Я же понимаю, что это вопрос Леонида Ильича. Говорят, он видит на этом месте Медунова.

— Так до недавнего времени и было. Но сейчас у него проблемы с урожайностью по рису, да и с кадрами не все в порядке. Арестовано или под следствием около двухсот человек, в том числе из партактива, а он твердит, что с кадрами в крае порядок. Явно потерял нюх Сергей Федорович.

Андропов поднялся и прошелся по кабинету. Михаил молчал. Как будто боялся спугнуть удачу. Столько лет двигался он с Раисой к такому моменту, и вот он наступил.

— Миша, ты что, не уверен? — не выдержав паузы, заволновалась Раиса. — Юрий Владимирович, вы же знаете, он справится. Если не Миша, то кто?

— Раиса Максимовна, я в Михаиле уверен. Поэтому и буду завтра в Минводах рекомендовать его Леониду Ильичу. Все, отдыхаем.

Кроме чисто человеческого желания помочь своим молодым друзьям вырваться из провинции, продвигая Михаила, да еще в тандеме с расчетливой Раисой, Андропов преследовал и тайный

интерес: укрепление собственных позиций за счет кадров, обязанных ему своим выдвижением. В своей политической карьере он давно действовал в соответствии с правилом: «кто не думает о настоящем, тот не имеет будущего».

На другой день к приходу специального поезда в Минеральные Воды на перроне уже были Андропов, Горбачев с Раисой и начальник местного Управления КГБ Нордман. Когда состав остановился, Андропов с Михаилом направились к вагону Генсека.

— Мне позвонили в машину и сообщили, что в Кавказской к Медунову он не вышел. Поэтому не тушуйся. Бери инициативу в разговоре на себя. Леонид Ильич после болезни еще слаб и говорит с затруднением. Проблемами не грузи, его надо беречь. Кратко доложи о достижениях и планах. Следи за его состоянием. Увидишь, что устал, прощайся. Я зайду в вагон и там скажу о тебе, — продолжал по ходу наставлять Андропов.

Через минуту-две из ближнего вагона на перрон вышел Черненко. Одет был по-дорожному, в спортивный костюм. Обнявшись с Андроповым и пожав руку Михаилу, поинтересовался, как отдыхается.

— Хорошо, да быстро заканчивается. Ну, бог с ним, с отдыхом. Как настрой, здоровье у шефа?

— Сейчас сами увидите. Обещал, что выйдет.

— А по преемнику Кулакова есть информация?

— Да, Леонид Ильич склонен к вашему предложению. Я тоже поддерживаю. Пошли встречать.

При помощи охранника из своего вагона на перрон спустился Брежнев. Когда встречающие подошли, всех обнял и расцеловал. Потом Леонид Ильич огляделся и спросил, что это за пара, указав на стоявших поодаль Раису и Нордмана. По жесту Андропова они подошли и представились. Узнав, что Раиса жена Горбачева, Брежнев по-отечески стал его журить за попытку спрятать от Генсека такую милую женщину. Вспомнив наставление, Михаил попросил разрешения на доклад и кратко выдал домашнюю заготовку. Брежнев молча выслушал. Потом, кивнув в сторону Михаила, спросил у Андропова.

— Это и есть твой южный самородок?

— Да, он самый, — кратко подтвердил Юрий Владимирович.

Больше вопросов не последовало. Леонид Ильич поблагодарил за доклад, вяло помахал рукой на прощание и стал подниматься в вагон. Андропов и Черненко последовали за ним. Минут через пять Андропов вышел и состав отправился.

— Вопрос решен. Готовься, Михаил, к новой работе и переезду в Москву. Раиса, вы довольны? Знаю, как давно мечтали

о Москве. Теперь все музеи и театры ваши. Но, конечно, не это главное. Вы оба достойны большого будущего. В этом я уверен.

Так, буквально на ходу, действующий глава СССР с подачи двух будущих руководителей страны, в вагоне, за считанные минуты принял решение, которое выводило соавторов грядущих разрушительных реформ Михаила и Раису на высшую политическую орбиту. Это решение стало смертным приговором для одной из сверхдержав, который и будет исполнен спустя тринадцать лет.

И снова Москва. Уезжали неудачниками, а возвратились сразу на самый политический Олимп. В советские времена переезд в Москву для любого был равен получению дворянского звания. Попадание при этом в высший эшелон партийной номенклатуры тянуло не меньше, чем на графский титул. Привилегии посыпались на них как из рога изобилия. Шикарные и бесплатные квартира и загородная дача; прислуга, охрана и спецтранспорт; продовольственные заказы по цене ниже себестоимости; лучшая в Москве поликлиника; лучшие дома мод, ателье и парикмахерские; приглашения в театры и на выставки; приемы в иностранных посольствах; бесплатный проезд и пребывание на лучших советских и зарубежных курортах. И масса других приятных мелочей, которые в прежней провинциальной жизни и не снились.

Пицунда

На территории СССР это абхазское курортное поселение в зимнюю пору было одним из немногих, где можно было «укрыться» от московских холодов. Температура ниже нуля здесь такая же редкость, как выше нуля зимой в Москве. Согласно неписаному правилу, секретарь ЦК, курирующий сельское хозяйство, брал отпуск после окончания на селе полевых работ. Южанин Михаил после переезда в Москву зимой постоянно мерз. А в этот год уже в ноябре морозы были ниже нормы. Так что звонок из Тбилиси был кстати. Чета Шеварднадзе обычно также отдыхала зимой и приглашала провести отпуск вместе в Пицунде на государственно-партийной даче.

Эдуард Шеварднадзе уже седьмой год возглавлял Компартию Грузии. Около года как стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Имел репутацию крепкого партийного руководителя и верного ленинца, умелого борца с коррупцией. Раисе и Михаилу очень нравились теплота и взаимное уважение в семейных отношениях этой уже немолодой, но энергичной пары. Отношения Горбачевых и Шеварднадзе можно было назвать не просто дружескими, а очень доверительными. Особенно на отдыхе. Между ними давно не было закрытых для обсуждения тем. До этого они уже трижды совместно проводили отпуск в Пицунде.

Дача состояла из нескольких просторных хорошо обставленных двухкомнатных номеров и находилась в ста метрах от моря в окружении реликтовых пицундских сосен. Зимой море для купания было холодным и поэтому время делилось между процедурами, прогулками по территории и редкими экскурсиями. Иногда по средам Раиса вытаскивала друзей на концерты органной музыки в Пицундский собор.

Михаил и Эдуард сблизились еще с 1970-х годов, в бытность комсомольскими вожаками соседних советских регионов — Ставрополья и Грузии. И тогда же с первых встреч, а в одной из них, как помнит читатель, принимал участие Зденек Млынарж — пражский антисоветчик и друг Михаила, они убедились, что их взгляды на жизнь совпадают. И что крамольные разговоры о недостатках советской социалистической системы, о необходимости устранения партии от непосредственного управления экономикой, введении многопартийности, о большей самостоятельности республик не выходят «наружу», остаются между ними и не наносят вреда их успешным карьерам. Поэтому с каждой новой встречей доверительность в отношениях

нарастала. К тому же Раисе было очень комфортно с женой Шеварднадзе — Нанули, которая никогда не навязывала своего мнения и всегда соглашалась с ее философскими назиданиями.

В аэропорту Адлера было пустынно и тихо. Курортный сезон давно закончился. Ни пассажиров, ни самолетов. Это сразу настраивало на приятный уединенный отдых в зимней, но теплой Пицунде. Эдуард с Нанули прилетели раньше и встречали московских гостей у трапа. После объятий с модными тогда лобызаниями, друзья разместились в двух черных «Волгах» и через час были на государственной даче. Недолго отдохнув с дороги, Горбачевы направились в номер Шеварднадзе на обед. Апартаменты грузинского лидера состояли из огромной гостиной и уютной спальни. Два балкона выходили в редкий сосновый парк, сквозь который хорошо просматривалось не по-зимнему спокойное море.

Большой обеденный стол от обилия еды и напитков выглядел роскошно. Преобладали блюда местной кухни и грузинские вина. По праву хозяина Эдуард произнес по-кавказски великолепный тост за нового кандидата в члены Политбюро Михаила Сергеевича Горбачева. Закончил его так: «Из нас двоих только у Михаила Сергеевича есть шанс стать во главе партии, так как грузин уже был ее руководителем». И разговор тут же завертелся вокруг фигуры Сталина. В ту пору, впрочем, как и после, ни одно застолье с участием грузин без этого не обходилось. После хрущевских разоблачений имя вождя всех времен и народов попало под запрет. И только земляки продолжали считать его исторической фигурой и даже сохранили музей. Публично Эдуард придерживался официальной партийной линии осуждения Сталина за репрессии. В узком кругу выражал более умеренное мнение, оговариваясь, что правитель такой огромной и сложной страны был вынужден применять жесткие, а нередко и жестокие меры. В этот раз черту под этой бесконечной темой подвела Раиса, мудро заметив, что «после смерти Сталина прошло только 26 лет и суд истории, еще не сказал своего слова. А нам грешным не пристало быть его судьями, тем более, что правителей такого масштаба оценивают не по отдельным периодам и не за отдельные действия, а в целом с позиций соответствия или несоответствия его деятельности национальным интересам, что станет известно еще не скоро. Хотя репрессий, безусловно, оправдать нельзя».

Потом были тосты за милых и любимых женщин, солнечную Грузию и ее руководителя. Незаметно разговор перекинулся на обстановку в стране. Когда подобрались к самой актуальной в тот период теме о слабой работоспособности ведущих деятелей

стареющего Политбюро, Нанули предложила перенести разговор в парк, а потом возвратиться к десерту и кофе. Так и сделали.

Едва вышли на парковую аллею, как Раиса спросила Шеварднадзе и Михаила.

— Объясните мне, рядовому члену партии, почему в ее Уставе не определен возрастной предел пребывания на партийных должностях? Из-за этого у нас не Политбюро, а дом престарелых.

— Рая, власть это похлеще наркотика. Верно, Эдуард? Мы же с тобой знаем. Так кто же будет рубить сук на котором сидит. Культура наша монархическая, хотя и называется Политбюро. Это, по сути, коллективная монархия, — будто шутя, отвечал за двоих Михаил. — Поэтому сидят, пока не вынесут. Рассказывали, на днях выступал Брежнев, а помощник по ошибке положил ему в папку два экземпляра одного текста. Так он их оба и зачитал. В зале сидел народ ко всему приученный. Сделали вид, что все нормально. Если дело пойдет так и дальше, у страны нет будущего.

Далее разговор пошел о том, должны ли лидеры страны в случае немощи уходить в отставку или перемещаться на какую-нибудь почетную должность. Вот в армии для маршалов учрежден институт консультантов. В народе ее называют «райская группа». Или как действовать, если в стране или вокруг нее складывается кризисная ситуация. Может ли при этом лидер страны применять армию внутри и за рубежом. А если он на это не готов, например по этическим соображениям, то должен ли уйти, чтобы это мог сделать другой? Вопросы, вопросы, а ответов будто и нет. Но в будущем им придется на них отвечать, и не абстрактно, а решая судьбу страны. Ответы, к сожалению, будут неадекватными, как невыученный урок.

Вдруг Эдуард, обычно пребывающий в состоянии меланхолии, горячо заговорил о ситуации вокруг Афганистана.

— Вам, Михаил Сергеевич, известно, что там конкретно происходит и какова наша позиция?

— Знаешь, Эдуард Амвросиевич, я второй год как секретарь ЦК и второй месяц — кандидат в члены Политбюро. Но так и считаюсь в Москве салагой. Ни к каким важным вопросам пока не допущен. В кулуарах ЦК много говорят об американской угрозе на афганском направлении. Устинов с Громыко будто бы уговаривают Брежнева для ее предотвращения ввести туда наши войска. Но это, повторяю, все слухи.

— Да, нехорошо, когда важные решения принимаются келейно. Я ведь тоже о многих событиях узнаю из прессы. Хотя в таких вопросах, как использование вооруженных сил, расширять

круг посвященных тоже опасно. Ладно, будем надеяться, что когда время придет, спросят и наше мнение.

— И какое же оно твое мнение?

— А такое, что пора нам прекратить расширяться и играть мускулами. Давайте вспомним Финляндию, Чехословакию… За финскую компанию в 1939 году нас изгнали из Лиги Наций, за братскую в кавычках помощь чехословакам в 1968 году поссорились не только с Западом, но и с еврокоммунистами. А в глазах чехов из освободителей превратились в оккупантов. Так что пусть афганцы разберутся между собой сами. А американцам надо заявить открыто и твердо, чтобы они тоже туда не лезли. Но главное не это. Главное — отсутствие средств на такое дорогое мероприятие. У нас в стране столько дырок. Каждый день я подписываю письма в Совет Министров с просьбами о финансовой помощи республике и на большинство получаю отказ из-за отсутствия средств. Влезем в войну, останемся без штанов…

— Ну, не так все плохо, — перебил Эдуарда Горбачев, — резервы есть, но ты прав. Лучше пустить их на поддержку того же села или на развитие сельхозмашиностроения. А то у нас столько танков наклепали, что девать некуда. Но при этом есть области, где пашут тракторами довоенного выпуска. С комбайнами совсем беда. Во время молотьбы теряют треть урожая. Вот видишь, ты про Афганистан, а я все за село. По Афганистану я с твоим мнением солидарен. Нам там делать нечего. Да и вообще. Пора кончать с планами о мировой революции. В ЦК, по-моему, негласно все такого же мнения, но официально, вслух озвучить его никто не решается. Боятся попасть в оппортунисты. После провала социализма в Чили, а совсем недавно и в Никарагуа стало окончательно ясно, что перспектив у мировой революции нет. Прошедшие шесть лет это ясно подтвердили. Более ни одна страна не пытается идти за нами. А еврокоммунисты Италии, Испании, Франции прямо заявляют, что советская модель их больше не привлекает.

— И еще. Когда страной руководит физически немощный лидер, ввязываться в военные конфликты вдвойне опасно. Мои надежды там, «наверху», решить хоть какие-то назревшие проблемы не оправдываются. Болезни все больше загоняются внутрь, откладываются на будущее. Престарелое Политбюро действительно не способно руководить партией и страной… Иногда думаю, а брошу все к чертям и займусь наукой. Ведь после университета я мог остаться в аспирантуре. Но тогда в Москве негде было жить. Теперь квартира есть, дочь заканчивает мединститут, замужем. Возьму в университете кафедру земельного или колхозного права. Это мне близко. Что скажешь?

— Не ожидал такого поворота. Но, думаю, что из секретарей ЦК так просто не уходят. Увидят в этом скрытый протест, да и отправят послом лет на десять в одну из банановых республик.

— А что, послом тоже неплохо. Все лучше, чем отдавать силы тому, в чем сомневаешься. Ну, не работает наша система. И как ее улучшить, не известно никому.

Зная слабость своих мужчин к разговорам, Раиса и Нанули деликатно, но твердо попросили завершать прогулку и возвращаться к столу. И здесь Раиса сообщила, что они с Михаилом готовятся стать бабушкой и дедушкой: «Дочь Ира ждет ребенка, если родится мальчик, назовем Михаилом, а если девочка — Ксенией». После этого до самого расставания беседа крутилась вокруг семейной темы и больше к политике не возвращалась.

В дальнейшем дни отдыха были похожи друг на друга как морские волны. Только поездка на высокогорное озеро Рица внесла в него какое-то романтическое разнообразие. Ярко-голубой небесный купол, аквамариновая бездонная глубина озерной чаши, изумрудная зелень сосен, пихт и елей на горах первого яруса, а над ними белоснежная гряда покрытых ледниками трехтысячников, в который раз заставили восхититься этой чарующей красотой.

А между тем приближался Новый 1980 год. Заботы о настоящем вытеснялись ожиданием очередного рубежа, который, несмотря на явный символизм, неизменно порождал больше, чем обычно, раздумий о будущем и обострял интерес к вечным вопросы бытия. Прежде всего — к жизни и смерти. Этой главной паре антагонистов. Как-то во время прогулки по сосновой роще, Михаил подошел к могучей сосне, к стволу которой была прикреплена табличка с надписью: «сосна «Патриарх», высота 50 метров, обхват 7,5 метра, возраст более 300 лет» и, глядя вверх на крону, заговорил.

— Райчонок, — почему-то Михаил назвал жену так, как обычно обращался в молодости или в письмах, — как думаешь, от чего она такой вымахала? Рядом в тех же условиях все одинаковые, а она, действительно, как патриарх над ними.

— Естественный отбор, Миша. Всему причина природа. Все как у людей. Вот я постоянно болею. Потому что родители мои такие. А ты когда-нибудь болел? При мне такого не случалось. Твоя мама как эта сосна, а ты в нее. Так что до ста лет проживешь. Правда, в утешение таким, как я, болящим, придумали пословицу: «больное дерево долго скрипит». Но я на это не надеюсь. Скоро или чуть позднее мой ревматизм меня добьет…

— Ты это брось. Под Новый год и такие мысли.

Михаил хотел добавить, что с переездом в Москву настоящая жизнь только началась и еще столько предстоит сделать из задуманного, и что медицина творит чудеса, но тут увидел, как по аллее в их сторону необычно быстро идет Шеварднадзе.

— Михаил Сергеевич, Раиса Максимовна, я уже полчаса вас ищу, — не доходя, почти прокричал он. — Вы, наверно, ничего не знаете. По радио передали, что наши войска вошли в Афганистан. Новым руководителем страны стал некто Кармаль. Прежний — Амин, погиб при неясных обстоятельствах.

Некоторое время все молчали. Как будто и «ожидаемая» новость, но все же думалось, что обойдется. Не обошлось. Первым отреагировал Михаил.

— Надо же, двум кандидатам в члены Политбюро о таком решении даже не позвонили. Стыдоба. Необходимо ехать в Москву, а тебе Эдуард — в Тбилиси.

Собрались быстро. Тепло попрощались и разъехались. Никто, и они в том числе, не предполагали, что Афганистан это надолго и что именно Михаилу и Эдуарду через десять лет придется принимать очень непростое решение о выводе оттуда советских войск.

«Архитекторы»

Служили в ЦК КПСС два товарища. Анатолий Черняев уже много лет работал консультантом в международном отделе. После фронта окончил исторический факультет МГУ, защитил диссертацию по истории Британской империи и был приглашен в консультанты. Потом два года работы в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге и возвращение в этот же отдел. Работу в чешской столице он вспоминал как курорт. Поэтому и работой эти годы не назовешь. Больше бездельничал в кампании поговорить и попить пива. Между собой сотрудники журнала называли его гнездом оппортунистов или позолоченной оппозицией. Отсюда и вышли потом ставшие известными перестройщики Ю. Карякин, два Георгия — Арбатов и Шахназаров, В. Лукин, Мераб Мамардашвили и другие либералы от марксизма-ленинизма.

Был Черняев невероятно трудоспособным и талантливым в написании статей, речей и аналитических документов. Мастером по превращению идей начальства, нередко озвученных по телефону, в статьи и даже книги. Имел две слабости: вино и женщины. Однако с ног никогда не валился. И от жены жалоб в ЦК не поступало. Поэтому его долго и не продвигали и не выгоняли. Но эксплуатировали на полную катушку.

В это же время в отделе пропаганды работал другой фронтовик Александр Яковлев. Происхождением из среды староверов, тоже способный, но без явных слабостей. Критичный до злости. Его карьера поначалу складывалась весьма успешно — за восемь лет он поднялся от инструктора до исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды. Но заведующим все не назначали. Так и работал с неприятной и даже унизительной приставкой «и.о.» четыре года. Поговаривали, что против был член Политбюро, Председатель Комитета госбезопасности Андропов, который якобы имел на него компромат со времен стажировки Яковлева в Колумбийском университете США.

Явный разрыв в служебном статусе не мешал Анатолию и Александру оставаться друзьями. Особенно сближало таких разных партаппаратчиков их фронтовое прошлое и нетрадиционный взгляд на социализм. Оба считали, что в нем много бюрократического и мало человеческого.

Приближалось 50-летие образования СССР. Страна готовилась к юбилейным торжествам. В научных и партийных учреждениях писались доклады и статьи на тему юбилея. В

некоторых из них утверждалось, что сожительство республик в рамках Союза привело к утрате их национального своеобразия. Авторы таких трудов призывали уделять больше внимания самобытным историческим истокам, отрицали наличие классовых противоречий в истории развития народов СССР. Также впервые ставился вопрос об ущемлении статуса русских как образующей государство нации. В этой обстановке Черняев предложил Яковлеву совместно подготовить и опубликовать за его подписью в популярной тогда «Литературной газете» статью о национальной политике КПСС. Статья получилась фундаментальной и выглядела как попытка перехвата влияния и претензию на лидерство в высших идеологических партийных кругах. К тому же появилась она без санкции главного идеолога партии Суслова и Политбюро. Но главной «крамолой» в статье, способной поссорить КПСС с интеллигенцией, Брежнев и Суслов посчитали заявление Яковлева, что «надо вернуть народу Сталина». Такая инициатива, мягко говоря, не поощрялась. В ходе разбирательства всю ответственность за публикацию взял на себя Яковлев. В результате на десять лет он оказался в почетной ссылке. Послом в Канаде. Позже в годы перестройки иначе как душегубом и иродом Яковлев Сталина не называл. Есть и иная версия о причине «ссылки» будущего архитектора перестройки. Александр Бовин говорил Черняеву и Арбатову, что Яковлев в беседах с подчиненными обзывал Брежнева тупой серостью и тому кто-то «доложил».

Черняева с его невысокой должности понижать было некуда. Но подозрение в вольнодумстве долго не снимали. И как потом выяснилось — не напрасно. Поэтому когда новый Генеральный секретарь ЦК Горбачев предложил работу помощника, а фактически одного из архитекторов нового политического мышления во внешней политике, без раздумий согласился. Через время с помощью Яковлева он подготовил визит Горбачева в Канаду для изучения опыта работы фермеров. По-нашему — местных сельхозпроизводителей. Там, вдали от Москвы, и состоялось близкое знакомство еще одного «архитектора» и «прораба» Перестройки.

После встречи и обеда Яковлев пригласил высокого гостя в посольский сад прогуляться. Служба безопасности не рекомендовала вести серьезные разговоры в помещениях посольства. Вспомнили о прошлых встречах и, особенно, о совместной поездке на съезд одной из братских компартий, в ходе которой выяснилась близость их взглядов и оценок на положение в стране и мире. Потом уточнили программу визита.

— Знаешь, Саша, когда меня ставили на сельское хозяйство,

Брежнев сказал: «Надо решить вопрос с мясом. Для этого вас и взяли из Ставрополя. Справитесь?» Это был 1978 год. Прошли годы, а ситуация с мясом не улучшилась. Бьюсь, бьюсь, а толку мало. Объемы производства растут, а на прилавке его все меньше. Армию, тюрьмы, больницы, школы, заводские столовые еще обеспечиваем, но магазинам достаются крохи. А народ судит власть по прилавку. Вот хочу посмотреть, как канадцы управляются с этим.

— Посмотреть мы тебе обеспечим, но вопрос в том, как их опыт применить у нас? Их правительство, говоря твоими словами, бьется над тем, как не допустить перепроизводства сельхозтоваров и мяса в том числе. Иначе — падение цен и банкротство фермеров. Системы-то разные. Мы в период индустриализации из села все соки выжали и теперь ни прямые дотации, ни регулярное списание долгов колхозам и совхозам не помогают. Скажу крамолу, но другого выхода не вижу — надо отдавать землю крестьянам в собственность, а колхозы распускать.

— Я тоже к этому склоняюсь, но это же революция. Сейчас даже заикаться на эту тему бесполезно. Недавно Суслов с гордостью докладывал в Политбюро о том, что в Сибири и на Севере исчезли последние кустари, а колхозы фактически из артелей превратились в государственные сельхозпредприятия, подобно совхозам… Надо в ЦК стягивать свои силы. Пора и тебе возвращаться в Москву. Приеду и поставлю этот вопрос перед Генсеком.

Горбачев был в Канаде неделю. И все это время они много говорили с Яковлевым о возможных путях реформирования партии и советской системы. При отъезде, Михаил полушутя заметил: «Архитектуру реформ, я вижу, ты здесь за десять лет продумал хорошо. Осталось решить, кто возьмет на себя роль прораба». В контексте их бесед это прозвучало как явная заявка Горбачева на эту роль.

По возвращении в Москву Андропов пригласил Горбачева для доклада о поездке в Канаду. Когда он вошел в кабинет Генсека, там уже был и недавно переведенный из правительства на должность секретаря ЦК по экономике Рыжков. Именно с этими двумя относительно молодыми деятелями новый руководитель СССР связывал свои планы по возвращению стране былого динамизма. Горбачев отвечал за аграрную отрасль, Рыжков — за промышленность. В отличие от Михаила, который по-крупному ничего кроме комсомольско-партийного пороха не «нюхал», Николай Рыжков прошел закалку на «Уралмаше» — крупнейшем

предприятии страны от рабочего до его руководителя и к пятидесяти годам стал первым заместителем главы Госплана СССР.

Генсек тяжело дышал и говорил с трудом. Болезнь заметно прогрессировала. Сомнений не оставалось. Жизнь его подходила к закату. Но сдаваться он не хотел и все оставшиеся силы направлял на попытки хотя бы что-то успеть сделать из задуманного. Один из немногих оставшихся большевиков в руководстве партии пытался вылечить страну и советскую систему от застоя. При этом он делает фатальную ошибку — ставит на Горбачева, коего многие годы считал единомышленником, но который таковым не был и умело скрывал свои замыслы по уничтожению социализма. Ошибся он и в Рыжкове. Этот способный, честный и преданный советской системе деятель не имел решимости отстаивать свою позицию. Так что бывший руководитель мощнейшей в мире спецслужбы в людях ошибался часто и по-крупному. Достаточно хотя бы вспомнить историю с его многолетним протеже генералом КГБ Олегом Калугиным, осужденным впоследствии российским судом за разглашение США сведений, составляющих государственную тайну.

— Михаил Сергеевич, рассказывайте, что полезного привезли из Канады, — предложил после приветствия Генсек.

— Да, доложить есть что.

Затем он долго и подробно поведал о впечатляющих успехах канадских фермеров и предприятий в производстве и переработке сельхозпродукции. Андропов слушал внимательно, не перебивал и только делал короткие заметки в рабочей тетради.

— Вижу, их опыт вам понравился, так?

— Да, Юрий Владимирович, очень.

— Тогда дело сталось за малым — внедряйте этот опыт в наше сельское хозяйство. У вас все, Михаил Сергеевич? — подвел итог Андропов.

— По поездке все. Но есть, Юрий Владимирович, еще один вопрос, кадровый. Правда, не по моей, так сказать, епархии. Разрешите?

— Что еще. Наверно, речь о Яковлеве?

— Именно о нем. Уже десять лет сидит он в Канаде. Не пора ли его возвратить? Он опытный работник, а здесь таких, особенно сейчас, когда вы разворачиваете страну на новый курс, очень не хватает.

— Ну, насчет нового курса вы перегнули. Курс у нас прежний — больше социализма. И в этом деле он не помощник. Скорее наоборот. Особенно опасно подпускать его к идеологии…

Помолчав, Андропов добавил: — Вот пройдоха, уже и к вам подобрался. Николай Иванович, — обратился он к Рыжкову, — вы знакомы с Яковлевым?

— Лично нет, Юрий Владимирович, но наслышан. Читал когда-то его нашумевшую статью в «Литературной». Меня она поразила лицемерием в части отрицания классового подхода и откровенной непартийностью.

— И я об этом. Мелкий интриган. Нечего ему здесь делать. Пусть сидит в Канаде.

Вскоре Андропов умер. У власти временно, фактически в роли местоблюстителя, оказался больной и безвольный Черненко. И только в этой ситуации «архитектор» грядущей перестройки Яковлев с помощью ее будущего «прораба» Горбачева смог возвратится в Москву. Однако сразу в ЦК протащить его не удалось. Тогда Горбачев, который стал вторым человеком в партии, «делает» Яковлева директором Института мировой экономики и международных отношений, депутатом Верховного Совета СССР, членом-корреспондентом Академии наук. И уже потом, когда Горбачев станет Генсеком, Яковлев будет избран секретарем ЦК и членом Политбюро.

Смотрины в Лондоне

О Михаиле и Раисе еще чаще стали писать в самых престижных зарубежных газетах и журналах. Из поездки в Канаду он привез много вырезок из газет со своими фотографиями и интервью. Думал ее порадовать. Но она обиделась за то, что поехал без нее. Пришлось долго убеждать, что такой порядок. Она не соглашалась и упрямо твердила, что порядок негодный и требует изменений.

— Хватит советским руководителям делать вид, что у них жены или умерли, или годятся только для кухни. Если кто-то стыдится, пусть ездят сами. А ты, Михаил, больше один не поедешь никуда. И по стране тоже.

Но на этом разговоре она не успокоилась. Когда из Англии Михаилу пришло приглашение посетить их парламент во главе делегации Верховного Совета, она позвонила Председателю Президиума Верховного Совета и получила разрешение на поездку с мужем. С этого времени они везде ездили только вместе.

После пражских событий в борьбе двух систем более чем на десять лет наступило негласное перемирие. Это были и самые лучшие годы Утопии, в которой многие из нас жили и оценили которую только после утраты. Но с ухудшением здоровья Брежнева страна вместе с ним стала ветшать и слабеть. Это состояние оживило надежды ее противников на реванш. В Лондоне собрались лучшие специалисты по Советам. Их анализ привел к выводу, что наступает время решающего удара по Кремлю. И лучший для этого способ — продвижение на пост главы партии и государства либерально настроенного лица из нового, не прошедшего сталинскую школу, поколения. При этом следует вовлечь его в борьбу против общих угроз, за мир без насилия и войн. В борьбу за возрождение попранных во многих регионах мира общечеловеческих ценностей. Прежде всего, прав и свобод людей. В этом процессе собственно социалистические ценности потеряют привлекательность и растворятся в неизбежном стремлении людей от страстей, стесненных идеологией к страстям необузданным и свободе в обладании материальными благами и обогащении. Как только идеологический хребет будет сломан, советская система рухнет. Для реализации завершающего этапа операции был создан объединенный американо-британский комитет под названием «Преемник», общее руководство которым взяла на себя британский премьер Тэтчер.

В этот период в высшем руководящем органе страны «несталинистов» было двое — Романов и Горбачев. Но только второй, по их убеждению, подходил на отведенную роль. Романов в стране и за рубежом имел репутацию ястреба. Да и фамилия напоминала о царской династии, приведшей в начале XX века Россию к катастрофе. Другое дело Горбачев. К этому времени о нем знали все или почти все. И все же было решено перед окончательным решением пригласить его на смотрины.

Перед встречей на стол Тэтчер легло его подробное досье. Второй экземпляр был направлен за океан в Белый дом. В нем содержалась подробная характеристика четы Горбачевых: «Он и она идеалисты. Верят в нравственную политику и мир без насилия. Она умная, властная, честолюбивая, жесткая. Он — посредственного ума, властолюбивый и упрямый, но ей во всем подчиняется. Склонен к лукавству и макиавеллизму, компромиссам ради компромиссов и бесконечным маневрам с целью уклонения от принятия решений. Пленник навязчивых туманных идей. Не ортодокс. Скорее оппортунист. Несмотря на два высших образования, фундаментальными знаниями не обладает. Так как ни юриспруденцией, ни экономикой практически не занимался. Партократ со слабой теоретической базой. Начетчик в марксизме. Иностранных языков не знает. В общении многословен. Поэтому плохо владеет диалогом. Любить назидать прописные истины. Явного хобби нет. Созерцатель. Сибарит. Высокомерен. Самодовольный. Соглашатель. Нерешительный. Двойственен. Одной ногой в коммунизме, другой — на либерально-демократической почве. Похоже, что мечтает в корне изменить советскую систему и встать во главе новой. Душевная и интеллектуальная организации без выраженной индивидуальной окраски. В употреблении алкоголя умерен. Сексуально не активен. Во внебрачных связях не замечен…»

На встречу с Тэтчер Михаил прибыл с Раисой. Уже тот факт, что главу обычной парламентской делегации пригласила на беседу и обед глава британского кабинета в свою загородную резиденцию Чекерс, где принимают только глав государств, да еще с женой, превратило визит из рядового — в знаковый.

Маргарэт была сама любезность. Красивая, умная, женственная. Она стремилась понять и почувствовать эту пару. И это никак не соответствовало ее образу «железной леди». Раиса поддалась обаянию хозяйки и задала вопрос, не соответствующий ее протокольному положению.

«Поясните мне, как вы, женщина, не соглашаетесь с инициативами СССР о ядерном разоружении?» И в ответ

услышала: «Да вы, Раиса, идеалист. Только ядерное оружие и сдерживает нас от очередной войны. К тому же в политике нет понятий мужчин и женщин. Она вещь бесполая».

На этом их диалог и закончился. Солировал на приеме Михаил. Он играл мужчину, который производит впечатление. Всю встречу его не покидало состояние эйфории только от сознания того, что он, как ему казалось, на равных ведет дискуссию с самым авторитетным на то время мировым политиком. У него появилось также убеждение, что она искренне хочет ему и СССР добра.

После беседы премьер, а за ней и пресса отметили достаточно высокий потенциал собеседника из СССР. Одновременно обратили внимание на его неуемные эгоцентризм, энергетику и склонность идеализировать жизнь, воспринимая желаемое за действительное. А его досье дополнилось записью, что этот советский парень так страстно желает стать звездой мировой политики, что ради этого готов пойти навстречу Западу как угодно далеко. На фоне немощного состояния Черненко такой прием Горбачева сразу стал рассматриваться как знакомство с возможным советским руководителем. Расчет был на то, что в мире и СССР это воспримут как жест, указывающий на того, с кем хотят иметь дело на Западе. Так оно и произошло. За Горбачевым прочно закрепилось имя преемника. Ровно через год он возглавит партию и страну. Операция вступила в завершающую фазу.

На вершине

С ленинских времен главным, хотя и неконституционным, руководящим органом в РСФСР, а потом и СССР являлось Политбюро. Хотя некое подобие легитимности с 1977 года ему придавала статья шестая Конституции. И, тем не менее, полных аналогов Политбюро не только в нашей, но и в мировой истории к тому времени не было. Кроме, пожалуй, краткого правления Директории после Великой Французской Буржуазной Революции да клубов мировых лидеров в виде «восьмерок» и «двадцаток» в новейшей истории.

Впервые Центральный комитет партии большевиков образовал его в октябре 1917 года из семи деятелей как временный орган для политического руководства вооруженным восстанием. Трое из них надолго, если не навсегда, остались в исторической памяти. Причем не по фамилиям, а под псевдонимами. Это — Ленин (Ульянов), Сталин (Джугашвили) и Троцкий (Бронштейн). О других четырех — Бубнове, Каменеве (Розенфельд), Зиновьеве (Радомысльский) и Сокольникове (Бриллиант) теперь мало кто помнит. Большевики свергли буржуазное Временное правительство и после недолгого союза с левыми эсерами установили однопартийную диктатуру. В этих условиях была признана необходимость сохранения Политбюро в качестве постоянно действующего высшего партийного органа в перерывах между Пленумами ЦК. В марте 1919 года его статус был закреплен в Уставе партии. С той поры в состав Политбюро в разные годы входило от 10 до 25 наиболее влиятельных партийных и государственных деятелей. Многие из них заседали в нем пожизненно. Рекорд за Микояном — более 40 лет. Для других оно становилось Голгофой. Нравы в нем царили, что в клубке змеином. Контакты между собой за пределами Политбюро, особенно во внеслужебное время, рассматривались наравне с заговором. Всего за советскую историю в Политбюро избиралось 129 деятелей. Около 50 из них были репрессированы по решению своих же соратников. Собственно это и было настоящее, но практически секретное Правительство. Официальным был Совет Народных Комиссаров. А после войны — Совет Министров.

Вначале два-три раза в неделю, а позже на еженедельных заседаниях Политбюро рассматривало важнейшие проблемы страны, мирового коммунистического движения и принимало решения, которые затем беспрекословно оформлялись в форме циркуляров Коминтерна, правительственных и парламентских

нормативных актов. Эта традиция соблюдалась свято и тогда, когда Михаил по рекомендации Андропова был принят в число лидеров партии. Теперь он мог сказать: «Я — на вершине». Внешне это так и было. Формально его приняли благосклонно, но еще долгое время считали новичком, так как по возрасту почти всем другим членам Политбюро он годился в сыновья. На заседаниях мнение Михаила часто игнорировалось. И это при его честолюбии. Но он умел ждать своего часа и скрывать обиду. Только Раиса знала, как он недоволен. Михаил не раз говорил ей: «В Ставрополе я руководил, а здесь только участвую в руководстве». К тому же первым среди равных также согласно неписаной традиции был тот член Политбюро, который занимал пост Генерального секретаря. Это и была на самом деле та вершина, о которой он хотя втайне и мечтал, но особых надежд не питал. И как знать, удалось бы ею завладеть, если бы на помощь не поспешила сама природа. Случилось то, что происходит всегда ожидаемо и неожиданно одновременно, но в таком количестве, что иначе как чьим-то промыслом не объяснить. За 2,5 года она прибрала в другой мир трех престарелых Генеральных секретарей и пять совсем одряхлевших членов Политбюро. Среди них был и его многолетний благодетель Андропов. Череда пышных государственных похорон превратилась в обычное дело. А Политическое бюро народная молва переименовала в Похоронное. И чтобы хоть как-то передохнуть от печальных процессий, мудрый Громыко, не без корысти, предложил избрать Генсеком самого молодого из членов Политбюро. Им и оказался Михаил. Решение было единогласным. Инициатива Громыко не осталась без благодарности. Вскоре по предложению Горбачева он стал формальным главой государства — Председателем Президиума Верховного Совета.

После Пленума ЦК Михаил сразу поехал домой. Раиса и дочь встретили его с цветами. Они были счастливы и горды за него. Никто из них и предположить тогда не мог, что всего через шесть лет он останется «без работы», превратившись в правителя без страны. Но в тот день радости не было предела.

Вечером, как всегда, вышли на прогулку. Перефразировав бородатый анекдот, Раиса пошутила:

— Думал ли ты, Миша, что будешь вот так запросто гулять с женой руководителя СССР?

Он рассмеялся, обнял ее и задумчиво проговорил.

— И думал и не думал. Ты же все про меня знаешь. А проблем непочатый край. Не знаю с чего и начать. Менять надо все. Но ты не переживай, я в себе уверен. Да и на твою помощь надеюсь. Главное — расшевелить людей, ослабить гнет

бюрократии. И ускорение. Во всем. Больше динамизма. Иначе ничего не получиться. И кадры надо встряхнуть. Хорошо бы победить пьянство. Столько от него бед. Государство должно стать правовым. Ведь после Ленина не было ни одного руководителя юриста. И никто этим не занимался.

— Миша, меня волнует один вопрос. На наши отношения и стиль жизни твой новый пост сильно повлияет?

— Все останется как прежде. Важнее семьи у меня ничего нет. Не беспокойся.

В этот раз они гуляли особенно долго, наматывая круг за кругом по периметру дачного участка. И никак не могли наговориться. Состояние их было сродни тому, что испытывают альпинисты при восхождении на вершину. Усталости и эйфории одновременно. Хотя такое сравнение верно только для этапа восхождения. Покорив вершину, альпинист тут же начинает спуск. А у лидера страны все только начинается. Надо и удерживаться на высоте. И работать не жалея жизни. Получается это далеко не у всех.

Через месяц после избрания Генсеком Михаил получил письмо с поздравлением от Зденека. В нем кроме поздравления, было выражено желание встретиться в удобном для Михаила месте. Недолго думая, он пригласил друга в Москву. Теперь он на вершине и бояться некого. Несколько дней с раннего утра, а после возвращения Михаила с работы, до глубокой ночи они говорили и говорили, как будто в последний раз. Раисе приходилось не раз вмешиваться, чтобы прерывать их посиделки. Михаил сетовал другу на то, что с каждым днем ему все больше открывается истинный масштаб проблем, которые надо решать.

Страна в общем кризисе. Не знаешь с чего начинать. Где главное звено цепи, за которое советовал в такой ситуации ухватиться Ленин, он пока понять не может. Впечатление такое, что перестраивать придется все: экономику, политику и саму партию. Но двигаться надо, и он пойдет до конца.

Однажды, когда они гуляли вокруг резиденции Генсека недалеко от МГУ, Зденек сказал: «Миша, я очень хочу, чтобы тебе удалось сделать то, чего мне и Дубчеку не удалось в «пражскую весну» — очистить социализм от тоталитаризма. Но как-то странно, что при этом ты постоянно ссылаешься на Ленина. Говоришь, что многому учишься у него и как он велик. Да, он велик, но не более чем в своем злодействе по отношению к собственной стране. Я привез тебе почитать очерк из воспоминаний российского дипломата о встрече с Лениным. Он был напечатан в 30-х годах в Праге. Там есть довольно любопытная его характеристика. Почитай, это многое проясняет в

личности вождя и, думаю, поможет тебе освободиться от влияния его идей. Иначе ничего из задуманного ты не достигнешь».

После отъезда друга Михаил об очерке забыл и прочитал, когда о нем напомнила Раиса, которой Зденек его передал. Назывался он «Оккупация по-русски»:

«Друзья профессора права и адвоката Попова собрались у него на традиционный обед раньше обычного. Накануне ночью случился государственный переворот. Утром все газеты, кроме левых, написали, что в России во главе с Лениным и Троцким установилась диктатура большевиков. Предсказывались большие бедствия. Друзья Попова с этим мнением соглашались. Он возражал и пытался их успокоить.

— Почему вы уверены, что диктатура это всегда плохо? Безвластие разве лучше? Ложась спать, вставая поутру, я желаю быть уверенным в безопасности моей семьи. Пусть приходит Ленин или сам дьявол, но с анархией надо было кончать!

Прохаживаясь по комнате, будто в аудитории во время лекции, профессор Петр Попов возбужденно продолжил:

— Как историк права смею утверждать о полезности диктатур в некоторые периоды жизни государств. К тому же власть диктаторов не бывает долгой. Успокойтесь, друзья, теперь все наладится. Скоро выборы в Учредительное собрание. Оно определит форму новой власти. Даст бог, под ее водительством, одолеем германцев. И Россия успокоится.

Довольный своей оценкой положения и, самое главное, прогнозом, он с теплотой оглядел дорогие ему лица друзей. Судьба удачно свела их в молодости. И с той поры они были очень близки. Понятно, что каждый шел своими дорогами. Нередко они разводили друзей в разные концы огромной империи, в другие страны, а то и континенты. Но связь духовная не прерывалась и в такие времена. Было что-то в их отношениях большее, чем даже родство. Наверное, это была любовь. Друг к другу и стране, их объединявшей.

— Спрошу как врач. Петр, ты утверждаешь, что диктатура вылечит наше тяжко болеющее государство. А почему ты уверен, что в руках диктатора исцеляющий скальпель, а не разбойничий нож?

Когда-то блестящий доктор, а теперь бывший беспартийный депутат Государственной Думы и снова врач Леонид Никулин среди друзей и политиков всегда слыл скептиком.

— Я Ленину верю, потому что он, как и я, — юрист. А мы склоны служить праву, а не силе, каковой является власть. Нет, узурпатором он не станет и подчинится воле Учредительного собрания.

— Да нельзя верить тому, кто накануне всеобщих выборов силой отстраняет от власти пусть временное, но восемь месяцев управляющее страной правительство. Что такое, не позволяющее дождаться выборов, случилось? Для чего нужен переворот? — горячо возразил Петру журналист и главный редактор влиятельной консервативной газеты Виктор Шульгин.

— Во Франции уверены, что переворот выгоден только Германии. Утром я говорил с французским послом, — включился в разговор Владимир Сотников, карьерный дипломат, еще вчера товарищ министра иностранных дел. — Более того, посол утверждает, что деньги на его проведение выделил германский Генеральный штаб.

— Об этом я писал в газете три месяца назад, — подхватил Шульгин давно уже ставшую зловещей тему о германских деньгах. — Ленин, не случайно, все годы войны агитирует за поражение России. Он преступник. И теперь судьба страны и наши судьбы в руках преступника. Положение ужасное. Я предвижу большую кровь. Надо спасать семьи. И страну тоже.

— Не надо паниковать. Все-таки, ему можно верить. Обратите внимание, в обращении к стране сказано, — Попов взял принесенную Шульгиным газету, — читаю: «Совет Народных Комиссаров правительство временное и будет действовать впредь до созыва Учредительного собрания». Так что через месяц мы будем иметь законное правительство. Переворот мера вынужденная. Вина за него лежит не на партии большевиков, а на тех, кто довел страну до такого положения, которое никаким другим способом не исправить, — уверенно, как перед присяжными закончил Попов.

— Извини, Петр, в твоих оценках адвокат берет верх над ученым. Партии берут власть на выборах, а не путем переворота. Так что большевики не партия. Они — банда узурпаторов. Власти теперь она не уступит. Не для того ее захватывала. В результате мы надолго потеряем доверие других наций. Вспомните хотя бы диктатуру времен Французской революции, какой террор она развязала. Виктор прав, надо спасать семьи. Я сегодня же похлопочу о визах. Думаю, что через неделю они перекроют границы и будет поздно, — решительно произнес Сотников и встал. Его примеру последовали Леонид и Виктор.

— Куда же вы, а обед? Мария уже велела накрывать, — пытался остановить дорогих гостей, Петр.

— Пообедаем, когда все успокоится, — за всех ответил Леонид. Тогда ни он и никто другой не знали, что на их веку покоя в России уже не будет.

В это же время в Берлине ликовали.

— Ваше величество, власть в России захватил Ленин. Он уже объявил о выходе из войны. Теперь мы сможем большую часть наших сил перебросить на западный фронт. Через три-четыре месяца Франция будет стоять на коленях, — с восторгом докладывал германскому императору Вильгельму немолодой и обычно сдержанный начальник Генерального штаба Гинденбург. — Те, кто не доверяли Ленину и отговаривали вас иметь с ним дело, посрамлены. Он сдержал свое обещание.

— Только не обольщайтесь, — прервал император Гинденбурга, — такие революционеры-фанатики, как Ленин, способны на любой неожиданный шаг. Необходимо дать ему понять, что в случае его отхода от наших соглашений о сепаратном мире мы найдем способ известить газеты об источнике средств на проведение переворота в России. И еще, пусть министр иностранных дел передаст по своим каналам новому российскому правительству нашу озабоченность судьбой моего племянника Николая II и его семьи. Возможно, нам придется дать ему убежище в Германии, — закончил император.

Париж, наоборот, был в шоке. Объявленный в Петрограде выход основного союзника из войны элита и простые французы расценили как предательство. Срочно вызванный в министерство иностранных дел российский посол ничего внятного пояснить не смог. Он только несколько раз повторил: «Мой министр в Петрограде арестован. Связи с министерством нет. Выход России из войны это трагическая ошибка». На этом бесполезная встреча закончилась.

Очередной рабочий день Ленина в резиденции советского правительства в Смольном институте начался встречей с германским посланником Мирбахом. Выполняя данное ему поручение, заметно волнуясь, посланник заговорил о решимости Германии предать гласности информацию о характере ее особых отношений с Лениным, если он и впредь будет затягивать принятие решений по выполнению условий сепаратного перемирия и заключения с Германией мирного договора. В ответ Ленин указал на то, что точной даты принятия таких решений никем и никогда не устанавливалось. Поэтому советское правительство примет соответствующее решение о демобилизации армии в первый же удобный для себя момент. А вот попытка манипулировать им результата не даст. «Передайте императору, что он может дать большевикам еще сколь угодно большую сумму и объявить об этом всему свету. Нас этим не запугать. Революции в белых перчатках не делаются.

Относительно судьбы бывшего российского императора и его семьи можете заверить германское правительство в том, что их жизни ничто не угрожает. Место постоянного пребывания царской семьи будет в свое время также определено». Посол хотел обсудить с ним еще некоторые темы, но явная агрессивность Ленина подсказала Мирбаху, что продолжать беседу нет смысла. На этом он откланялся. Пока отношения складывались не так, как ожидалось. Хотя Ленин не отрицал германской денежной помощи, и Германия была первой, кто фактически признал советский режим.

Народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий был недоволен своим положением. С первых же дней совместной работы с Лениным он фактический руководитель переворота почувствовал себя на вторых ролях. Ленин вел себя не как первый среди комиссаров, а как их начальник. Особенно осложнял их отношения присущий обоим вождизм. Не решаясь на открытое недовольство, Троцкий избрал тактику саботажа решений правительства, инициатором которых был Ленин как председатель. Так он поступал и с вопросом о мире с Германией. Ему очень хотелось поссорить Ленина с Вильгельмом, обострить на этой почве ситуацию в Совнаркоме, свалить его с поста председателя и попытаться реализовать план своих американских и российских друзей из числа капиталистов-милитаристов на продолжение войны. Терять военные заказы они не хотели. И комиссионные были обещаны ему немалые.

После визита Мирбаха Ленин пригласил Троцкого.

— Лев Давидович, кто в вашем комиссариате занимается мирным соглашением с немцами? Кто, Сотников? Он, кажется, из прежних?

— Да, Владимир Ильич. Сотников Владимир Сергеевич карьерный потомственный дипломат. Последняя должность в МИДе Временного правительства — товарищ министра. Знаток Германии. Служил там послом.

— В каком виде проект мирного договора и решений по выполнению условий соглашения о мире? Завтра направьте Сотникова ко мне с проектом. С этим надо поспешать.

Было заметно, что этот вопрос не давал ему покоя.

— Вильгельм много хочет. Претензии по территориям и репарациям такие, как будто не он, а Россия начала войну. Потом, мы же не обещали конкретных сроков.

— Дело не в обещании данном Германии, — движением руки Ленин остановил Троцкого. — Нарком военных и морских дел говорит мне, что в армии ждут, когда большевики выполнят

обещание прекратить войну. На некоторых фронтах уже есть случаи недовольства и стихийной мобилизации.

Отпустив Троцкого, Ленин продолжал думать о разговоре с ним. «Как случилось, что он и я вместе? Раньше терпеть не могли друг друга. Нет, доверять ему не стоит. Вот и с германским вопросом явная волокита. Куда он клонит? Способностей и энергии у него на десятерых. И пользы немало. Но все-таки прав тот цюрихский дворник, который говорил мне, что у него любимое дерево не самое красивое, а то, которое осенью дает меньше других листопада. Другими словами лучший соратник не тот, кто более полезен, а тот, с кем меньше хлопот. Ладно, пока потерпим».

После переворота Сотникову предложили возглавить отдел Западной и Центральной Европы в ранге заместителя наркома. Он согласился. Семья уже была в Швеции и он томился без дела. На следующий после назначения день его пригласил Троцкий.

— Как идет работа над проектом мирного договора с Германией? Это первое. И второе, вы были в этой стране послом, знакомы с ее дипломатами. Как думаете, за какое время удастся выйти на подписание договора и протоколов к мирному соглашению?

— Общий договор — достаточно двух-трех раундов переговоров. Соглашение о порядке демобилизации армии и разведении войск это дело недели. А полный пакет по репарациям и территориям потребует минимум двух-трех месяцев, — после минутной паузы уверенно ответил Сотников и продолжил: — Почему к мирному процессу нам не привлечь союзников и, в первую очередь, Францию? Мы бы от такого шага только выиграли.

— Я тоже так считаю, но в Политбюро большинство во главе с Лениным убеждены, что выходить из войны надо как можно быстрее. Так как под этим лозунгом мы пришли к власти. Я уезжаю на предварительные переговоры. Вы готовы свою позицию изложить Ленину? Готовы? Тогда ждите к нему вызова.

«Сотников поможет мне оттянуть заключение мирного соглашения», — отпуская его, отметил с удовлетворением Троцкий.

Когда из приемной Ленина раздался звонок и Сотникова на следующий день пригласили в Смольный к Ленину, он пришел в волнение, какого уже давно не испытывал. Целый день и еще вечер прошли в подготовке к докладу новому руководителю страны, которого он искренне считал диктатором и, естественно, опасался. При прежнем режиме только один раз перед назначением послом в Германию Сотников был удостоен

высочайшего приема императором. И вот теперь не формальный прием, а доклад по острейшим вопросам войны и мира. Для каждого дипломата это пик карьеры.

В Смольном он прежде бывал не раз. Здесь учились обе дочери. Теперь обстановка дворянского учебного заведения сменилась на что-то напоминающее военное ведомство. Его штатский костюм явно ей не соответствовал. Но в приемной сидела дама в цивильном. Ленин тоже был в обычной тройке.

— Ну, господин хороший, присаживайтесь, — после рукопожатия пригласил Ленин м сразу продолжил: — Проекты протоколов привезли?

— Нет, ваше… извините, не знаю как, Владимир Ильич, вас величать… не привез.

— Величать, как вы выразились, можно «товарищ Ленин». Да, да, мы все теперь товарищи. Не царский режим. А почему не привезли, позвольте спросить товарищ Сотников?

— Проекты не совсем готовы. Не все согласовано с военными. К тому же у нас в наркомате многие, и я в их числе, считаем заключение одностороннего, без участия наших союзников мира с Германией, ошибкой. Кроме этого я думаю, что решение такого судьбоносного вопроса, каким является выход из войны, должен решать не временный Совнарком и тем более Политбюро, а правительство, облеченное доверием Учредительного собрания.

— Вот как, — воскликнул Ленин, — директива Политбюро партии большевиков, по-вашему, ошибка и пустая бумажка?

— Владимир Ильич, простите, товарищ Ленин, заключение сепаратного мира по меркам дипломатии переводит нашу страну в разряд второстепенных. Мы надолго потеряем доверие настоящих и вероятных союзников и попадем в международную изоляцию. Понесенные за три года военных действий огромные жертвы станут напрасными. Эта травма для народа будет большей, чем от поражения в японскую. Такое близкое достижение вековой цели российской внешней политики — как установление необходимого для могущества и безопасности страны контроля над турецкими проливами, откладывается также, возможно, навсегда, — пытался Сотников отговорить Ленина, от трагического, как он считал, шага. — У нас есть хороший предлог оттянуть выполнение условий мирного соглашения до созыва Учредительного собрания. От сепаратного соглашения интересы России пострадают в любом случае. Потеря огромных территорий и выплата требуемых репараций надолго подорвет силы страны…

— Об интересах какой России вы печетесь?! — перебивая его, почти прокричал Ленин. — Царской? Ее уже нет. Привыкайте к

новой, пролетарской стране. А пролетариату проливы не нужны. Вы свободны. Разговор я продолжу с Троцким в Политбюро. И запомните. Наша власть не временная. Передайте это своим коллегам. Мы пришли всерьез и надолго! А если быстро из войны не выйдем, нас сметут обманутые солдатские массы. Вы этого хотите? Не получится! Полстраны Вильгельму отдадим, а власть удержим!

Когда Сотников вышел от Ленина, у него было ощущение, что он встречался не с лидером страны, а с главой оккупационного режима. Иногда казалось, что время повернуло вспять и он находился в ставке Золотой орды у хана. Это жуткое состояние усиливалось внешним сходством вождя большевиков с монгольскими правителями. Страха не было, но было чувство того, что орда большевиков не менее, а может быть, более грозная сила, чем орды, прежде приходившие на Русь.

Отложив очерк, Михаил подумал: «Где-то у Булгакова я встречал подобное об оккупации России… Но каков Ленин! Ради реализации своей идеи готов был идти на любые жертвы. Это и есть настоящая политика. Не зря он называет ее искусством возможного. Похоже, что моя демократическая революция может тоже потребовать немалых жертв. Может быть и смены идеологии. Слава богу, в этот раз ничто не угрожает самой стране».

— Рая, ты не помнишь, у Булгакова есть что-то об оккупации России большевиками?

— Я знала, что ты спросишь, и нашла. У него на эту тему есть небольшая статья под названием «Грядущие перспективы». Почитаешь как-нибудь. На сегодня хватит. Пора обедать.

Первые итоги

…Полгода, как судьба вознесла Михаила на вершину власти в одной из старейших, сложных, огромных и необычных по национальному и социальному устройству стран мира. По историческим меркам, еще совсем недавно она называлась Россией. Теперь это Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Евразийская страна-гигант, состоящая из пятнадцати очень разных республик. Под ее прямым или косвенным влиянием также находятся десятки других стран во всех частях мира. Особенно близки связи с ближайшими союзниками по Варшавскому Договору и Совету Экономической Взаимопомощи. Кроме этого правящая страной Коммунистическая партия состоит в дружеских легальных или скрытых отношениях с более чем сотней коммунистических и социалистических партий, многими левыми движениями. На Западе это все называют Советской империей. Самой могучей в мировой истории.

Сказать, что он изо всех сил рвался, карабкался на эту вершину, будет неправдой. Карьера складывалась довольно прозаично. А если посмотреть со стороны, так даже легко. Когда-то прочитал у Бальзака, что в высшую власть можно проникнуть двумя способами: вползти змеей или ворваться пушечным ядром. По скорости восхождения его вариант ближе к ядру. Но поскольку в карьере не было заметных конфликтов, а событий он никогда не торопил, всегда терпеливо выжидая свой час, то ближе первый способ — змеиный. Как бы то ни было, он — на вершине. И теперь весь груз чудовищной ответственности за работу этой системы или вернее сказать необъятного «хозяйства» в половину мира лежал на нем. Сомнений в том, что сможет успешно руководить этой махиной, пока не возникало. То ли потому, что еще до конца не пришло понимание этой огромности. Или потому, что он никогда и ничего не боялся, играючи брался за любое дело и действовал по наполеоновскому принципу — «разберемся по ходу дела». Сейчас хотелось провести этот день спокойно без обычной гонки, в раздумьях о том, что удалось сделать. Понять, как двигаться дальше. Кто из приближенных оправдал ожидания. Кто — нет.

Еще Андропов создал несколько групп из видных ученых для глубокого изучения обстановки в стране. Общее руководство над ними он неожиданно поручил Михаилу. Так и сказал: «Не удивляйся и не ограничивай себя только сельским хозяйством, бери шире, этого требует обстановка». Над этой фразой давнего патрона они с Раисой размышляли не один раз. Но тогда как

аванс на его будущее правление они ее не рассматривали. Такой прогноз казался им слишком смелым.

С того времени некоторые коллективы уже выдали результаты. И теперь необходимо было в них разобраться по-настоящему. Потому что уже первое чтение материалов Михаила встревожило. Они указывали на то, что положение в стране более сложное, чем представлялось и Андропову и ему. К тому же, в рекомендациях ученых мужей кроме множества оценок почти не было четких указаний на средства решения назревших проблем. Их-то и придется теперь находить ему. И никому другому. Кажется, уже явилось понимание в главном — необходимо как можно скорее найти способ хотя бы частичного снятия того имперского перенапряжения, которое чувствуется во всем и не может не подрывать силы страны.

Вспомнилось, что на столе уже несколько дней лежат нечитанные из-за поездки по стране документы и среди них записка академика Арбатова по Афганистану и папка с документами Политбюро по академику Сахарову. Помощник Болдин запросил ее из архива после письма президента Австрии и других зарубежных деятелей с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении Сахарова из ссылки, которого таким образом наказали за протесты против ввода советских войск в Афганистан. Не терпелось посмотреть и справку Госстаткомитета по антиалкогольной компании. За сто дней это было его первое крупное и, как многие убеждали, важное решение. Раиса под непосредственным впечатлением от пьянства брата даже настаивала на сухом законе. Не меньшим был напор и ближайшего в то время соратника трезвенника Лигачева. В результате запретили выпуск «бормотухи» — так в народе называли низкосортные вина, на пятьдесят процентов снизили производство водки и коньяка. Под угрозой исключения из партии партийным чиновникам и госслужащим запретили банкеты с употреблением спиртного. Усилили наказания за выпивку в рабочее время. В качестве компенсации нарастили выпуск пива и соков.

Даже беглое ознакомление с документами в «деле» Сахарова вызывало вопросы. Правосознание юриста не могло принять и согласиться с тем, что ссылка была внесудебная и, главное, бессрочная! Да еще и за компанию с женой. А она за что? Или она поехала за ним как декабристка? Правда, Боннер Елена, или, как выразился на заседании Политбюро один из секретарей ЦК, — «зверюга в юбке», и сама не мёд. Еще та диссидентка. Поговаривают, что она академиком полностью манипулирует и даже поколачивает. Когда по Сахарову принимались решения,

Горбачев еще не был членом Политбюро. Просто Секретарей ЦК в такие проблемы не посвящали. Как и по Афганистану, когда решение было принято совсем «узким» составом: Брежневым, руководителем КГБ Андроповым, министром иностранных дел Громыко и министром обороны Устиновым. Других членов Политбюро только поставили в известность, а кандидаты — Горбачев, Шеварднадзе и другие, сначала узнали об этом из СМИ. А потом официально — на Пленуме Центрального Комитета. Голосовали члены пленума за ввод войск, как тогда было принято, единогласно. И он ведь, как все, тоже голосовал «за».

Как неожиданно сплелись эти две проблемы. «Отец» советского ядерного оружия Сахаров и Афганистан. Он первый, кто публично осудил решение о вводе войск в эту страну. Причем в форме не принятой, если не сказать запрещенной, в СССР. Это было сделано в форме интервью иностранным СМИ. За что и пострадал. Неужели он один прав? Правда, еще академик Георгий Арбатов не дает покоя. Звонит, шлет записки, просит хотя бы объявить о начале вывода войск и освободить Сахарова. Советует также срочно заняться «еврейскими» отказниками. Говорит, что без этого американцев с их позиций не сдвинуть. Им начхать, что все они секретоносители. Право на выезд, убеждены в американском Государственном департаменте, выше безопасности. Недавно Арбатов вообще выдал, предложив отдать Японии четыре курильских острова. Иначе, мол, с ними каши не сваришь. А у них и деньги и технологии. Как-то все эти рекомендации похожи на очень тонкие провокации. Может, не зря Андропов, хотя и хвалил, но рекомендовал особенно не приближать Арбатова. Есть данные, что он близок с помощником президента США Генри Киссинджером. Недавно об их встрече рассказали такую байку. Киссинджер спрашивает Арбатова: «Вы еврей? Тот отвечает: я русский. Ну, тогда я американский», — согласился Киссинджер. Но работать с кем-то надо. Арбатову не успеешь назвать проблему, а у него уже готовый ответ. Умный, активный, проницательный из тех «ученых евреев», без которых ни один руководитель СССР не обходился.

А что партия? Ведь все молчат. Выводить войска действительно надо, но поддержит ли его Политбюро? Или обвинят в капитуляции перед американцами и предательстве афганских товарищей? Как разбудить хотя бы актив. Или так и будем «одобрям-с». Еврокоммунисты, особенно итальянские, постоянно критикуют нас именно за отсутствие партийной демократии. Но у нас она не придумана, а сложилась в конкретных условиях и под решение определенных задач. Недаром еще на заре советской власти ходила байка на эту тему.

Так, в одной области местные товарищи, чтобы не выпустить джинна плюрализма из бутылки, поручили одному члену партийной ячейки голосовать всегда «против», другому — «воздержался», остальным естественно — «за». Таким образом, и демократию соблюли, и дискуссий, пагубных для дела строительства социализма, не допустили. Потом постепенно такой метод и распространился во всех ячейках партии и государства. В предвоенную пору он достиг партийных вершин. Так и сложился в СССР авторитарно-мобилизационный политический режим единогласия, который острословы окрестили как «одобрям-с». Я же сам через все это прошел. Дискуссии, конечно, были, но не публичные, а под «ковром». Ведь как это выглядело на практике. Руководитель парторгана выдвигал идею или концепцию. Она обсуждалась на бюро и, в случае консенсуса, поручалось партийному аппарату с привлечением экспертов из практиков и научных учреждений воплотить ее в проект доклада, резолюции или директивы. Затем проект снова обсуждался на бюро и в случае общего согласия выносился, как правило, без дискуссии на утверждение партийного форума соответствующего уровня. Очевидно, предполагалось, что избранные или назначенные партийные руководители не должны перекладывать ответственность за свои решения и возможную некомпетентность на партийный демос — пеструю и разрозненную массу из крестьян, рабочих и разночинной интеллигенции под странным названием «прослойка».

Другой стороной этой медали был принцип демократического централизма, означающий беспрекословное подчинение нижестоящих партийных организаций вышестоящим. Следование этому принципу не позволяло превратить парторганизации в недееспособные политические клубы. Пока была вера в идеологию Ленина — Сталина и железная партийная дисциплина, большинство из задуманного исполнялось. Теперь вера и дисциплина явно ослабли. Предыдущая политика прагматизма (реальная политика) Брежнева потеснила Идею. И первые сто дней его пребывания на вершине это подтвердили. Особенно в ходе поездок по стране и в ходе неформального общения с народом в Ленинграде, Киеве, Днепропетровске. Были откровенные, далеко не всегда лицеприятные разговоры. Но люди редко спрашивали, где же обещанный в 1980 году коммунизм. Пять лет как срок истек, а коммунизма все нет. Большинство интересовало то, что связано с хлебом насущным.

Михаил закрыл папку с документами по Сахарову и поручил помощнику ответить на просьбы об освобождении его из ссылки в

том смысле, что даны соответствующие поручения для изучения вопроса. С Афганистаном тоже решил повременить. Оттягивать принятие любых решений, как бы следуя за событиями, было его давним, и как показало время, надежным руководящим приемом.

Справка по антиалкогольной компании показывала, что пить меньше не стали. Перешли на самогон. А с сахаром и бюджетом появились проблемы. А ведь раньше он думал, что стоит добраться до вершины, как все проблемы можно будет решать без промедления. Черта с два. К примеру, пока инициатор ввода войск Громыко сидит в МИДе ставить на Политбюро вопрос об уходе из Афганистана рискованно. Не пройдет, а начинать с проигрыша по-крупному глупо. Значит надо отодвинуть его от внешней политики. Куда? Есть вакансия Председателя Президиума Верховного Совета. Старику предложение должно понравиться. Как-никак пусть и считается формальным, но высшим постом в государстве. Придется еще поработать вместе, как и обещал, когда договаривались, что выдвинет меня на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Долги надо платить. Кого на его место? Из мидовцев нельзя — будут к Громыко по привычке бегать. Хотя посол в США Добрынин вполне созрел для министра. Надо своего — партийца. Из состава Политбюро только один и подходит. Справился с непростой ситуацией в Грузии, знаю его еще с комсомола, единомышленник. Так что надо двигать Шеварднадзе. Нет мидовского опыта, но политический такой, что дай бог каждому. Хитер, умен, внушает доверие. Коминтерновца старика Пономарева надо убирать. Уже песок сыплется. А вместо него секретарем ЦК по связям с зарубежными компартиями поставлю того же Добрынина. Неконфликтный, хорошо знают в мире.

А что делать с антиалкогольной компанией? Какая была эйфория. Даешь трезвость! Недавно был на московском заводе. Подходит рабочий. Оказался старым знакомцем. Говорит: «Узнаете, Михаил Сергеевич? Опять судьба свела. Вы все такой же шустрый. Извините, хотел сказать, энергичный. Волос на голове, конечно, поменьше да пополнели. Но года, ничего не попишешь. Помните, последний раз мы тридцать лет тому в прокуратуре столкнулись. Я уже на пенсии, но приходится вкалывать. На нее не протянешь. От мужиков у меня просьба. Насчет водки. Вкалываем, как проклятые, а захочешь расслабиться — иди в очередь и полдня постой. Хорошо, если достанется. Анекдот про вас хотите? Нехороший, да вы вроде свойский. Стоят мужики за водкой в очереди, один не выдержал и говорит: пойду, набью морду тому, кто до этого довел. Через время приходит целый и невредимый. Из очереди спрашивают: ну что, набил? А он

отвечает: нет, не получилось, там очередь еще больше. Так вы прикажите делать ее поболе, чтобы в очередях не давиться. Как старый знакомый прошу». И он не один такой. Все, кто там был, его поддержали. Выходит, не знаем мы своего народа.

А в бюджете за полгода уже «дыра» в пять миллиардов и сахар не успевают в магазины завозить. Скупают на самогон. Вот тебе и первые итоги. Неужели правы те, кто твердят, что хотеть как лучше — это не значит получить положительный результат. Передавила Раиса. Хотя и ее понять можно. Смотреть, как от пьянства погибает единственный брат, нелегко. И все-таки, надо было идти постепенно. Например, как в Японии, ввести запрет на употребление спиртного молодежью до двадцати лет. Придется из этой ситуации потихоньку выруливать, чтобы саму идею не скомпрометировать и себя в дураках не оставить. Для начала надо найти повод и прекратить снижение выпуска водки. А то вот пишут в справке, что мужики в водочных очередях давятся и дерутся. Еще отмечают, что в советских посольствах не знают, как быть — подавать спиртное на приемах или нет? Пока до особого распоряжения прекратили, так и количество гостей сразу убавилось. А посольство без гостей — это музей.

Вечером на обязательной прогулке по периметру новой загородной резиденции, в которую они въехали сразу после избрания Генсеком, Михаил завел с Раисой разговор о своих кадровых планах.

— Пора начинать кадровую чистку. За что ни возьмешься, везде либо тихий саботаж, либо непонимание. С некоторыми пока поговоришь, как будто сам тупеешь. На днях проводил важное совещание по научно-техническим проблемам. Многие министры, да и секретари ЦК тоже, не врубаются — чего я от них добиваюсь? Не могу получить ясности также по Афганистану. Спрашиваю, что мы за 5 лет там решили? Ответа нет. Во сколько обошлась нам эта затея? Ответа нет. Спрашиваю, может, пора нам оттуда уходить? Отвечают: нельзя бросать афганских товарищей. Бросать нехорошо, но мы не можем нянчить их вечно! Думаю начинать надо с Громыко. Хочу двинуть его на пост «всесоюзного старосты». На его место — Шеварднадзе. Что скажешь?

— С Громыко проблем не вижу, а против Шеварднадзе будут возражать. Думаю, главные аргументы будут такие: мол, он не имеет не только внешнеполитического опыта, но даже практики работы в Центре. Да и сам ты в нем уверен? Справится? Может, взять его для начала секретарем ЦК на международные дела вместо престарелого Пономарева? Посмотреть хотя бы полгода, а потом решать.

— Да, так бы лучше. Но на раскачку нет времени. И потом, не

собираюсь я отдавать ему на откуп внешнюю политику. Все главное оставлю за собой, а он с МИДом будут в пристяжных.

— Тогда это правильный выбор. Знаем мы его давно. Человек решительный, но и преданный, хороший семьянин. На Политбюро скажешь, что для решения новых задач нужен человек свежий, со стороны. Против этого возразить трудно.

Раиса помолчала и продолжила.

— Потом надо менять председателя правительства старика Тихонова. Присмотрись к Рыжкову. Ты о нем отзывался хорошо. На торжественном собрании в связи с Днем Победы мы пообщались. Произвел хорошее впечатление. Опытный хозяйственник, порядочный человек. Правда, мягковат по характеру. Ну и ладно. Зато не будет с ним проблем. Он, как и ты, человек Андропова. Из одной команды.

— Да, ты права. После Громыко надо решать с Тихоновым. И Рыжков будет хорошей заменой. Но ему придется не сладко. Там ведь уже три года сидит первым заместителем Алиев, к тому же член Политбюро. За плечами пятнадцать лет успешного руководства Азербайджаном. Спит и видит себя председателем. Похоже, Андропов пригласил его на это место, но не успел продвинуть. Придется подумать и о нем. А Романова — на пенсию. Не вижу его в помощниках. Все норовит возглавить Секретариат, а я туда планирую двинуть Лигачева. Тоже андроповец.

— С Лигачевым близко не общалась. Говорят, он резкий в общении. Решай сам, место в партии видное, но не ключевое. Главное — Правительство и Верховный Совет. Тебе самому идти на Верховный Совет, как сделали Брежнев, Андропов и Черненко, думаю, не стоит. Нагрузка Генсека и так огромная. Оставь за собой внешнюю политику и общее партийное руководство. Этого достаточно.

В это время они проходили мимо поста охраны. Из помещения выглянул бравого вида прапорщик. Неожиданно для Михаила, да, наверно и себя, она спросила охранника:

— Сколько кругов мы прошли?

Охранник помялся, а потом растерянно протянул:

— Да… я не считал.

— А почему не считали? — не отставала она. Вмешался Михаил.

— Раиса Максимовна, брось ты человека мучить. Нет у него в инструкции такой функции круги считать.

Но та не унималась.

— Непорядок, вы также должны знать, сколько времени уходит на круг. Ведь тоже не знаете? Вдруг мы вовремя не

появились у поста. Вас это должно встревожить.

— Не знаю, — пробормотал совсем опешивший прапорщик.

— Вот и этого не знаете, — наседала Раиса, — впредь, чтобы считали!

На следующий день в инструкцию по охране объекта внесли соответствующие изменения. А чтобы не сбиться со счета, охранники придумали простой способ: откладывать из коробка спичку при каждом прохождении главной пары державы мимо поста. Сколько спичек — столько кругов.

Когда Михаил Горбачев закончил читать материалы Генеральной прокуратуры по злоупотреблениям в Краснодарском крае и попросил дежурного референта прояснить ситуацию вокруг его бывшего главы Медунова, тот сообщил, что к нему пришел Яковлев.

После возвращения из Канады Александр Яковлев пребывал в состоянии подъема в прямом и переносном смысле. Во-первых, наконец-то закончилась долгая, хотя и почетная, посольская ссылка. Во-вторых, за неполный год он стал фактически вторым человеком в стране. После опалы и на самый «олимп»! Не было дня, чтобы Михаил Горбачев хотя бы по телефону не общался с ним. Ни одного важного решения он не принимал без совета с Яковлевым. В партийных кругах его стали называть серым кардиналом, хотя в стране таковым по ошибке считали секретаря ЦК и члена Политбюро Егора Лигачева.

После приветствия, без раскачки на темы здоровья и погоды, Горбачев сообщил о причине приглашения.

— Есть необходимость посоветоваться по дате и повестке съезда. Первое, думаю предложить перенести его проведение с осени на февраль. Это многолетняя традиция. Что скажешь, Александр Николаевич?

— Правильно, осенью севернее Москвы и в Сибири еще урожай собирают. Время подготовки к зиме. Заседать некогда.

— Второе, планировалось делать два доклада — политический и программный. Ты уверен, что новая программа будет готова к съезду. Как идет работа?

— Трудно идет, пожалуй, не успеем. И вообще, не складывается новая программа. Уйму народу нагнали в Волынское, пишут, пишут и все больше на корзину. Может, еще время не пришло. Или мы не созрели выдать принципиально новый документ. Все чаще думаю отложить это дело до следующего съезда. Пожалуй, на данном этапе надо вести речь не о новой Программе, а о новой редакции третьей Программы партии. И говорить о ней не в отдельном, а в Политическом

докладе. На отдельный — изменений, тем более принципиальных, маловато будет. Получится несолидно. Особенно трудно с разработкой положения о развитом социализме, об отношениях с мировым коммунистическим движением. Пономарев тащит в документ устаревшие методы Коминтерна.

— Согласен, поставлю этот вопрос на первом же Политбюро. Будем делать один политический доклад. Как всегда.

Потом Горбачев неожиданно заговорил о роли помощников в делах лидеров. Начал размышлять. Кто они? Писари или все же советники?

— Мне не нужны только писари. Я в отличие от прежних Генсеков практически готовлю свои выступления сам. Нуждаюсь больше в советниках и, особенно, в области внешней политики. Хочу лучше понимать природу и цели стратегической концепции политики Запада и особенно Америки. Скоро визит в США, и надо основательно готовиться. Не мешает разобраться и в каком состоянии отношения с союзниками по социалистической системе, в мировом коммунистическом движении. Может, Александр Николаевич, порекомендуешь кого?

— Есть одна кандидатура, — Яковлев сразу подумал о своем давнем друге Черняеве. Свой человек рядом с Генсеком, очень даже неплохо. Надо же. Только на днях с Арбатовым говорили о нем как кандидате в помощники Горбачеву. — Не знаю, как он на это посмотрит, но лучшего советника по внешней политике не найти.

— Что задумался, никак, Арбатова хочешь мне подсунуть. Я с ним и так общаюсь. Нас познакомил еще Андропов. Постоянно звонит, пишет записки, бывает лично. Он всем, начиная с Брежнева, советовал. Но, кажется, иногда путает СССР со Штатами. Возглавляет Институт США и Канады, а советы норовит давать по СССР. Пытается брать напором и посредничать с американцами, минуя МИД и Минобороны. Настраивает меня против наших дипломатов и военных. Это меня настораживает. Как-то у него все по-еврейски. Хвалится прямым выходом на помощника президента США Генри Киссинджера. Да и мыслит он больше не как политик, а политолог. Недавно притащил мне интересный закон, принятый в США в 1959 году. Утверждает, что с него и началась холодная война. Посмотрел и вижу — пещерный век. Недалеко они от нас ушли. Нужен прорыв в новую эпоху. Пора заглянуть в завтрашний день. И почему бы это не сделать нам. Мне нужен помощник-новатор, не замороченный на классовой борьбе и мирном сосуществовании…Так, кого ты имеешь в виду?

— Вы его знаете. Это Анатолий Черняев из международного отдела ЦК. Широко образованный, имеет коллосальный опыт. По-моему, более пятнадцати лет заместителем у Пономарева. Знаком со всеми заметными фигурами в международных делах. Его тоже знают и уважают. Фронтовик, как и я. Здоров, спортивен. До сих пор ходит по тридцать километров на лыжах.

— Это о нем говорят, что он по женской линии большой ходок? Сколько ему лет?

— Мой годок, двадцать первого. В этом году шестьдесят пять стукнет. По женской части у него целая теория. Он утверждает, что ничто в мире не может сравниться с тем, что мужчина получает от женщин и может им дать. Даже политика. Однажды сказал мне, что женщина — это такое же явление, как и бесконечность.

— Неплохо, женоненавистник с Раисой общего языка не нашел бы, точно. Хорошо, присмотрюсь к нему. Хотя знаком давно. Еще когда работал первым в Ставрополе, возглавлял делегацию на съезд компартии Бельгии. Анатолий был заместителем главы и консультантом делегации. Уже тогда он мне понравился. Оригинально мыслил. Очень помог Раисе Максимовне, когда она готовилась к первому нашему визиту в Париж. — Михаил помолчал, потом продолжил. — Все больше размышляю о значении предстоящего партийного съезда. Думаю, что он должен быть стартом в новую эпоху — постидеологическую. Скажи, ты считаешь военное столкновение с Западом реальным? Его правительства, элита и народы, действительно хотят нас уничтожить? Ведь ты прожил среди них десять лет.

— Говорят, недавно президент США Рейган огласил шутливый указ об атомном ударе по объектам СССР, объявив своему аппарату: «Мы начинаем бомбить через пять минут». Видимо, в детстве в войнушку старик не наигрался. Или в маразм старческий впал. Ведь ему далеко за семьдесят.

— Не думаю, Михаил Сергеевич. Ведь между нами нет коренных экономических и территориальных противоречий. А воевать на идеологической почве в условиях обладания ядерным оружием никто не решится. Сразу после наших акций в Чехословакии, а потом в Афганистане, казалось войны не избежать. Но как неожиданно быстро все успокоились. США и союзники делают упор на изменение нашего государства и строя изнутри. Они утверждают, что мир, построенный на иллюзиях, неминуемо рухнет. И что с устранением железного занавеса общество потребления проникнет и к нам. Что сделает мир практически универсальным. Примерно как в одежде. В

джинсовку все больше одеваются на Западе и Востоке, мужчины и женщины. Многие лидеры на Западе верят в то, что третьей мировой войны не будет вообще. Никогда. Поэтому они так активно выступают за расширение контактов между простыми людьми.

— Не хочешь ли ты этим сказать, что дело за нами? В нашем отказе от экспансии коммунизма. И готовности к диалогу с Западом на всех уровнях. В том числе в формате прямого обращения к народам…Думаю подготовить и издать за рубежом большим тиражом книгу о наших планах по построению ненасильственного и безъядерного мира уже к 2000 году. Уже есть и название: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира».

— Идея блестящая. Необходимо включить ее в доклад съезду. И продвигать по всем направлениям. Убежден в ее актуальности и буду поддерживать на съезде.

— Тогда готовь международный раздел доклада на основе этой идеи. И Черняева привлекай, для испытания. Потом по результату буду с ним решать. Ну, мы с тобой и поговорили. Оппортунисты, да и только. Похоже, страх уходит из нашей жизни. И все равно боязно. Столько лет жить идеями революции, а теперь что, на свалку их? Ничего, Ленин не раз радикально менял свою точку зрения на социализм. Например, когда доказывал необходимость перехода к НЭПу. И нас учил не бояться идти за жизнью вопреки догмам. Вот ты упомянул о понятии «развитой социализм». В новой редакции Программы партии надо честно сказать, что мы поторопились, объявив о построении развитого социализма. При нашем уровне производительности труда и качества жизни, развитым и не пахнет. Скорее всего, мы только вступили в этап построения развитого социализма. В отношениях собственности полная неразбериха. Есть предложения ученых юристов о создании народных предприятий на основе коллективного хозяйственного владения. Недавно получил записку по этой проблеме от профессора Бориса Курашвили. Но в Югославии это не пошло. Нужны новые идеи. Без четких и привлекательных идей, тем более в отсутствие страха, новые законы не заработают. На чем будем держать ситуацию в стране? А она заметно все больше обостряется. Хорошо, что почистили ЦК от таких, как Щелоков и Медунов. Новую политику должны делать новые кадры.

— Похоже, выхода нет, как менять старые кадры и перестать молиться на идолов коммунизма. Надо хотя бы детей освободить от этих пут. Наши родители и мы послужили им и ничего хорошего не выслужили. Пора выходить из изоляции и вливаться

в поток мировой цивилизации, возвращаться в общую семью. А ситуацию удержим. Народ у нас образованный, поймет, если грамотно разъясним. Главное без крови. Накупались в ней, достаточно. Но лиха хлебнем. Не дом, огромнейшую страну капитально ремонтировать приходиться.

— Насчет крови ты правильно отметил. Уверен, что в документах съезда мы должны прямо сказать: впредь внутри страны и за рубежом отказываемся от применения силы по идеологическим соображениям и призываем всех последовать нашему примеру. И «мяч» перебросим на их сторону. А то они тоже хороши. Чуть, что: «демократия в опасности!» и морских пехотинцев туда. Посмотрим на их реакцию… Но какой бы она ни была, время дуэлей давно ушло…

Горбачев явно хотел продолжать свои импровизации, но звонок телефона прервал его.

— Да, в порядке и обещание не забыл. Кто рядом? Александр Николаевич, он советует мне в помощники по внешней политике Черняева… Мне тоже нравиться этот вариант…

Яковлев понял, позвонила Раиса Максимовна. И с молчаливого одобрения Генсека тихо удалился. Никогда после их беседы в посольском саду они с Горбачевым не говорили так откровенно. «Необычный все-таки Михаил Сергеевич человек. Почти загадка. И очень неожиданный в суждениях, редко совпадающих со взглядами ортодоксального коммуниста и партийного деятеля, каким он должен быть по биографии. Такое впечатление, что он всегда готов к любому повороту в деле. Как он о развитом социализме!? Будто ждал, что я об этом заговорю. Получается, что ему давно известно и понятно то, к чему ты только пришел. От Маркса явно отрекся, но считает себя ленинцем. Это все равно, что отпасть от Христа, но считать себя христианином. И как он завораживает, когда говорит. А эти чернющие, как бездна, глаза и красное пятно-метка на черепе будто отключают твое сознание от понимания смысла им сказанного, оставляя только блестящую форму. Что-то есть у него от артиста и проповедника. Прямо апостол демократии. Интересно, что бы он сказал, если завести разговор о реальном восстановлении частной собственности… А ведь придется».

Тройка + Раиса

В 70-е годы еще раньше отъезда Горбачева в Москву на работу секретарем ЦК, его друг молодости по комсомольской работе и единомышленник Эдуард Шеварднадзе был также переведен на высокую партийную должность. Москва доверила ему возглавить ЦК Компартии Грузии. Небольшого, но стратегически важного и сложного в политическом отношении региона. В советскую систему Грузия была включена на 4 года позже других республик. Причем в результате прямой военной помощи местным коммунистам в свержении буржуазного правительства, которое пришло к власти в марте 1917 года, после падения царизма.

Грузины все эти годы желали возврата к независимости. Но никто не хотел бороться за нее с могучей Москвой. Оставаясь де-юре в СССР, республика жила по своим теневым законам. В ней процветали подпольное производство, подпольная торговля, повсеместная коррупция и взятки. Чай, цитрусовые, вино вывозились в северные регионы под прикрытием потребительской кооперации с расчетами мимо бюджета. Жители черноморского побережья Грузии имели и необлагаемый доход с отдыхающих, приезжающих со всего Союза. Поэтому уровень жизни в республике был самым высоким в СССР. Особенно до начала правления Хрущева. Элита хотела самостоятельности, но открыто ставить это требование боялась, понимая, что народ может и не поддержать. Ведь от добра, как говориться, добра не ищут. Позже независимость пришла сама и оттуда, откуда не ждали.

Горбачевы и Шеварднадзе каждый год, иногда дважды в году продолжали отдыхать в Пицунде. Мужчины без конца обсуждали союзные и мировые проблемы. Жены — мужей, детей, родственников и жен соратников мужей. Иногда касались карьерных дел и перспектив мужей. Эта тема особенно волновала Раису. Провинциальный Ставрополь ее уже раздражал. В то же время Нанули Шеварднадзе в Москву не рвалась и нередко открыто заявляла, что Грузия должна быть свободной. При этом у Горбачевых эта откровенная крамола протестов не вызывала. Так формировалось и крепло их согласие по поводу будущих радикальных изменений в партии, советской системе и стране.

Когда с уходом Громыко освободилось место министра иностранных дел, Горбачев без колебаний пригласил на него Шеварднадзе. Одновременно он стал и членом Политбюро. На осторожные замечания некоторых «стариков» из ареопага о том, что «грузинский секретарь» не та фигура, которая способна быть

проводником внешней политики такой державы, как СССР, Горбачев заявлял о необходимости таким способом заставить МИД отказаться от застарелых дипломатических концепций и методов. И что эта задача по силам только человеку, ранее с МИДом не связанному. Так в Политбюро сложилась «тройка» Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе, способная проводить в жизнь задуманный переворот и отражать отчаянное сопротивление противников грядущей перестройки — туманной завесы кремлевской измены.

Перестройка понятие не новое. Не Горбачев его придумал. Для обозначения деяний власти по внедрению в государственную и общественную жизнь разного рода новинок оно применяется в России со времени императора Александра I. На практике это были разного рода усовершенствования, не затрагивающие идеологических, политических и экономических основ. Например, переименование центральных органов власти из коллегий в министерства, введение суда присяжных или всеобщей воинской повинности и т. п. Но при этом сохранялись в неприкосновенности те коренные устои, которые обеспечивают преемственность жизни до и после перестройки. Все другое это революция, катастрофа или катастройка. Так назвал яковлевско-горбачевскую перестройку-катастрофу выдающийся российский философ Александр Зиновьев. Не путать с Григорием Зиновьевым-Радомысльским — соратником Ленина.

Называя свои радикальные планы перестройкой, Яковлев и Горбачев намеренно употребили приемчик, позволивший им с целью маскировки своих истинных намерений прикрыть старым словом новую суть. Так они поступали и потом с началом каждого нового этапа катастройки. Например, когда пришел черед слома социалистической экономической системы путем возрождения частной собственности, они ввели в оборот понятия-прикрытия: «индивидуальная трудовая деятельность» и «трудовая частная собственность». Или лишая власти Политбюро ЦК КПСС и вводя неведомый для России институт президентства, они провозгласили лозунг-прикрытие «Вся власть Советам». Также под прикрытием невинного и широкого лозунга «назад к реальному содружеству» было объявлено о планах реформирования федерации и в результате было разрушено уникальное государственное образование СССР.

До самого настоящего головотяпства был доведен процесс работы над новым Союзным договором. И вообще надо ли было начинать эту работу? А если начинать, то разве так, как это произошло?

Основным законом СССР на время начала катастройки была

Конституция 1977 года. О Договоре об образовании СССР 1922 года все давно забыли по причине сдачи его в архив. Странно, а если учитывать последствия реформирования СССР, то и чудовищно, что юрист по образованию Горбачев и доктора юридических наук Лукьянов, Шахназаров и Топорнин, академик права Кудрявцев организовали работу по реформированию СССР не на основе действующей конституции, а на основе архивного нормативного акта. Никому и в голову не пришло, в том числе и авторам Беловежского соглашения от 8 декабря 1991 года, что Договор 1922 года не действует со времени принятия Конституции 1936 года. Так как с вступлением ее в действие потеряла юридическую силу Конституция 1924 года, частью которой и был Договор 1922 года. В ходе работы над новым союзным договором и в Беловежском соглашении Конституция страны 1977 года даже не упоминается. Таким образом, она действует и в настоящее время. Потому что денонсирован был недействующий Договор 1922 года.

Кто кроме уже упомянутой тройки входил в самый узкий круг руководителей перестройки-катастройки? Имеются ли прямые доказательства непосредственного участия в руководстве страной Раисы Горбачевой? Имела ли она на это право? Где граница соработничества мужа-правителя с женой? Возможна ли она вообще? (Ведь по русской традиции муж и жена — одна сатана).

Сначала предоставим слово главному свидетелю «защиты-обвинения» Михаилу Горбачеву. На одной из пресс-конференций ему был задан такой вопрос: Кто кроме Яковлева и Шеварднадзе ваши самые близкие соратники и по каким серьезным проблемам вы советуетесь с женой? На первую часть вопроса он ответил: «Я бы добавил Вадима Медведева, Черняева и Шахназарова». На вторую — ответ был таков: «по всем»! Слово его антиподу, стало быть, свидетелю «обвинения», Ельцину. Из выступления на Пленуме ЦК: «прошу меня оградить от постоянных телефонных звонков и нотаций Раисы Максимовны».

Теперь слово двум ближайшим помощникам Горбачева — Болдину и Черняеву. Болдин: «Раиса Максимовна на протяжении многих лет правила…балом перестройки. Она участвовала в формировании политики…и в расстановке кадров». Черняев: «Звонила Раиса Максимовна, недовольна моим проектом речи Михаила Сергеевича в Организации Объединенных Наций. Достала она меня. Все, пора уходить! Недавно делился со мной Шахназаров (помощник М.С. по внутренней политике), что уже устал от просьб и рекомендаций Р.М. Ее влияние на М.С. нельзя недооценивать и надо учитывать». Теперь дадим слово человеку «со стороны». Это Майя Плисецкая: «Михаил Сергеевич — человек

совсем неплохой… но все решала она и вела себя как царица». Слово еще одной даме. На то время премьер-министра Литвы К. Прунскене: «Звонила Раиса Максимовна. Стыдила, что я недостаточно энергично поддерживаю политику перестройки Михаила Сергеевича. Требовала, чтобы Литва скорее подписывала договор об экономическом сотрудничестве». А что по этому поводу думала и говорила сама Раиса Горбачева? Из ее книги «Я надеюсь»: «Президент и Генеральный секретарь — мой муж. Его жизнь — это и моя жизнь. Его тревоги — это и мои тревоги». Пусть после этого кто-то скажет, что она не участвовала в управлении страной.

Целями перестройки объявлялись: партнерство двух мировых систем на основе доверия и отказа от силового решения любых международных проблем; отказ от курса на поддержку мирового коммунистического движения; переход от диктатуры КПСС к многопартийности под флагом возрождения власти Советов; замена планово-распределительной экономики социально-рыночной; трансформация жесткой (почти унитарной) федерации в мягкое содружество. Эти цели формулировались и провозглашались открыто. Но, как показали реальные события, объявлены цели были только прикрытием истинных планов соправителей Горбачевых, Яковлева и Шеварднадзе. А они были такими: объявление мирного наступления с последующей сдачей позиций противнику; отказ от классовой идеологии в пользу общечеловеческих ценностей; разрушение международного коммунистического движения; отстранение партии от власти путем передачи ее функций вновь создаваемому институту президентства; создание капиталистической экономики; разрушение имперского союзного государства.

Кроме этого жизнь подкидывала и такие сюжеты. Однажды неожиданно в Волынском, где Черняев с Шахназаровым «сидели» над Платформой к Пленуму ЦК, появился Яковлев. Они даже подумали, что Михаил Сергеевич подослал его ими поруководить. Оказалось «хуже». Под страшным секретом он рассказал Черняеву: «Михаил Сергеевич в панике. Уже несколько дней расстроенный, озабоченный, одинокий. Дважды вызывал к себе. Один раз даже сам пришел к нему в кабинет. Говорит, «народ на пределе, перестройка не идет». Мол, что делать? Я сказал ему, что партия, ЦК, Политбюро — главный тормоз. Надо учредить президентскую власть и пусть Съезд народных депутатов изберет Вас президентом. И действовать без оглядки на Политбюро и даже на болтливый Верховный Совет. И заменить премьера Рыжкова. Стал он перебирать, кого вместо Рыжкова. Я говорю, любого, на то и революция! Ободрился он и говорит:

езжай в Волынское, запрись там, никому ничего! И подготовь выступление на ТВ по ленинскому типу: разогнать колхозы, а землю раздать крестьянам, фабрики приватизировать с раздачей акций рабочим, генералов — в отставку, армию сократить, республикам — реальную независимость, не союзное государство, а союз государств, отозвать войска из Восточной Европы, ликвидировать союзные министерства, сократить аппарат, правительство в отставку. И надо оттеснить партию от решения этих вопросов путем отмены статьи шестой Конституции о руководящей роли КПСС».

А был ли план?

Бытует расхожее мнение, что общество не может создаваться и даже развиваться по заранее выстроенной модели. Попытки действовать строго по плану даже называют утопией. Особенно если речь идет о модели общества всеобщей справедливости. Но если это и так, то человечество как сообщество мыслящих субъектов, не может совсем отказаться от планирования. Куда входят прогноз и перечень того, что можно и чего нельзя делать. Кстати в планах чаще всего перечисляют то, что можно. Кажется, давно бы пора в ходе планирования перечислять в основном те действия, которые категорически противопоказаны. Особенно во время глубоких и обширных кризисов. Как в медицине: «не навреди». План перестройки в СССР, как и положено, сначала вызревал в головах в виде общей идеи, что «дальше так жить нельзя». Причем в отличие от ленинской оценки схожей ситуации — «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому», накануне перестройки и верхи и низы не хотели жить по-старому, хотя верхи еще и могли управлять по-старому. Требовалось, чтобы на самом верху оказался человек, который не захотел бы управлять по-старому. После череды замен такой правитель пришел. Им и стал Михаил Горбачев. Или Михаил Меченый, как его сразу прозвали из-за наличия на лысине ярко красного родимого пятна. Родился он под знаком Рыбы. Люди, рожденные под этим знаком, уникальны. Они сочетают в себе разные начала, так как смотрят в разные стороны. Знак двойственности. Он склонен бессознательно впитывать чужие идеи и представления. У них не очень сильная воля, они зависят от обстоятельств. Им трудно принимать решения. Рыбы — не борцы. Но они обаятельны, их очарование, легкость в поведении и участие в делах других открывают перед ними многие двери. Они любят уют и комфорт, но не испытывают стремления к материальному обогащению. Многие имеют прекрасные актерские способности. Музыкальны.

Яковлев Александр, его ближайший соратник, вспоминал: «Слушаешь Горбачева. Говорит интересно-интересно. А начнешь записывать, больше одной фразы не схватишь. Станешь ему говорить, что под платформой перестройки нет теоретической базы, а он отвечает: будем двигаться шагами, постепенно. А на другой день выкатывает такие сырые планы, что не по себе становится и от масштабов, и от скорости преобразований. Кто ему их готовил, мало кто знал. Народу крутилось вокруг него море. И всех он слушал. Нередко пытаясь объединить их советы

вроде ежа и ужа».

Были и планы и программы. Но писались они под ложные идеи, которые в изрядном количестве и беспрестанно объявлялись Горбачевым, а потом и самим Яковлевым. Реального и четкого плана перестройки так и не появилось. Тогда как многие задавали себе и другим одни и те же вопросы. В чем суть перестройки экономического базиса, политического режима, идеологии, федерации, международных отношений? Хорошо хотя бы теперь попытаться ответить на них. Авось еще сгодится.

Конечно, начинать надо было с экономических реформ. При этом они должны соответствовать ожиданиям людей? А чего они хотели? Изменений внутри отношений социалистической собственности или отмена ее как таковой? Если изменить в сторону перехода от формальных прав трудящихся собственников к фактическим, то это путь к демократическому социализму от бюрократического. Если сделать собственниками единицы хозяев, пусть даже в обрамлении мелких акционеров, то это путь к капитализму. То есть произойдет лишение трудящихся даже тех прав формальных собственников, которыми они обладали при бюрократическом социализме. Вот такой фокус.

Теперь о политической надстройке или режиме. Здесь необходимо было постепенное очищение от самых жестких проявлений сталинизма при сохранении методов авторитарности в управлении, переход к многопартийности с сохранением ведущей роли КПСС. Альтернатива — под флагом вульгарной борьбы со сталинизмом отказ от социализма и разрушение СССР. Потому что естественно возникает вопрос, если страна так плоха, то имеет ли она право на дальнейшее существование?

С идеологией тоже не просто. Конечно, нужно вначале признать, что права и свободы человека — выше прав общества и государства, кроме ситуаций, связанных с безопасностью и прямо предусмотренных в законе. Потом необходимо определить, что гласность не есть поношение страны. И заявить об отказе от построения коммунизма как непосредственной цели развития в виду неопределенности о нем знания. Новой целью должно было стать движение к более справедливому будущему.

Полное недоразумение с федерацией. Забыли о поговорке: «Не буди лихо, пока оно тихо», и сами ударили в колокола. Ведь вначале только прибалты заявили о желании ее покинуть. С ними и надо было договариваться. А с остальными субъектами либо дальнейшее движение в русле уже сложившейся тенденции к большей унитарности с постепенным отказом от федерации национального типа. Либо сохранение прежних отношений при увеличении роли Совета Национальностей путем внесения

изменений в действующую конституцию. Но ни в коем случае не заключение нового союзного договора. К этому не было никаких предпосылок. Для реализации назревших в этой области проблем достаточно было внести соответствующие изменения в действующую Конституцию 1977 года. Требования ряда республик, о принятии закона о порядке выхода из федерации, была возможность отвергнуть и отложить до окончания экономических реформ. Принимать его экстренно все равно что тушить пожар бензином.

И еще, можно ли перестраивать все сразу, если не желаешь перетекания реформ в разрушительную революцию? Ответ очевиден. Поэтому одновременно можно и необходимо было: в экономике — допустить частную собственность в сфере торговли, услуг, на основе коллективного хозяйственного владения (возврат к русской правовой традиции XV века — «Продаю не землю государеву, а свое владение»); постепенно создавать народные производственные предприятия, оставив государству не более 30 процентов в стратегических отраслях, а колхозы реорганизовать в действительные сельхозкооперативы; в политике — ввести через чистку КПСС и стимулирование ее раскола для формирования многопартийности с сохранением ведущей роли КПСС, как партии трудящихся на основе закона и квотировании минимума мандатов в парламент для остальных партий, преодолевших избирательный барьер; в идеологии — то, что сказано выше. Все, этим внутренняя перестройка и должна была ограничиться.

Во внешней политике вполне без рисков было допустимо продолжение поэтапного взаимного разоружения до уровня разумной достаточности и укрепление режима нераспространения ядерного оружия. И никакого наступления. Даже мирного.

Но такого реального плана от чего отказываться и к чему двигаться, мы у перестройки не обнаруживаем. Как выясняется, не было понимания и в том, какими способами двигаться вперед. И все же, попробуем и в этом определиться. В том числе с использованием своего исторического опыта.

«Горе человеку и народу, который будет всегдашним учеником!». Так в начале XIX века предостерегал нас от постоянного ученичества выдающийся соотечественник Николай Карамзин. Сто лет не решались мы выйти вперед своих всегдашних европейских учителей. Петр все копировал. Даже столицу создавал по подобию Амстердама. И Александр II и Николай II проводили реформы догоняющего типа. Но в 1917 году мы рванули так, что весь мир потрясли и сами чуть не захлебнулись в межсословном кровавом потоке. А к 40-м годам по

уровню образованности и промышленного развития даже обошли Европу и сравнялись с Америкой. Второй рывок предприняли в 50–60-х годах. И снова успех в космосе, ядерной энергетике и вооружении. Эти два примера опережающих реформ согревают наши души до сей поры. Однако великий и трагический эксперимент по созданию общества всеобщего равенства и братства, основанного не на частной, а на общей собственности, провалился. И воспринимается это большинством народа как национальная трагедия. Видимо спешить надо медленно. Однако важно не упускать из виду и другую сторону медали.

Многие считают, что социализм советского образца, как таковой, изначально был обречен на неудачу. Но при этом не учитывается того, что создавался он не в лаборатории, а в яростном противоборстве с системой отечественного и международного капитала, которая боролась и будет бороться в будущем против любых попыток, хотя бы ограничить неестественное состояние безумного разрыва между большинством людей, еле существующим на доход от труда, и меньшинством — жирующим на доходы от капитала. Были у революционеров и ошибки. Атака на капитал была слишком кавалеристской. Они замахнулись не на постепенное, а на одноразовое и полное уничтожение привилегий помещиков и капиталистов. Жизнь показала, что такую пропасть не перепрыгнешь даже на коне. Надо было пусть и под огнем противника строить мост. Не смогли. В очередной раз капитал победил труд. Но победа эта пиррова. Уже до середины XXI столетия с учетом урока, полученного сторонниками социализма в XX столетии, он возвратится в обновленном виде и надолго. Мы забываем, что капитализм был не всегда. Вообще существует он 300 лет. Российскому, в совокупности (до и после) около ста. Теперь повсюду наступил переход к социализму (даже в США, и Обама тому предвестник) которому уготовано большее будущее. И тогда бедствия народов СССР, связанные с революцией и ее последствиями, окажутся не напрасными. Но мы придем к нему последними, потому что наш капитализм получил второе дыхание. Хотя начали первыми. Так бывает.

В современных дискуссиях о путях развития России вспоминают обычно и прошлые модернизации. Первую — петровскую. Вторую — сталинскую. Третью — горбачевскую. Их, конечно, было больше (очень важны и поучительны, например, реформы императора Александра II, столыпинская, хрущевская и косыгинская), но чаще обращаются к опыту этих трех. Они самые масштабные и даже трагические.

Призывая нас к активному участию в современной

модернизации, ее инициаторы заверяют, что эта не будет силовой как петровская или сталинская. Понятно, кому хочется получить кличку тирана. Говоря иначе, насилие как главенствующий инструмент развития на этот раз предполагается исключить. Если мы правильно понимаем, господствующий на протяжении веков силовой вектор в российской жизни будет отброшен навсегда. Однако не кроется ли в таких обещаниях неразрешимое противоречие? Ведь, как и в прошлом, лозунг о модернизации прозвучал из высших эшелонов государственной власти. Таким образом, модернизация не вырастает из недр политической и экономической жизни, а снова навязывается обществу сверху. Причем тут же заявлено, что ее ждет отчаянное сопротивление коррумпированной бюрократии: «нам будут мешать». Тогда как же без насилия? Разве не известно, что у государства насилие — и есть главный инструмент. Без страха, как говорится, нет и законов. Даже родителей из страха уважают больше. Нет ли здесь иллюзий? Раскачать худо-бедно стабильную ситуацию раскачаем, а воспользуются неизбежным вслед за этим ослаблением власти и порядка, опять более ловкие, а то и просто узурпаторы. Неужели опять своими руками вырастим новых олигархов? С прежними не до конца управились. А если нью-ельцин со нью-бурбулисом, как черти из табакерки, выпрыгнут? Глядишь, и Россию распустят. Как развалили СССР.

И без развития нельзя. Так как же быть? Двигаться надо. Но неплохо бы для начала заглянуть в святцы, то есть в опыт прошлых модернизаций и попытаться извлечь главные уроки, вытекающие из этого опыта.

Обозначать понятием модернизация более уместно процесс технический или художественный, чем деятельность по усовершенствованию политического режима, государственного механизма или экономических отношений. Однако иногда приходиться слышать и употреблять такие понятия, которые требуют разъяснений. Особенно, когда пропаганда их просто навязывает, да еще в странном словосочетании «модернизация консервативная», из которого ничего конкретного, кроме звука, не воспринимается. Ибо это есть такой же абсурд как если бы сказать «круглый четырехугольник». Или как ситуация, при которой водитель одновременно жмет на педали газа и тормоза. Двусмысленность или точнее бессмысленность такого словосочетания это подобие блуждающих огней, идти за которыми бесполезно.

Термин «перестройка» в контексте государственных преобразований тоже звучал для многих странно и не совсем понятно. Что перестраивать? Как перестраивать? Возможно, ее

инициатор Горбачев потому и утратил контроль за событиями, пока три года разъяснял, что это такое. Так что первый урок очевиден. Следует помнить старую как мир истину о том, что вначале было Слово и все есть Слово, употреблять которое надлежит крайне осторожно и умело. Другими словами скажем, что нет такого абсурда, которого нельзя было бы найти в идеях большинства реформаторов.

Не попахивает ли модернизация перестройкой. Уж больно широка задача. Помните, у Петра Великого как-то конкретнее: построить столько кораблей, городов. У Сталина тоже все мерилось электростанциями, заводами, тракторами, комбайнами. Кажется, не мешало бы сузить. Например, за два года уменьшить число бедных на 25 миллионов за счет налога на сверхдоходы. Мултимиллионеры — депутаты Государственной думы, конечно будут против закона о таком налоге. Потребовать открытого поименного голосования. Тогда и увидим, кто мешает. Это урок номер два: противников модернизации надо знать в лицо. Будем надеяться, что современную модернизацию ждет более счастливая судьба, чем петровскую, сталинскую и тем более горбачевскую. Да и обозначать ее лучше простым и понятным словом Реформа.

Нередко ситуация в стране складывается так, что в обществе очень сильны настроения за перемены, а политический класс и правящий слой — против. Может быть и наоборот, когда общество не готово к переменам. И тогда решающее слово за правителем. Выбор в таком случае может быть очень непростым. Какую бы сторону он ни занял, без обострения положения не обойтись. Потрясения как минимум гарантированы. А в худших случаях можно и поста (трона) лишиться или развалить государство. Александр I по чувству был за отмену крепостного права и дарование народу конституции, а разум — противился. Боялся непредсказуемых последствий от нарушения векового порядка. Он так и не решился освободить крестьян и дать конституцию. Получили восстание декабристов. Николай II наоборот. Издал Манифест о политических свободах, ввел Государственную Думу. А в дневнике эти события оценил как вынужденную, против своей воли, уступку злым общественным настроениям. Чувство самодержавного монарха не подчинялось его же разуму. И это раздвоение личности впоследствии проявилось в нарастающем недоверии к любым действиям императора и принуждении его к отречению от престола. Урок из этого может быть только один. Мудрый правитель не плетется в хвосте событий. Он выясняет насущные потребности народа, формирует в обществе необходимые настроения и организует

деятельность по их реализации на практике.

Опасно положение, когда правитель сам создает иллюзию всемогущества. Тогда от него ждут чудес, полагая, что ему все подвластно. Даже погода. И жители городов будут требовать от него постоянной солнечной погоды, а сельские жители — побольше дождей.

Мы еще не забыли горьких уроков перестройки и поэтому неудивительно, что разум за новые реформы, а чувства — против. Реформаторам придется проявить немалое искусство, чтобы убедить людей в необходимости новых преобразований.

Предлагая обществу реформы, надо хорошо знать и чувствовать, наступило ли их время. Здесь важен правильный выбор момента. Помните ставшее классическим определение Лениным времени выбора вооруженного восстания: «сегодня рано, завтра будет поздно, выступать необходимо ночью»? Реформы не революция, но и они должны быть своевременными. Сталин с началом коллективизации поспешил. Пришлось временно отступать. А Горбачев с началом реформ опоздал на два-три года. Результат общеизвестен. Ельцин с Черномырдиным и Геращенко так накачали не подготовленную экономику кредитами в конце 1992-го — начале 1993 года, что сорвались в штопор гиперинфляции (более 100 % в месяц). Настоящая модернизация уже запаздывает. Период стабилизации экономики закончился пять лет назад. Тогда и надо было реально начинать ее структурную перестройку. А мы застряли в дебатах и посланиях. Да еще коней поменяли на переправе. Те же американцы не оглядывались на мир и своих либералов, когда вопреки закону и традиции позволили Ф. Рузвельту закончить начатую модернизацию, избрав его президентом в третий и четвертый раз.

Замысел, основные идеи реформ обычно долго и мучительно вызревают в голове реформатора, а уж потом после обнародования, как правило, так же медленно овладевают массами. Часто люди не очень доверяют новому и бояться расстаться со старым, пусть и несовершенным, но так привычным. Медленная реакция на новые идеи и нежелание расставаться с прошлым, нередко вызывают у реформаторов раздражение, а то и силовые действия с целью принудить население к прогрессу. Здесь всего один шаг и до репрессий. Избежать этого можно только упорным, последовательным и внятным разъяснением пользы реформы. И, конечно, быстрой отдачей от проводимых преобразований. Почему Ленину так поверили массы? Потому что он отнял у богатых все и сразу. И тут же раздал бедным. Понятно, что в настоящее время такая задача не стоит. Но затягивать

разговоры о модернизации опасно. Уже нужна отдача хоть в чем-то или где-то. Ясно, что это не Олимпийские игры. Игры они и есть игры. Сама природа против этой затеи, разрушив ее грузовой порт.

Больше дорог и жилья. Вот лучшая, быстрая и самая наглядная агитация за модернизацию. Не говоря уже о том, что это — то самое звено, ухватившись за которое, можно потащить всю цепочку структурных преобразований. Экономисты называют этот способ мудреными словами «мультипликативный эффект». О пользе строительства дорог и жилья уже неудобно и даже опасно говорить. Поскольку правительство реагирует своеобразно. Оно сократило средства на их сооружение. Наверно не хотелось грубо копировать американцев. Ведь это они в Великую депрессию за счет ускоренного строительства дорог вышли из кризиса. Стыдно брать пример с американцев, давайте скопируем нашего реформатора Хрущева. Это он за счет индустриального домостроения и широкого применения жилищно-строительных кооперативов за пять лет переселил из бараков и коммуналок более 40 миллионов жителей СССР. Не ипотека, которая делает жилье дорогим и приучает, вопреки нашим исконным традициям, жить в долг. А возрождение ЖСК — путь к жилищной модернизации. Правда, для этого нашей руководящей и направляющей партии необходимо срочно (пока не все захватили частники) принять закон «О порядке выделения ЖСК земельных участков в бессрочное пользование». В этом законе обязательно должна быть норма о запрете уступки таких участков через залоги и другими способами. Только дешевая земля может значительно снизить цену жилья и сделает участие в ЖСК доступным для не имеющих квартир и домов.

Известно, что всякое действие рождает ответную реакцию, а то и прямое противодействие. Важно, поэтому, в ходе реформ не совершать ничего такого, что даст непредсказуемые последствия. Риск необходим, но его вероятные отрицательные результаты не должны быть фатальными. Нельзя предпринимать и таких действий, которые блокируют, делают невозможными действия последующие. Должны работать такие связи, которые «тянут» за собой другие желаемые связи и блокируют нежелаемые. Например, творцом инфляции всегда является правительство, когда оно увеличивает или уменьшает государственные расходы. Правительство Петра за время правления ввело столько налогов, что разорило население и подорвало экономику и казну. Правительство Сталина путем низких налогов всегда имело в бюджете превышение доходов над расходами. Правительство Горбачева с 1986 по 1990 год «влезло» в такие долги (с 29 до

84 млрд. долларов), что в 1991 году выручки от внешней торговли хватило только на уплату процентов по внешнему долгу. В результате ни один зарубежный банк не соглашался давать новые кредиты (в настоящее время в такое положение втягиваются США). Правительства президента Ельцина (их было пять за 7 лет) в результате несистемных и непоследовательных действий довели в 1998 году страну до дефолта. А степень эксплуатации людей выросла настолько, что превысила ее в несколько раз по сравнению с дореволюционной Россией. Другой пример. Горбачев в процессе разработки нового союзного договора повел себя очень неосмотрительно и так был вовлечен в него лично, что утратил необходимую дистанцию, позволяющую стоять над «схваткой» и контролировать ситуацию. Такое положение не позволило ему в нужный момент употребить власть. Так как никому не дано быть судьей в своем деле.

Чтобы в ходе реформы «не сорваться в штопор», необходимо до их начала твердо определить, каких сфер жизни они не должны затронуть. Это те исконные, коренные начала, которые и образуют преемственность и долголетие государства. Речь идет об ответственности реформаторов перед предками, современниками и грядущими поколениями. Петр Великий ломал многое, но не трогал интересов землевладельцев — станового хребта империи. Александр II, устранив зависимость крестьян от помещиков, уже до этого утративших служилый статус, лишил монархию своей естественной опоры — поддержки дворянства. А абсолютной монархии без дворянства не бывает. Ослабевшая конструкция государства стала разваливаться и в 1917 году рухнула. Сталин не трогал партию большевиков. Он, наоборот, постоянно ее укреплял. Этим же путем шли Хрущев и Брежнев. Горбачев развалил СССР, лишив власти КПСС и разрушив общественную собственность-две его главные опоры. В истории модернизаций России не было более безответственных реформаторов, чем Ельцин и его команда (не путать с Тимуром и его командой). Эти пигмеи не осознавали, на плечи каких гигантов российской истории их вознесли обстоятельства. Не ведали они что творили. Семейный развод длится годами, а они за одну ночь по живому разрезали страну, как новогодний торт. Бог, миллионы ликов предков и грядущие поколения будут судить их за разбазаривание земель и сломанные судьбы соотечественников до скончания нашей истории. Сегодня на наши острова посягает Япония. Страна, которая безоговорочно капитулировала перед нами в 1945 году. Под предлогом заключения мирного договора она навязывает нам переговоры по Курильским островам. Современные реформаторы должны

помнить, что история международных отношений не знает прецедентов, когда побежденная и подписавшая акт о капитуляции страна, вертела бы победителем до такой степени. Даже у такой огромной страны как Россия лишней земли не бывает. Да и мирный договор в таких случаях не заключается. Капитуляция это признание безусловного проигрыша на условиях победителя. И надо поставить точку. Мы от Японии ни в чем не зависим. Дальше играть в миролюбие опасно. Можно заиграться. Уступим сегодня японцам — завтра выстроится очередь из других желающих. Так одно неразумное действие потянет за собой новые, еще более тяжкие по последствиям.

В современной России несущей конструкцией государственного порядка является институт президентства, включающий его представителей в федеральных округах. Все меры по модернизации страны не должны его ослабить. Усиливать этот институт тоже опасно. Это тот случай, когда избыток вреден чрезмерной авторитарностью и нарушением того общественного договора, который сложился де-факто между большинством народа и верховной властью. Лучше следовать таким нехитрым, но очень эффективным правилам. Первое, правитель не должен косвенно поощрять того, что им же прямо запрещено в законе. Например, передвигаясь по городам и дорогам страны на скорости выше дозволенной Правилами, правитель поощряет водителей на опасную езду. Второе, постоянно помнить, что личным примером правитель оказывает влияние большее, чем законы. Например, закон запрещает любым способом посягать на судебную систему. Но сам правитель ослабит ее авторитет, если заявит, что прекратит финансировать суды, если они не будут удовлетворять иски налоговых органов против налогоплательщиков.

Горбачев признает, что развал СССР в его планы не входил. Реформы, по его словам, преследовали первоначальную цель «встряхнуть» КПСС. А потом пошло и поехало: экономика, социальные и национальны проблемы. Процесс вошел в стадию разрушения. Этот горький опыт подсказывает нам, что в ходе модернизации экономики нельзя раскачивать политическую систему. Она, конечно, и сегодня несовершенна, но только в том смысле, что ничего совершенного в этом мире нет. Главное — она обеспечивает в основном баланс общественных сил и не содержит в себе семян как анархии, так и тоталитаризма.

Задачи модернизации нельзя формулировать в общем виде. Они должны быть конкретными и содержать четкие указания на ее пределы, а также деятелей, ответственных за их реализацию. Иначе возникает опасность безответственности и разрушения

того, что уже создано предыдущими поколениями. Нам не нужно надуманных реформ. Вот ее формула: «Делать лучше то, что мы уже умеем делать». А это сельское хозяйство, переработка, сырьевой сектор, энергетика, вооружения. Реформы затухают не «разгоревшись», если не принято мер противодействия усилиям их противникам или если их проведение поручено лицам, в успехе реформ не заинтересованным. Также обречены на угасание те реформы, которые не дают быстрых и реальных результатов. Современная модернизация проводится по инициативе верховной власти, то есть сверху. Поэтому без государственного принуждения успеха не будет. Это уже подтверждается на опыте использования в качестве инструментов развития государственных корпораций, которые, по мнению прокуратуры, ничего не сделав, затратили огромные средства на шикарное содержание самих себя. Власть употребить придется. В народе в таких случаях говорят: «Нет на них Сталина».

Инициатор модернизации должен уметь выбирать советников и поручать ее реализацию способным деятелям, а самому оставаться над «схваткой», чтобы не дискредитировать свой пост в случае неудачи, а тем более провала реформ. Горбачев был убежден, что лучше всех разбирается в людях, и смог сколотить себе хорошую команду. Но все было наоборот. Команда-раздрай, команда антиподов не помогала, а постоянно сбивала его с курса. В идеологии — это консерватор Лигачев и радикало-либерал Яковлев. В экономике — монетарист-рыночник Петраков и рыночник-социалист Шаталин. Во внешних делах — прагматик-делец Арбатов и идеалист-меланхолик Шеварднадзе. В государственном строительстве — ретроград Лукьянов и футурист Шахназаров. И так во всем Горбачев был вынужден сидеть сразу на двух стульях. Пока они доказывали ему, кто из них правоверней папы римского, а он тратил время и силы на поиск консенсуса, упрямый уральский мужик Ельцин во главе сплоченной команды, отвоевывал у него властные позиции. Одну за другой.

Лучший вариант, когда президент охраняет устои, до которых и дотронуться опасно, а правительство разрабатывает и проводит реформы. В противном случае, некому будет поправить наиболее горячие головы, если реформы начнут зашкаливать. Президент не может сам себя контролировать и поправлять. И последнее. Лучше вовсе не начинать реформ, чем проводить их без системы и строго обозначенных сроков. Весь пакет необходимых законов должен приниматься в течение 4–6 месяцев с момента разработки их концепции. Несистемные меры только усложнят ситуацию. Это может запустить механизм политической, экономической,

социальной дестабилизации страны и создать риски ее развала. Такое мы уже проходили.

Примерно таким мог быть план перестройки. Но именно такого плана не было. Ни по целям, ни по способам. Без стратегии и тактики. А без плана на одном отрицании нехорошего социализма перестройка и не могла состояться. Если мы утверждаем, что это животное не свинья, то надо хотя бы предположить, а что же это такое? Рисовал один «художник» льва, но получилась собака. Тогда он сделал под рисунком подпись: «Это не собака, а лев». Без плана обязательно должны были прийти к капитализму. И пришли. Да еще к дикому и наверняка криминальному. Неужели, как у «художника», будет достаточно объяснения-надписи, что это теперь хороший социализм, а не капитализм?

Известно, что есть истина и есть интерес. И когда они совпадают, тогда мы имеем дело с истинным интересом, что бывает крайне редко. Когда говориться, что при капитализме частный собственник эксплуатирует наемного работника, это — истина. Ибо он присваивает себе большую часть созданного работником, прибавочного продукта. Хотя через налоги часть прибыли возвращается работнику в виде социальных расходов государства. Когда утверждается, что это происходит и с работником госпредприятия, это уже чей-то интерес, не имеющий отношения к истине. Так как во втором случае работнику не противостоит частник. А прибавочный продукт полностью поступает не частнику, а в общее пользование и в гораздо большем объеме должен возвращаться к работнику в виде социальных расходов государства.

В результате провала перестройки мы попали в ловушку, из которой будем выбираться минимум два поколения. В ловушку неограниченного произвола частных собственников. Устранение такого произвола, а также одновременно недопущение толерантности греха и есть истинный будущий политический курс того правящего слоя, который пожелает более справедливого устройства российской жизни.

Успешная реализация такого политического курса требует соответствующего политического режима. Теоретически он может быть диктатурой, авторитарным или демократическим. В условиях глубокой и широкой реформы жестко авторитарной жизни с элементами тоталитаризма, режим должен сочетать черты второго и третьего, то есть быть демоавтократическим. Иначе — разрушение. Чисто демократический режим может выполнить только роль могильщика прежнего режима. Что и

произошло в перестройку.

Париж — Вашингтон

Британский премьер Тэтчер срочно отправлялась в Париж и Вашингтон. Она очень торопилась убедить президентов Миттерана и Рейгана не откладывать на потом встречи с Горбачевым. «Динозавры», как она любовно называла своих друзей, в письмах соглашались, что СССР возглавил нестандартный «малый». Но пока не могли понять, насколько ему можно доверять. И встречаться не спешили.

«Флорентиец» Франсуа, так Миттерана называли за его макиавеллизм, согласился, что тянуть со встречей и знакомством нет смысла. Тем более как настоящий француз он не мог отказать в просьбе женщине, да еще такой сексапильной и умной, какой бесспорно была Тэтчер. Однако на просьбу о помощи Горбачеву ответил уклончиво: «Не существует никаких возможностей оказывать прямую помощь СССР. Но косвенную помощь ему можно оказать, создавая климат сотрудничества и взаимного обмена людьми и информацией. Думаю, для него был бы полезным совет о децентрализации власти. Нельзя же позволять экономическим министрам править из Москвы всем при таких масштабах страны и экономики».

Сложнее было с Рональдом Рейганом. Его ковбойское упрямство шло от уверенности, что мир и так крутиться вокруг Америки. И что с Советами договариваться бесполезно. Все равно доверять им нельзя. Не способствовал динамизму и возраст американского лидера. Бывшему актеру Голливуда и бывшему губернатору штата Калифорния уже было далеко за семьдесят.

— Поймите, Рональд, нельзя упускать шанса. С ним можно иметь дело. А в этой Византии все возможно. Вспомните историю с Хрущевым. Скинули за три дня.

— Да, Мэгги, его заявления подают надежду, но все же спешить не следует. С приходом нового лидера в Москве мы еще не закончили корректировку общей концепции моей политики с Советами. Встреча без концепции может привести к ошибкам. Кроме этого у меня на носу перевыборы. Прогнозы хорошие, но расслабляться нельзя.

Рейган поправил безупречную прическу, галстук и продолжил:

— А когда его примут французы, в октябре? Если так, я приму окончательное решение о встрече после консультаций с Парижем. Меня смущает одна личная черта Горби. Советники докладывают, что им сложно оценить смысл того, что он говорит. Они подсчитали, что он выступает более одного раза в день и

часто противоречит сам себе. Хотя это бесспорно яркий, великолепный, располагающий к себе оратор. Однако содержание его высказываний, по их, да и моему мнению, бывает, мягко говоря, сомнительным. Похоже, что он неисправимый идеалист, очень увлекается и верит всему, что говорит. Настораживает и его навязчивое стремление стать для Запада «своим».

— Мы с ним встречались дважды. Кроме этого я имела возможность изучить его досье, начиная со студенческих лет. Он совсем не советский и явно разделяет либеральные ценности. Только называет их общечеловеческими. Год назад экземпляр досье был передан и для вас. О содержании его выступлений. Главная их ценность для нас в том, что в них звучит глубокое разочарование прошлым и даже настоящим страны. Эту беспощадную и публичную критику он именует самокритичным оптимизмом. В его выступлениях нет позитива. По его примеру гласность и свобода слова перерастают в поток шельмования всей, и особенно сталинской, истории России. Напомню вам, Рональд, старую алеутскую поговорку о том, что «китов можно убить, только когда они болтают». Беседуя с ним, иногда трудно вставить слово. В его досье болтливость как черта характера тоже отмечена. Иногда он просто не может остановиться. Не воспользоваться этим обстоятельством неразумно.

— Меня с досье ознакомили. Более того, в Вене представили нашего сторонника из Чехии. Он в одни годы учился с Горби в МГУ и дружит до настоящего времени. Отмечая высокие способности друга, он указал на его самонадеянность, необычайное честолюбие, патологическую болтливость, неуемные энергию и напор в общении. Что Михаил никогда не был твердым сторонником марксизма и обижен на Советскую власть за преследование его дедов. Еще он подтвердил информацию из досье, что он и жена Раиса — одно целое. В ней его сила. И что она тоже очень честолюбивая, очень жесткая, активная, высокий интеллектуал и доминирует в паре. В России мужей таких жен издавна называют подкаблучниками. Так что с этим тандемом без серьезной подготовки встречаться не стоит. Для моей Нэнси тоже предстоит испытание. Она не любит общаться с дамами такого типа. Да еще членом компартии.

— Да, парочка не простая. Она с ним была у меня в Чеккерсе. И вела себя не менее активно, чем он. И все же, Горбачев — не Брежнев. Он способен воспринимать аргументы собеседника и в ходе встреч вполне возможно добиться от него публичного согласия с нашей оценкой советского строя и большевистской революции, породившей его. Он очень далек от классовой теории Маркса и скорее социал-демократ. Когда я ему говорила, что в

двадцатом веке все беды от коммунизма, он не возражал. Для него, как я поняла, главное — движение, конечная цель — ничто. Он как-то проговорился, что является сторонником теории безмодельного развития. Вы должны убедить Горби в том, что революция 1917 года была не шагом вперед, а возврат к наиболее одиозной разновидности традиционной тирании, дополненной технологическим аппаратом тоталитаризма. Я ему об этом уже говорила. Мы должны заявить также о поддержке его усилий по сближению с Западом и о готовности оказать экономическую помощь, в которой он так нуждается. Не тяните. Не давайте полю слишком долго оставаться под паром. Нельзя недооценивать нашей способности подталкивать его в том направлении, каким он уже следует.

— Согласен, но он должен показать на деле, что это не пустые обещания, и заверить нас, что не применит силу против стран восточного блока, желающих его покинуть. Прежде всего, на примере Польши, где наши друзья близки к победе. Кроме этого пусть выпустит политзаключенных, даст разрешение на выезд евреям-секретоносителям, назовет конкретный срок ухода из Афганистана. Без этого говорить не о чем. Мэгги, а что Вы думаете о состоянии дел в СССР? Насколько он еще силен? И что у них с экономикой?

— Рональд, Россия настолько великая и разная, что об ее общем состоянии практически невозможно судить на основании отдельных и нередко противоречивых оценок, которых сейчас в изобилии. Она познается постепенно и сила ее в необычно высоком духе и непокорности народа любым, самым тяжелым обстоятельствам. Представьте, как можно было столько лет терпеть крепостной и сталинский режимы. А они терпели. А как они расправились с Наполеоном, а потом и Гитлером! И все-таки рискну утверждать, что если Горбачев даже вполне искренне желает спасти коммунизм и Советский Союз, то он обречен на неудачу. Против него работает современный исторический поток — тенденция на реинтеграцию советских республик и сателлитов в Восточной Европе, стремление людей к спокойной жизни. А за коммунизм, который я ненавижу, им надо бороться и во многом себе отказывать. Смею предположить, что и европейская интеграция, в которой мы осторожно участвуем, тоже идет против этого потока и поэтому не имеет длительной перспективы.

— Благодарю, Мэгги, за беседу и разъяснения. По нашим данным, экономическое ослабление СССР это факт. Он работает на нас, и поэтому тоже спешить со встречей не стоит. Пусть клиент дозревает. Но я буду думать о встрече с Горби. Может быть, уже в ноябре в Женеве.

Тэтчер покидала Вашингтон, как и прежде Париж, весьма довольная своей миссией. И Миттеран и Рейган, которых она считала великими президентами и своими друзьями, ее надежды оправдали сполна.

Первый визит

В Москве полным ходом шла подготовка к первому зарубежному официальному визиту Горбачева. Перед этим была краткая рабочая поездка в Варшаву для подписания протокола о продлении Варшавского Договора. Но исторически традиционно, и не только для советских правителей, а еще со времен Российской империи первым был выезд Париж. Сколачивалась команда, писались проекты документов и речей, шились наряды. В поте лица трудилась портниха Тамара из Общесоюзного Дома моды на Кузнецком мосту. Михаил и Раиса возлагали на эту поездку большие надежды. Хотя особого волнения не было. Сказывалась тренировка во время успешной поездки в Лондон еще до восшествия на вершину. Но теперь другое дело. Они ехали в качестве первой пары огромной и все еще великой державы.

В здании Центрального Комитета партии Раисе выделили отдельный кабинет, снабдили материалами по Франции, приставили лучших экспертов. Бывшая отличница и в этом случае не полагалась на импровизацию и готовилась к поездке основательно. Даже потребовала, чтобы из самых известных дам страны у нее была своя «свита». Пригласили женщину-космонавта, поэтессу, руководителя женской организации, директрису музея искусств. Ей хотелось предстать перед Францией не просто первой леди СССР, а еще и в качестве самостоятельной общественной фигуры.

В команду Михаила, кроме дипломатов и военных, впервые включили группу поддержки из ученых. Желающих было немало, но отобрали троих: физика-ядерщика Велихова, директора космического института Сагдеева и, конечно, академика Арбатова. Правда потом никто, и Горбачев в том числе, не могли вспомнить, кто его пригласил. И в последующем он участвовал почти во всех визитах, как некий непременный член делегаций. Очевидно, это стало следствием умелого распространения Арбатовым информации о том, что сам Андропов приставил его к Горбачеву и последний без его помощи не может обходиться. На первых порах это было похоже на правду. Но и потом, когда встреч с ним избегали и его записки перестали читать, он продолжал имитировать свою близость к Горбачеву. В этом ему помогал космополит Анатолий Черняев, которого Арбатов, с помощью Яковлева, продвинул в помощники Генсека по внешней политике. Так и «толкался» в верхах академик, примечательный еще и тем, что после него не осталось ни одного капитального теоретического труда. Правда, трудов-манифестов он изготовил

немало. Но они перестали быть интересными и полезными, как только «административный академик» покинул пост директора института. Однако о незаменимости Арбатова кремлевским правителям, в том числе Горбачеву и его окружению, еще долго не забывали постоянно напоминать влиятельные американцы. Однажды влиятельный конгрессмен Кеннеди заметил в беседе с Горбачевым, что ваш Арбатов — это наш Киссинджер. Такое положение продолжалось до тех пор, пока Арбатову не подсказал внутренний, а может, другой голос, что надо менять хозяина и он вместе с другим придворным и действительно талантливым экономистом академиком Шаталиным переметнулся к Ельцину. Пока не канул в безвестность.

Довольно странной фигурой в этой компании был и директор Института космических исследований академик Сагдеев, вскоре женившийся на Сьюзен Эйзенхауэр — внучке американского президента Дуайта Эйзенхауэра и в 1988 году уехавший на жительство в США. Там он долго работал в качестве профессора Мэрилендского университета и советника правительства по ядерному вооружению. Для кого он в то время старался в области разоружения России, думается, известно не многим, да и то не в России.

Только выдающийся физик Евгений Велихов с этой поры и надолго оставался внештатным советником последнего советского и последующих российских правителей. А при Путине и Медведеве даже возглавил квазинародный парламент — Общественную палату. Вот такая компания интеллектуалов сопровождала Горбачева в его первом зарубежном визите в должности Генсека. Но на этот раз они остались без дела. Французы в деле разоружения ни на какие импровизации не пошли.

Официальными членами советской делегации были новый министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, секретарь ЦК Александр Яковлев, а также посол СССР во Франции, один из патриархов советской дипломатии Юлий Воронцов.

В те времена послами в разных странах успешно служили четыре очень опытных и, что важно, карьерных советских международника. Эти фигуры, составляющие золотой фонд советской дипломатии, для краткости иногда называли: «А + ЗЮ». Анатолий Добрынин, два Юлия — Воронцов и Квицинский и Юрий Дубинин. Именно карьерных дипломатов, а не номенклатурных партийных, которых среди послов в силу идеологичности страны, тогда было большинство. Еще это был «мягкий» способ избавляться от неугодных политиков. Первый заместитель Председателя Совета Министров и член Президиума

ЦК Дмитрий Полянский за несогласие с политикой Хрущева на десять лет «загремел» в послы Японии и Норвегии. Так же поступил Брежнев с кандидатом в члены Политбюро и первым секретарем Московского горкома партии Николаем Егорычевым, отправив на такой же срок в Данию. Позднее случались и более странные ссылки. Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро Георгий Разумовский, один из сподвижников Горбачева на раннем этапе перестройки, «уехал» в Китай, но не послом, а генеральным консулом в Шанхай. Ельцин перещеголял всех, отправив бывшего Председателя Правительства России абсолютно косноязычного Виктора Черномырдина послом в Украину. Единственной дипломатической доблестью последнего было умение принять «за воротник» с любителем этого дела президентом Кучмой. Понятно, что толку от таких «дипломатов» было немного.

Карьерные дипломаты, служили, как правило, со знанием дела и на совесть. Так как по сравнению с их иностранными коллегами из соразмерных по политическому весу стран платили им совсем немного. Около двадцати пяти лет без перерыва работал Анатолий Добрынин послом в США. Ему принадлежит абсолютный рекорд пребывания на таком посту в одной и такой непростой стране. Он представлял страну при шести американских президентах и единственный из послов имел телефон прямой связи с Белым Домом и Государственным департаментом — министерством иностранных дел США. Квицинский был лучшим среди послов германистом и тоже долго пробыл в ГДР и ФРГ. Дубинин успел послужить послом в Испании, США, во Франции, представителем СССР в ООН и закончил карьеру при Ельцине в Украине. Все они сыграют важные роли во внешней политике Горбачева.

Особенно яркой была карьера Воронцова. Он, как и его знаменитые коллеги, был выпускником Московского государственного института международных отношений. В тридцать с небольшим, еще при «раннем» Брежневе, возглавил советскую делегацию по разоружению в Женеве. Затем много лет был посланником, то есть заместителем, при Добрынине в США, а впоследствии послом. Долгие годы представлял СССР в Индии. Руководил переговорным процессом по выводу войск из Афганистана. О нем говорили и свои и иностранные партнеры, что он виртуозно владел искусством дипломатии. Ему же приписывают слова о том, что искренность дипломата не порок, но крупный недостаток. Закончит он карьеру первым заместителем министра иностранных дел. Но это в будущем. А пока на высоте десяти километров в рабочем салоне

спецсамолета Генсек и посол продолжали обсуждать план предстоящих встреч и переговоров с очень сложным и успешным президентом. Миттеран будет править Францией четырнадцать лет. Больше всех своих коллег.

С приходом к власти социалиста Миттерана в советско-французских отношениях, вопреки ожиданиям, начался спад. Он оказался большим «атлантистом», то есть сторонником американо-британского союза, чем его предшественники. Отношения с СССР отошли на задний план. В этот непростой период и было решено направить послом в Париж Юлия Воронцова. Он надежды оправдал. За пару лет ему удалось переломить ситуацию к лучшему и подготовить, хотя, как мы знаем, не без «помощи» Тэтчер, визит нового советского лидера. Правда договорились, что если уж с визитом такой нетерпеж, то он будет ознакомительным без подписания официальных документов. К сожалению, такие «экскурсионные» визиты для четы Горбачевых со временем станут чуть ли не нормой. До этого руководители двух старых стран-союзников не встречались несколько лет. Впрочем, как и с президентом США, с которым Брежнев встречался более шести лет назад. Такие паузы в межгосударственных делах, особенно после частых контактов, всегда указывают на охлаждение отношений. На их потепление и надеялся Михаил Горбачев, направляясь в Париж.

К изумлению встречавших советских и французских официальных лиц, Раиса и Михаил вышли из самолета рядом, держась за руки. Такими советских лидеров мир еще не видел. Горбачев не удержался и здесь же в аэропорту Орли, еще до фактического начала визита, закатил речь о том, что СССР и Франция вступают в новый период тесного партнерства, дружбы и сотрудничества. Ничего подобного в подготовленном и согласованном с французами заявлении не было, и посол Воронцов со страхом начал думать о провале визита. В дипломатии такие экспромты не допускались. Но Горбачеву явно не терпелось заявить о себе. Тем более что он о таких тонкостях думать не привык. Пренебрежение к протоколу и неписаным обычаям в межгосударственной политике, еще не раз подведет его в будущем. Это произойдет вскоре в Женеве, а потом и в Рейкьявике на встречах с Рейганом.

Политическое положение в стране было напряженным. Франция готовилась к парламентским выборам, и победу на них вполне могли одержать правые во главе с Жаком Шираком. В этом случае впервые за послевоенное время правый парламент противостоял бы главе государства — социалисту. Так оно через три месяца и случилось. Миттеран это предвидел, но повлиять на

исход выборов уже не мог. Поэтому встречал он чету Горбачевых в Елисейском дворце еще более сдержанный и суровый, чем обычно. Ему вообще неведомы были такие чувства, как теплота и душевность.

Увидев это, Раиса не удержалась и попыталась придать началу визита большей искренности. В удобный, как ей показалось, момент она решилась на первый комплимент и сказала жене президента Даниель, что «как, наверное, приятно жить в таком доме». За жену и в своем стиле ответил Франсуа: «Елисейский дворец — это мой кабинет. А квартира на улице Бьеф — мой дом». После краткого официального приема, чтобы сгладить некоторую неловкость от не очень любезного ответа мужа, Даниель устроила еще и небольшой обед специально для Раисы. Первые леди двух стран угощались нежнейшей закуской из морских гребешков, рагу из ломтиков пулярки с раками, заливным из свежих овощей, сыром и мороженым с каштанами на десерт. Французская кухня оказалась лучшим, чем все политесы, средством для сближения. Отношения устроились. Подтвердилась старая, как мир, истина о том, что «На небесах — все, как у простых грешных. Только жемчуга покрупней».

В это время состоялась первая беседа Франсуа и Михаила один на один. Энергично, временами с какой-то непонятной страстью, советский лидер стал перечислять недостатки советской системы и убеждать лидера французов в необходимости перестройки в СССР и нового политического мышления для всего мира: «Пришла пора покончить с взглядами на внешнюю политику с имперских позиций. Можно на время подавить, заставить, подкупить, сломать, взорвать. Но… с точки зрения долгосрочной политики, крупной, большой политики, никому не удастся подчинить других. В скором времени мы предпримем серьезное сокращение обычных вооружений в Европе. Эти шаги продиктованы конструктивным духом доброй воли. И не имеют под собой никакой политической подоплеки. Только прошу эту информацию не разглашать, так как я еще об этих планах не информировал своих союзников в Восточной Европе». Опытный и осторожный политический боец Миттеран воспринимал его слова без особого доверия. Было не совсем понятно, с какой целью это делается. В чем здесь подвох. Неужели нужно приезжать в другую страну для того, чтобы провозглашать гнилые пацифистские идеи и в пух и прах разнести порядки страны, которую ты возглавляешь. И только к концу беседы пришло осознание того, что перед ним политик-новичок, который таким сомнительным способом открывает для себя дверь в мир международной политики. Что это не

политический соперник, а скорее стихийный социалист и поэтому возможный партнер. Но открываться Миттеран не стал. Только высказал сдержанное желание продолжать контакты. Чтобы лучше понять друг друга.

Во время традиционной вечерней прогулки по парку дворца Раиса поделилась с мужем впечатлениями об обеде с женой президента, напомнила Михаилу об их давнем приезде в Париж туристами, когда им еле хватило денег, чтобы рассчитаться за легкий ужин в скромном кафе на Авеню Клебер.

— Сегодня мне удалось выкроить часок и заглянуть в это кафе. Я пила кофе и говорила с простыми француженками. Они в восторге от советского лидера. Передавали тебе приветы.

— Повезло, а я все с мужиками разговоры разговариваю. В другой раз пойду с тобой.

— Сегодня местная охранница с красивым именем Изабель меня пожалела. И знаешь, за что?

— Наверно из-за насыщенности программы?

— Нет, за то, что, по ее мнению, я слишком открыта в общении и за все переживаю. На мой вопрос, что же делать, она пожала плечами и потом сказала, что сама такая.

— Изабель права. Ты все принимаешь близко к сердцу.

Потом Раиса спросила, как ему с президентом. Михаил обозвал Миттерана сухарем, но пообещал, что до конца визита он его расшевелит: «Ты же знаешь, нервы у меня крепкие. Напора тоже хватит».

На другой день Раиса встретилась с Ив-Сен Лораном и Пьером Карденом, где получила комплименты за свой жемчужно-серый костюм и особенно за кофточку с пышным вишнево-бордовым бантом, исполненные, по их мнению, не иначе как Славой Зайцевым. Раиса не стала признаваться, что это работа никому не известной московской портнихи. Потом были строгий Лувр, сказочный Версаль, встреча в обществе французско-советской дружбы и ее первая публичная речь за рубежом. И здесь в Париже, «в центре мира» она смогла сразу показать себя как элегантная, ухоженная, модная и весьма образованная дама. Ее тихий, но отчетливый голос завораживал слушателей. Публике понравились ее манеры и точеная фигура. Она блистала, как будто девушка на первом балу.

Михаил в этот же день выступил в мэрии и Национальном собрании. Это тоже была дань местной моде. В мэрии он опять стал велеречиво говорить о необходимости перестройки не только для СССР, но и для всего мира. Призывал к строительству «общего европейского дома». Потом, к изумлению слушателей и вопреки международной традиции не хулить свою страну за

рубежом, долго говорил о недостатках советской системы и своих планах раскрепощения общества. В парламенте пошел еще дальше, объявив о советских инициативах по всеобщему ядерному разоружению к 2000 году. Как руководитель ядерной державы Миттеран не стал особенно реагировать на явный экспромт новичка в мировой политике. Только вежливо пожелал успеха и отметил, что «Если СССР удастся реализовать задуманное, это будет историческим прорывом в будущее».

Заканчивался визит ответным обедом у Горбачева в посольстве СССР. И опять была долгая импровизация Михаила на тему о несовершенстве мира. На это мудрый «Дядюшка», так называли Миттерана его соратники, в ответной речи всего лишь заявил, что «главный итог визита в том, что ваша и наша общая Европа обрела определенный способ общаться». Михаила такой «эффект» от его стараний огорчил. И он шепнул Шеварднадзе: «Мы к ним по-братски, как европейцы, а в ответ получили надменность и высокомерие в виде вашей и нашей Европы». Правда, на итоговой совместной пресс-конференции глав делегаций заверения о будущем тесном сотрудничестве сыпались как из рога изобилия. Большего добиться не удалось. Ни одного конкретного документа, кроме совместного заявления, подписано не было.

Но усилия Раисы произвести впечатление были все же оценены. Ее презентация Европе и миру состоялась. Перед отъездом Горбачевы получили от четы Миттеран весьма любезное письмо, где были такие слова: «Присутствие рядом с Вами, господин Генеральный секретарь, госпожи Горбачевой создало о Вашей стране новое представление — обаяния и культуры». Видимо, это и был главный капитал первой официальной зарубежной поездки Михаила и Раисы. Если бы его впоследствии удалось вложить в реальную пользу для страны, он мог стать историческим.

В ходе и после визита с подачи главного пропагандиста Александра Яковлева советские СМИ стали дружно вещать советскому народу, что Горбачеву с первой встречи удалось расшевелить Миттерана и развернуть его лицом к СССР. Французы оценили визит скромней, назвав его «важным, но все же только знакомством».

Раиса поездкой осталась довольна. И ей не терпелось почитать отклики прессы на визит. Поэтому еще в Париже Михаил дал указание подготовить соответствующий обзор печати. Уже в Москве он лично просмотрел самые важные сообщения и среди них обнаружил не совсем приятный отзыв в газете «Монд». Автору не понравилось слишком явное стремление

жены советского лидера к доминированию в их паре. Ничего в этом нового для себя Михаил не открыл. И не огорчился, так как давно и с удовольствием ходил при Раисе на вторых ролях. Как Рыба по знаку, он объективно и не мог противостоять напору и мощи ее покровителя Козерога. К тому же во многих советских семьях главенство жены было нормой. А то, что его семья теперь необычная, правящая, он даже не подумал и тем более не вспомнил древнюю мудрость о том, что «кто не может управлять женой, тот не сможет управлять государством». Только попросил помощника не огорчать Раису Максимовну и изъять неприятный отклик из обзора.

Итак, дебют Раисы как самостоятельной общественной фигуры состоялся. В мировом общественном мнении отныне она перестала быть просто женой Горбачева. Она заняла то особое место, которое ей было предназначено не иначе как *сверху*. И даже Михаил не сразу поймет, как это вдруг случилось. Наверно потому, что он, как и все окружающие, Раису до конца не понимал. Он ее только любил, обожал и восхищался. И то, что он в ней не понимал, открывалось и ему не сразу, постепенно. В связи с какими-то важными событиями в их жизни. Так было, когда они поженились и приехали в Ставрополь. То же испытывал он по возвращении в Москву. Это же произошло в Париже. И конечно, будет продолжаться потом. До того трагического времени, когда она неожиданно быстро уйдет навсегда.

Миттеран после встреч с Михаилом убедился, что Тэтчер была права. Горбачев никакой не коммунист. Скорее социал-демократ. Вскоре на осенней встрече с Рейганом в рамках Совета НАТО он убедил коллегу не откладывать знакомство с советским лидером. И Рейган тут же поручил госсекретарю Джорджу Шульцу направить в Москву приглашение на встречу с ним в Вене или Женеве. Министр Шеварднадзе выбрал Женеву.

Встреча в Риме

Уже четыре года Америку возглавлял республиканец Рональд Рейган. Недавно он успешно переизбрался на второй срок. До него президентом был демократ Картер. Он соглашался с доктриной Брежнева, согласно которой мир нуждался в наличии двух сверхдержав для сдерживания и баланса сил противоположных политических систем. Другого мнения был Рейган. Он считал, что СССР это центр, империя зла и поэтому должен быть разрушен. Учитывая равенство ядерной военной мощи противников, прямой вооруженный конфликт исключался. Требовалось искать иные способы. И Рейган поехал советоваться в Ватикан. Выходец из Польши, и потому уже давний недоброжелатель СССР, папа римский Иоанн Павел II предложил «начать с мощного информационного наступления на советскую систему и идеологию под флагом их улучшения (перестройки), поощрения поездок граждан Восточной Европы в Западную и продвижения либералов на руководящие посты в странах советского блока». При этом заявил также, что на условиях финансовой помощи Ватикану, вся структура католической церкви будет предоставлена Америке в распоряжение для содействия в решении этих задач. Вскоре по разным, в том числе гуманитарным каналам Ватикан получил огромные деньги. Прежде всего, они пошли на поддержку антикоммунистической деятельности «Солидарности» во главе с Лехом Валенсой в Польской Народной Республике. Успех превзошел все ожидания. За два года власть Ярузельского зашаталась, а еще через год — рухнула. Обошлась эта совместная ватикано-американская операция в полтора миллиарда долларов.

После Рима Рейган направлялся в швейцарскую Женеву на свою первую встречу с новым советским лидером Горбачевым. Не полагаясь только на сведения из досье, которое он получил от Тэтчер, Рейган потребовал пригласить из Вены для беседы о Горбачеве его друга и одновременно друга Запада Зденека Млынаржа. Вот главное из того, что услышал американский президент от Зденека: «На недавней встрече с Михаилом в Москве я понял, что он в растерянности, так как оказался не готовым к управлению такой огромной страной и не представлял, какие сложные проблемы ему придется решать. Особенно в политической и экономической сферах. Он обладает многими качествами незаурядной личности. Но ему очень мешают излишние самоуверенность и честолюбие. Энергия, с которой он начал проводить реформы, очень велика и с каждым днем

приближает СССР к черте невозврата. Михаил идет в нашу сторону с такой скоростью, что вам не следует идти навстречу свои полпути. Сам придет. Зазнайство его погубит».

И только получив информацию из первых рук, Рейган отправится в Женеву на встречу с лидером СССР с полным пониманием того, какой собеседник его ждет.

Женева — Рейкьявик

Какими бы ни были настроение и самочувствие, Раиса всегда провожала любимого мужа на работу. Уезжал он рано, не позже восьми часов. Завтрак, приготовленный поваром, подавала сама. Подбирала ему одежду. Не было случая, чтобы на нем два дня подряд были одни и те же галстук и рубашка. Расставаясь всего до вечера, очень грустила и сожалела, что не может быть с ним постоянно. Использовала любой повод, чтобы встретиться с ним днем. Нередко приезжала к концу рабочего дня в Кремль или на Старую площадь для ужина в узком кругу. Чаще всего в компании Яковлева, многолетнего помощника по экономике Болдина и недавно назначенного помощника по внешней политике Черняева.

— Миша, на Политбюро большая повестка? Когда будешь дома и что приготовить к ужину?

— Знаешь, Райчонок, сегодня обсуждается один вопрос. Но такой, что стоит десяти — об отношениях с американцами. Думаю, просидим весь день. Так что рано не жди… Что на ужин? Попьем кефир. А поем по традиции с коллегами после заседания.

— Когда и где планируешь встречу с Рейганом? Может, в Австрии?

— Шеварднадзе обещает уже в этом году и предлагает Женеву. Говорит, что в государственном департаменте США с таким вариантом согласились. Дело за президентом.

— Плохо представляю Женеву. Наверно в сравнении с Веной деревня.

— Ну, ты даешь, там же европейская штаб-квартира ООН, горы и красивое озеро. Это очень древний и элегантный город. Международная бюрократия в деревне жить и работать не станет. А в Вене голубой Дунай только в песнях. На самом деле не вода, а сплошная муляка. Пардон, так у нас в Привольном говорят.

— Знаю, что встреча будет неофициальная, рабочая, да еще в нейтральной стране. Но я хочу ехать с тобой. Что скажешь?

— Официальная, неофициальная. Какая разница. Будем ездить вместе, как и договорились, когда только возглавил партию. Помнишь, тогда я сказал — ничего менять не будем. Надо больше быть вместе. Сколько той жизни осталось. С соратниками неуютно и тоскливо. А с тобой мне тепло и спокойно. Сегодня же скажу Эдуарду, чтобы сообщили в Вашингтон, что мы приедем вдвоем.

— Тогда поручи продумать мою часть программы. А я начну готовиться.

Аппарат и Секретариат ЦК работали на Старой площади. Но Политбюро заседало только в Кремле, как и подобает подлинному ареопагу — Верховному органу власти, состоящему из практически пожизненных членов партийной аристократии. В политике символы играют далеко не последнюю роль, а что такое Кремль, знали во всем мире. До прихода к власти Горбачева порядок заседаний Политбюро не менялся более шестидесяти лет. В эти годы заседания длились не больше одного часа. Как и положено в собрании мудрецов: краткий доклад, краткий обмен мнениями и краткое решение. Только однажды, в день нападения Гитлера на СССР, оно продолжалось с шести до десяти утра. Теперь заседания нередко продолжались часами, а то и целый день. Иногда заканчивались без принятия решений. Однажды в будущем произойдет и вовсе необычное заседание, когда статья Нины Андреевой в газете «Советская Россия», названная Александром Яковлевым антиперестроечным манифестом, обсуждалась два дня. Как на научной конференции. И все это не столько потому, что страной стало сложнее управлять, сколько из-за привычки нового лидера к пространным рассуждениям и неумением во время остановить дискуссию. Немногие «старики» в составе Политбюро — Алиев, Громыко, руководители Казахстана и Украины Кунаев и Щербицкий, секретарь ЦК Пономарев, пытаясь этому помешать, призывали возвратиться к прежнему порядку, но только постепенно лишались доверия Генсека, а потом и мест. А Политбюро из-за этого теряло авторитет главного руководящего органа страны и все более превращалось в проходной политический клуб. Пока тихо не «скончалось». При Горбачеве за шесть лет в нем сменилось четыре состава! Заняв впоследствии пост президента, Горбачев взял его функции на себя, но с управлением не справился. И через год «скончалась» уже сама страна. Однако тогда такой исход никто в стране, да и мире, даже не предсказывал. СССР казался несокрушимой твердыней.

На заседании, кроме членов, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК, были посол в Вашингтоне Добрынин, заведующие некоторыми отделами ЦК и эксперты по США. Михаил открыл обсуждение долгим вступлением. Говорил об истории советско-американских отношений, о партнерстве с США в годы Второй мировой, о послевоенных кризисах и вообще о доверии в международных делах. Очень подробно разобрал брежневский период, когда в холодной войне началось потепление, названное разрядкой напряженности. Закончил тем, что с приходом Рейгана СССР опять был зачислен в главные враги

мира. Призвал при обсуждении уходить от стереотипов и выдвигать оригинальные предложения по стратегии коренной нормализации отношений с США. Закончил неожиданно такими словами: «Мы должны окончательно покончить с враждой и сказать им и миру, что больше не рассматриваем Америку в качестве военного противника. И что ни социализм, ни капитализм не стоят того, чтобы из-за них начинать ядерную войну». При этом самый импульсивный член Политбюро южанин Гейдар Алиев не удержался и то ли с восхищением, то ли с недоумением воскликнул: «Вот это поворот!». Горбачев никак не прореагировал, но отношение к нему переменил, а через два года без объяснений отправил на пенсию по состоянию здоровья.

Затем выступали Добрынин, только что назначенный заведующим отделом пропаганды ЦК Александр Яковлев, начальник Генерального штаба маршал Ахромеев, академик Арбатов, другие эксперты из ученых. Большинство говорили об изначальном вероломстве США и предостерегали от непродуманных решений. А Добрынин заявил, что если американцы знают о наличии у страны средств, способных достать до США, они тебя не тронут. Также сообщил, что пятьдесят семь лауреатов Нобелевской премии обратились с просьбой к Рейгану не размещать оружие в космосе. Это пусть и мягкое давление интеллектуалов необходимо учитывать в отношениях с Вашингтоном. Яковлев туманно призвал не позволить идеологии помешать разрешению реальных проблем во внешней политике. Арбатов вторил ему и долго философствовал о наступлении новой эпохи в международных отношениях: «Мир готов покинуть эпоху холодной войны. И мы должны ему помочь «родить» новую эпоху — свободную от идеологической борьбы». Парадокс, но это говорил человек, у которого кандидатская и докторская диссертации были посвящены позитивной роли этой самой борьбы в отношениях с Западом. Обсуждение проблемы и принятие решения членами Политбюро отложили на потом, после перерыва.

Первыми высказались второй секретарь ЦК энергичный Лигачев, обстоятельный Кунаев и мудрый Щербицкий. Они предлагали в принципе одно и то же — убеждать Рейгана в том, что ядерная война недопустима, поскольку в ней не будет победителей, и пусть спор о преимуществах и недостатках двух систем разрешит история. Затем изложил свое мнение многолетний заведующий международным отделом и секретарь ЦК Борис Пономарев. Он знал, что его скоро «уйдут», и говорил без оглядок на Генсека, которого сразу не принял и в кругу близких называл «отступником и абсолютным злом». В свою

очередь, Михаил за глаза называл Пономарева дремучим марксистом и сталинистом.

— Руководство любой руководящей партии, каковой и является КПСС, при обсуждении стратегических вопросов, обязано заглянуть в свою Программу. — Он достал из кожаной папки тонкую брошюру, нашел нужную страницу и стал читать. Скорее даже вспоминать текст, им же и написанный почти двадцать пять лет назад: «Империалистические государства интенсивно наращивают свои вооруженные силы. Они не хотят примириться с существованием мировой социалистической системы, и открыто заявляют о своих безумных планах ликвидации военным путем СССР и других социалистических государств. Поэтому долг партии обеспечить надежную защиту страны и всех союзников»… Дальше в этом же смысле. Кто желает, может посмотреть, что изменилось со времени принятия программы. Главное империалистическое государство США продолжает наращивать военную мощь, а его президент Рейган называет СССР центром зла, с которым надо покончить силой. В то же время сами Штаты не церемонятся с любыми попытками народов жить не по их стандартам. Начиная с 1954 года, Центральное разведывательное управление США организовало, правда, не везде успешные антикоммунистические перевороты — в Гватемале, Египте, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Бирме, Индонезии, Лаосе, Вьетнаме, Филиппинах, Кубе, Греции и Чили. Американцы свергли демократическое правительство Бразилии во главе с президентом Гулартом. В послевоенные годы неоднократно препятствовали приходу к власти в коалиции с другими левыми силами компартий Италии и Франции. Одновременно выделяются огромные средства на поддержку проамериканских режимов. В эти дни буквально то же самое происходит в Польше. Из этого мы и должны исходить…

— Борис Николаевич, — перебил ветерана партии Михаил, — программа принималась в 1961 году. Я сам за нее голосовал на XXII съезде. Сейчас заканчивается 1985 год. Мы что, должны следовать догмам или отвечать на вызовы времени?

— Можно согласиться, что программа в каком-то смысле сборник догм, особенно если признано, например, съездом партии, что ее положения устарели. Но ни один последующий съезд на это не указал. Значит, программа действует. И пока это не догма. Кто нас гонит? Через полгода состоится XXVII съезд партии. Это даст возможность проверить свои старые решения в свете новых фактов, нового опыта. Пусть съезд выскажется на этот счет. Политбюро не может его подменить. И еще, Михаил Сергеевич, не слушайте таких экспертов, как Арбатов. Для них все

советское — плохо, все американское — хорошо.

— Естественно, съезду решать, но встреча с Рейганом уже через месяц. И нам надо определиться с нашей линией, — более примирительно отозвался Генсек.

Но на предостережение о вреде арбатовщины не прореагировал. Только посмотрел в ту сторону, где сидели приглашенные эксперты, и среди них Георгий Аркадьевич Арбатов — на то время самый ближайший его советчик. Возникла пауза. И в разговор вступил Громыко, который четыре месяца как занял пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

— Михаил Сергеевич, встречу можно перенести. Борис Николаевич дело говорит. Нас никто не гонит. В мае, еще будучи министром, я встречался с госсекретарем Шульцем и понял, что Рейган тоже не торопится.

— Это точно. Экономика трещит по швам не у них, а у нас. В США она как раз на подъеме. Мы свою без быстрого и резкого сокращения военных расходов не выправим. Так, Николай Иванович?

— Именно так, — откликнулся председатель правительства Рыжков. — На «военку» приходится сорок процентов расходов бюджета. Бремя для экономики страны непосильное.

И тут опять не выдержал Алиев:

— Экономику конверсией не исправить. Она сама потребует огромных расходов. Предлагаю постепенно сокращать выпуск обычных вооружений и количество призываемых в армию. Вывести войска из Монголии. Этим успокоим и приблизим Китай. Сократить войска в Германской Демократической Республике. Но не трогать ядерный арсенал. И не заявлять, что он не будет применен. Пока они думают, что мы можем им воспользоваться, до тех пор будут с нами считаться. Мы-то с вами уверены, что первыми ядерный удар не нанесем.

— Ну, а чем же прикажешь, Гейдар Алиевич, лечить экономику? — явно недовольным тоном спросил Горбачев. — За три года, что ты в правительстве, можно было бы и разобраться.

Почувствовав, куда подул ветер, и желая снять возникшее напряжение, за своего первого заместителя вступился добрейший Рыжков.

— Михаил Сергеевич, вы знаете, что мы готовим программу экономических реформ. Товарищ Алиев принимает в этой работе активное участие. В установленные вами сроки она будет доложена на Политбюро. Сейчас предлагаю не уходить от повестки дня. О нашей позиции в отношениях с Америкой. Как член Политбюро и председатель правительства считаю, что есть две важнейших проблемы. Первая — обоюдный риск случайного

применения ракет стратегического назначения, и второе — угрожающее противостояние между нами в центре Европе. Их разрешением и надо безотлагательно заняться на предстоящей встрече. Заявлять о масштабном сокращении ядерного вооружения и тем более об отказе от его применения нельзя. Это будет расценено как слабость со всеми вытекающими последствиями.

В разговор вновь вступил Громыко.

— Полностью согласен с мнением Николая Ивановича. Эксперты уже говорили о том, что объявленная Рейганом американская программа СОИ, или звездных войн, это блеф. Так не нужно на нее обращать внимание. Тем более что у нас есть чем «пробить» такой щит, если он и будет создан. Вспомним, как отреагировал Сталин на сообщение президента Трумэна о создании Соединенными Штатами атомной бомбы. А никак! И ускорил создание своего атомного оружия. Так что пусть блефуют. Если же мы заявим, что социализм не стоит того, чтобы за него воевать, вообще-то так думать для людей нормально, мы развалим социалистическое содружество. Этого от нас ждут многие, в том числе недоброжелатели внутри самого содружества. Войска и обычное вооружение в Европе сокращать надо, но обоюдно. Если уйдем оттуда совсем, завтра там и у наших границ будут хозяйничать американцы. Тогда теперешние военные расходы покажутся нам семечками. Впереди борьба за ресурсы, в том числе водные и продовольственные, и надо быть к этому готовыми.

«Мистер нет», как звали Громыко американцы за неуступчивость на переговорах, хотел еще сказать, что в международной политике, как подсказывает его почти тридцатилетний опыт министра иностранных дел, нельзя показывать партнерам всю задницу. Ибо мир в принципе не меняется. И, как раньше, остается миром рисков, насилий и конфронтации. Но, увидев нетерпение на лице Горбачева, передумал и опустился в кресло.

Генсек действительно начал нервничать, так как разговор пошел вопреки его мнению и желанию. После поездки в Париж и контактов с иностранными лидерами в Москве, например, таким, как премьер Индии Раджив Ганди, он, как ему казалось, уже знал, чего ждут от него политики, да и народы тоже. «Они ждут свежих идей, а эти тащат из старых сундуков пропахшую нафталином брежневскую разрядку. Но она не решила кардинально ни одного вопроса в деле безопасности. Десять лет топтались на месте. Три раунда женевских переговоров результата не дали. Застряли в спорах о формулировках соглашений. Так не годиться. Надо

придать отношениям динамизм. И я это сделаю. Я пойду так далеко, что им и не снилось. Я «затюкаю», «забью» Рейгана открытостью. И переиграю этого актеришку-радиорепортера. Пусть мир увидит, что СССР возглавил лидер с действительно новым мышлением».

Размышления Михаила прервал Шеварднадзе, который почувствовал, что пора помочь шефу, а заодно заявить о себе как новый глава ведомства внешней политики.

— Министерство иностранных дел предлагает в отношениях с Вашингтоном в качестве стратегической задачи добиваться полного доверия на основе взаимного отказа от претензий на мировое господство и идеологии классовой борьбы. Не изменяя, конечно, курсу на социалистический выбор. Приведу цитату: «Русские стремятся к мировому доминированию, и быстро наращивают средства для того, чтобы стать самой могучей имперской нацией которую когда-либо видел мир». И дальше о нас: «Люди из советского Политбюро не беспокоятся о тенденциях общественного мнения. Для них пушки важнее масла». Вот как нас видит Маргарет Тэтчер, ближайшая союзница и личный друг Рейгана. Он с ней солидарен. Нам необходимо разрушать такие оценки. Мы подготовили в качестве стратегической концепции следующие рекомендации:

1. Не отступать от парижских заявлений и продолжать настаивать на рассмотрении и реализации наших мирных инициатив;

2. Не «заводиться» по региональным проблемам и теме «еврейства»;

3. Настаивать на том, что эта встреча лишь начало большого и регулярного диалога и вообще — «надо уметь жить вместе», открыто. Мы разные, но надо научиться уважать эту разность;

4. Не раздражать Рейгана по мелочам, чтобы не подыгрывать ястребам в конгрессе США.

Пусть вначале мы не добьемся явного стратегического эффекта, но морально-политическую выгоду от мирного наступления получим быстро. По большому счету, мы такие, как все, и надо возвращаться в общую семью народов. Такова позиция МИДа.

Шеварднадзе не успел присесть, как ему возразил Горбачев, чем слегка напугал министра-новичка:

— Нет, Эдуард. Мы не такие, как все. Мы — двигатель современного мирового развития в направлении нравственности и справедливости. Вот где наша сила! И ее надо сполна использовать. — Помолчал и зачем-то добавил: — Хотя по части компьютеров мы изрядно отстаем.

О происках США и подрывной деятельности ее спецслужб, как обычно, начал говорить глава Комитета госбезопасности Виктор Чебриков. Вначале привел данные, из которых следовало, что ЦРУ только десять процентов усилий тратит на разведку. Остальные девяносто — на подрывную деятельность. Хотел продолжать дальше, но Горбачев жестом остановил его и, вопреки прежней многолетней традиции давать возможность хотя бы кратко высказываться каждому члену Политбюро, предложил закругляться.

— По-моему, все ясно. Надо уходить от конфронтации всерьез, по-настоящему, без дураков, без попыток надуть, обыграть другую сторону. Наша стратегия — открытость. И это не конъюнктурный ход. Рекомендации МИДа утверждаем? Так, возражающих нет. С этим и поедем в Женеву. Надеюсь, министерство иностранных дел подготовит визит на уровне, подобающем двум великим державам. Товарища Шеварднадзе прошу отработать отдельную программу для Раисы Максимовны. А сейчас членов Политбюро приглашаю в Ореховую комнату на обед, вернее уже на ужин.

Москва провожала ноябрьским холодным дождем. В Женеве было тоже прохладно, но сухо. Волшебный город на самом большом швейцарском озере уже готовился к Рождеству и был весь в разноцветных гирляндах. Бьющая из озера стосорокаметровая струя самого высокого фонтана Европы Же До как бы подчеркивала стремление жителей города и страны всегда быть на высоте. Женева — город богачей, в котором миллионеров больше, чем безработных. Женева — город бульваров, парков и сорока тысяч роз, в котором до сих пор живет главная идея проповедника протестантизма Кальвина «Труд есть форма служения Богу» и витает философский дух «Общественного договора» великого Руссо. Женева — город, в котором между Первой и Второй мировыми войнами располагалась Лига Наций — первая всемирная организация по поддержанию мира и безопасности между странами и где после войны находится филиал ООН в Европе. И этот уникальный город принимал лидеров двух военных и идеологических супердержав XX века — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Первая считала себя лидером свободных или стремящихся к свободе народов. Вторая, наоборот, возглавляла многолетнюю борьбу тех народов, которые стремились к социальному равенству. В конце века это различие привело к ядерной конфронтации с угрозой перерастания в военный конфликт. Была ли эта угроза реальной? Скорее нет, чем да. Воевать, конечно, никто не хотел. Ни лидеры, ни народы. Кроме тех воротил от бизнеса, которые, как всегда,

рассчитывали поживиться на военных поставках. Но все опасались наступления того момента, когда нить предвоенных событий в силу извечно как будто неведомых причин и ничтожных поводов может неожиданно оборваться и спусковой крючок войны приведет в действие «горы» накопленного оружия. Это опасение и привело в Женеву президента США Рональда Рейгана с женой Нэнси и Генерального секретаря ЦК компартии, фактического правителя Советского Союза Михаила Горбачева с супругой Раисой. Кроме этого, Михаил Горбачев очень надеялся, что ему удастся в обмен на снижение напряженности убедить Запад оказать СССР экономическую помощь. Другими словами он, как показало время, наивно и легкомысленно хотел спасти социализм руками идеологического и военного противника. Как известно, иной мотив для встречи был и у Рейгана. Он заключался в том, чтобы лучше узнать советского лидера и попытаться склонить его к сближению на основе западных ценностей.

Рональд с Нэнси прибыли раньше и чету Горбачевых встречали в аэропорту. Перед поездкой Рейгану устроили две важных встречи. Первую в Вене с антисоветчиком, героем «пражской весны» и многолетним другом Михаила Зденеком Млынаржем. О ее содержании раньше уже было сказано. Вторую — в Вашингтоне с выходцем из СССР Владимиром Лефевром, имеющим репутацию психосоветолога и знатока кремлевской элиты. От него президент получил несколько рекомендаций: «Горбачев — созерцатель, поэтому пригласите его для прогулки на природе. Это его расслабляет. Восхищайтесь его идеями, используя комплекс крыловской «вороны», которым Горбачев страдает, и ждите, когда он сделает первый шаг. Потом на этом дожимайте. Следуйте тактике «личного шарма» — налаживанию так называемых доверительных отношений. Он к этому склонен. Помните, что Горбачев особенно податлив, если в комнате растоплен камин. Не уступайте ему инициативу в переговорах. Ведите их формально и строго по плану. Помните, что его сила в импровизации».

Помня об этих рекомендациях, Рейган при встрече в аэропорту, не отрываясь от бумажки, выступил с приветствием, в котором сказал, что мир очарован Горбачевым и в восторге от нового советского лидера. При этих словах Михаил и Раиса посмотрели друг на друга. В своей ответной речи Горбачев поздравил его с избранием президентом на второй срок и заявил, что «я и мои товарищи ожидаем от встречи потепления в отношениях, замороженных более чем шесть лет назад».

После небольшого перерыва они встретились за чаем вчетвером в резиденции «Флер де О». Потом Раиса и Нэнси отправились на закладку камня в здание музея Международного Красного Креста и Красного Полумесяца, а затем в университет, в библиотеку, выставку детского рисунка в советском посольстве, Всемирную организацию здравоохранения. Дважды пили чай, а Рональд и Михаил в это время один на один сидели за столом переговоров. Продвигались они с трудом. Мешали жесткость суждений и нетерпимость к мнению собеседника. Рейган бубнил о правах человека, их несоблюдении в СССР и, заглядывая то в список, то в карточки, называл все новые фамилии политических заключенных, которых надо освободить. Особенно настаивал на возвращении из ссылки Сахарова. Коснулся проблемы Берлинской стены. Потом вцепился в афганский вопрос. Просил назвать дату ухода из страны советских войск. И так по кругу. Горбачев, в свою очередь, пытался выяснить, почему конкретные советские предложения по сокращению на пятьдесят процентов стратегического оружия и уничтожению ракет малой и средней дальности не устраивают американцев. Склонял Рейгана к раздумьям о пагубности ядерной конфронтации. Но ни один, ни другой ясных ответов не услышали. Пригласили делегации. Но и это не помогло. Когда возвратились первые дамы, все переехали в посольство СССР на обед. На второй день картина повторилась. Первым не выдержал Рейган.

— Господин Генеральный секретарь, по-моему, мы зашли в тупик. Предлагаю прогуляться по парку.

— Предложение, господин президент, принимается. Но давайте поручим делегациям поработать над совместным заявлением. Несолидно будет, если мы уедем ни с чем. Народы нас не поймут.

— Да, но насколько я знаю, планировалось, что каждая из сторон выступит со своим заявлением.

— Рональд, позвольте к вам обращаться по имени, тем более что это в американской традиции. За нами не просто два народа. За нами целые миры. Они с надеждой и тревогой ждут результатов нашей встречи. Совместное заявление их успокоит. Давайте сломаем рамки протокола и сделаем им такой подарок в канун CRISTMAS — Рождества Христова.

Вставший из-за стола Рейган снова присел и медленно, чуть язвительно произнес:

— С подарком к святому празднику, господин Генеральный секретарь коммунистической партии, вы придумали здорово. Но что мы скажем в заявлении? Мы же ни о чем не договорились.

Предложение обращаться по именам Рейган пропустил мимо

ушей, потому что не хотел лишаться брони формальности. Между тем Горбачев увеличивал свой напор.

— Давайте, во-первых, заявим, что глубоко ошибаются те, кто считает, что конфликт между нашими народами и государствами предопределен или неизбежен. Во-вторых, что мы с вами осознаем ту ответственность за судьбы народов, которую на нас возложила история. В-третьих, что стороны не будут впредь стремиться к военному превосходству друг над другом. В-четвертых, что мы возобновим переговоры по сокращению стратегических вооружений. В-пятых, что мы намерены энергично развивать экономическое сотрудничество. Я бы еще добавил тезис о том, что космос должен оставаться мирным. Но не настаиваю, зная приверженность теперешнего правительства США к созданию космического антиракетного щита под названием СОИ. Думаю, что когда вы убедитесь в его уязвимости, откажетесь от него сами. Так что? Поручаем поработать делегациям — и на прогулку?

— Да, пусть поработают, а нам надо отдохнуть.

Отдав необходимые распоряжения соответственно Шульцу и Шеварднадзе, они отправились в парк.

Прогулка из-за прохладной погоды и ветра была недолгой. Рейган скоро продрог и предложил возвратиться к камину. В мягких креслах у огня они расслабились. Беседа особенно потеплела, когда Горбачев принял от Рейгана список евреев-отказников и пообещал выпустить их из СССР, а Рейган заверил, что как только СССР назовет дату ухода из Афганистана, Америка прекратит помощь борцам за свободу моджахедам и рассмотрит вопрос о формах экономической помощи СССР. Потом они долго и охотно обсуждали проблемы разоружения общего порядка, так как Рейган избегал без делегации говорить о конкретных вопросах разоружения из-за боязни что-нибудь напутать. Теперь у американцев повторялась ситуация, в которой не так давно пребывали советские дипломаты, когда постаревший Брежнев терялся на переговорах без помощников. Видимо, уже тогда у Рейгана начали проявляться симптомы болезни Альцгеймера, которая вскоре после оставления Белого Дома разрушит его как личность и он даже забудет, что был президентом страны.

Обед от имени Рональда и Нэнси Рейган в шикарном особняке «Мэзон де Сосюр», предоставленном американцам пакистанским аристократом Ага-ханом за поддержку афганских моджахедов, начался поздно и продолжался до двух ночи. Проходил он в нервозной обстановке. Не выстраивался диалог между первыми леди. От экспертов периодически поступала информация о том, что им никак не удается согласовать текст

совместного заявления. А в советской делегации даже произошел раскол. «Ястребы» — заведующий отделом ЦК Замятин, первый заместитель министра иностранных дел Корниенко и генерал Червов стояли на традиционно жестких позициях, пытаясь получить от США хотя бы формальные заверения о прекращении помощи моджахедам в Афганистане. «Голуби» — Арбатов, Велихов и Сагдеев всякую конкретику отвергали и отстаивали абстрактное горбачевское новое мышление во внешней политике по типу: «давайте жить дружно». Попытки Шеварднадзе и Яковлева сыграть роль арбитров к успеху не приводили. Не было полного единства и у американцев между госсекретарем Шульцем и главой администрации Белого дома Риганом. Позиция первого была жестче. А Риган, через Арбатова (!), даже просил «давить» на своего президента. Ибо любая, пусть и символическая договоренность в его же интересах. Этого очень хотела Нэнси, так как во внешнеполитической копилке ее Рональда до сих пор было пусто. Шульц, наоборот, потом упрекал президента за согласие на разработку не предусмотренного ранее совместного заявления. Такой раздрай грозил обернуться скандалом. Но когда о тупиковой ситуации доложили лидерам, Рейган воскликнул: «Ну что, господин генеральный секретарь, ударим кулаком по столу?». На что эмоциональный Горбачев, не задумываясь, ответил: «Да, господин президент, мы должны вмешаться. Дело важнее амбиций».

После «разбора полетов» с экспертами и делегациями текст был согласован. И утром на сцене Дворца Наций состоялось его торжественное подписание. Стороны считали, что в нем удалось сказать главное: «Ядерная война недопустима, поскольку в ней не будет победителей. Стороны не будут стремиться к военному превосходству друг над другом и возобновят переговоры о сокращении стратегических вооружений». И все же, как показало время, Рейган не поверил Горбачеву. Все сказанное им о желании построить доверительные отношения он воспринял как тактику и советскую пропаганду. Горбачев же ходил гоголем. Он был уверен в очередном (после Парижа) полном успехе. Такое состояние испытывал сто восемьдесят лет назад император Александр I после встречи с Наполеоном в Эрфурте. Пока император французов не вторгся с огромной европейской армией в пределы Российской империи.

В этот раз так и не сошлись характерами две первые леди. К тому же Нэнси еще до встречи заявляла, что не знает, как себя вести и о чем говорить с членом компартии. Во время встречи актриса Нэнси нашла преподавателя Раису «сухой и педантичной». В общении инициатива была за Раисой. И она не

давала Нэнси «вставить слово».

В целом ожидаемого доверия не возникло ни у одной из сторон. Но в мире заговорили о духе Женевы, знаке Женевы. Это как камень, брошенный в воду. Камень тонет, а круги еще долго расходятся. Американцы продолжали считать, что для Кремля сотрудничество с Западом — это всего лишь тактика в стратегической борьбе на уничтожение капитализма. Москва в свою очередь чувствовала, что без реальных шагов навстречу Вашингтону в области прав человека, а на самом деле в сфере идеологии, в афганской проблеме сближения не произойдет. Разоружение их не очень интересует. Надо было решать — стоит ли игра свеч? Похоже, это был Рубикон! Может, лучше отступиться и заниматься делами внутри страны? Они так сложны и их так много. Ведь совсем не ясно, кто действительно выиграет от разоружения. Как бы мирное наступление не обратилось в сдачу позиций…

До лета следующего года в отношениях опять наступила пауза. СССР продолжал выдвигать предложения по разоружению. Рейган молчал. Горбачев подобно римскому правителю, завершавшему любую речь призывом: «Карфаген должен быть разрушен!», во всех выступлениях долбил и долбил в одну точку: «Мир должен стать безопасным! Дело за Америкой!». Наконец американцы сдались. Рейган в июле прислал письмо с упреками в адрес Москвы за проволочки в решении гуманитарных вопросов и одновременно с предложением возобновить диалог на высшем уровне. Горбачев в сентябрьском послании местом возможной встречи лидеров США и СССР назвал Лондон или Исландию. Рейган выбрал Рейкьявик.

Началась подготовка к встрече. Основная нагрузка на этот раз легла на нового помощника Генсека по международным делам Анатолия Черняева, который собственно внешней политикой никогда не занимался. Министерство иностранных дел окончательно, как и задумали Михаил с Раисой, перешло на положение пристяжного. С этого времени во внешней политике СССР традиционная дипломатия исчезла.

Черняев, по его собственному определению, был великим писарем. Это так. Но одновременно это была и одна из темных фигур в ЦК партии и вообще перестройки. Человек явно одаренный талантом литератора, но без принципов и убеждений. Никто в партийном аппарате, в МИДе, кроме него, не мог из краткой идеи или нескольких слов, даже сказанных по телефону, написать речь, доклад или книгу. И никто, как он, по его собственному признанию, не мог так умело подсунуть Горбачеву или вставить в его доклад, в важнейшие партийные документы

идеи, очень далекие от марксизма-ленинизма. В своих так называемых дневниках, в большей степени написанных не по горячим следам, а после развала СССР, уже в Фонде Горбачева, он пытается изобразить себя и отчасти своего шефа, хотя и безуспешно, невинной овцой, сторонним наблюдателем этой крупнейшей в истории человечества идеологической, социальной и геополитической катастрофы. А ведь это он сам написал в дневнике, что именно за эту катастрофу был удостоен персональной благодарности президента США Джорджа Буша-старшего 2 декабря 1989 года на Мальте.

С его вхождением в ближний круг кольцо первого состава ревизионистов вокруг Горбачева замкнулось. Сначала по наследству от Андропова появился шумный и активный Арбатов. Потом по возвращении из Канады нелюбимый тем же Андроповым сторонник красивой фразы, коварный Яковлев. И теперь по рекомендации первых двух — лицемер Черняев. Особое место, как бы в постоянной засаде, занимал небывалый льстец Шеварднадзе. В дальнейшем подтянутся Медведев, Примаков и другие. Но эта тройка была первой. Космополиты, аполитичные, абсолютные либералы, видящие в Горбачеве инструмент и средство реализации своих давних антипартийных, антисоциалистических идей, они торжествовали: «плацдарм захвачен, теперь надо подтягивать дополнительные силы и, опираясь на пробивную силу и ненасытное честолюбие Генсека, переходить в решительное наступление».

Первое, что они сделали — приступили к поиску теоретического обоснования нового политического мышления. Оно требовалось им и для внутреннего и внешнего употребления. Для начала окружение подсунуло Горбачеву препарированное ими ленинское рассуждение о том, что «при определенных обстоятельствах мы, коммунисты, можем признавать приоритет общечеловеческих интересов пролетариата над его узкоклассовыми интересами». И далее они делают свой вывод, что «ядерный век и есть такое обстоятельство, которое ставит объективный предел классовой конфронтации». «Притянули» они в помощь и Маркса, который как будто не раз подчеркивал единство человеческого рода. А мы, мол, этого у него не заметили или забыли. Даже Бухарина вспомнили и подложили Генсеку несколько его брошюр и статей. Это «знакомство» повлияло на него неожиданно сильно. И он многое от него воспринял. Видимо, выражаясь языком агрономии, почва была благодатной, хорошо подготовленной и всходы не задержались. Прежде всего, для обоснования возврата к частной собственности в сфере крупного промышленного производства и в земледелии. Далее был

изобретен лозунг: «Пора возвращаться к классике». Эти и другие постулаты-открытия с помощью Горбачева удалось пробить через Политбюро и протащить в документы XXVII съезда партии как «Наш ответ Пономареву». И как доказательство для Запада, что мы всерьез и навсегда отказываемся от стремления к мировому господству через продвижение идей коммунизма.

Вот с этим багажом и поехали Михаил с Раисой в Рейкьявик. И опять практически в формате дипломатического тура. Не для подписания документов, как это принято в межгосударственных отношениях, а только для придания, по выражению Михаила, затухающим отношениям большего динамизма. На самом деле это была не до конца осознанная демонстрация лояльности лидера-слабака выдающемуся президенту выдающейся страны, уверенно выходящей на первую позицию. Они знали, что Нэнси там не будет. И все же поехали вдвоем. Прихватив для поддержки только Яковлева с Шеварднадзе.

На фоне унылого пейзажа и хмурого исландского неба белый двухэтажный дом, выбранный для встречи лидеров пока еще двух супердержав, выглядел неестественно нарядно. Как будто декорация из театрального реквизита. Эта ассоциация для тех, кто был в Женеве, усиливалась пониманием того, что на самом деле речь идет о представлении в театре двух актеров. Профессионала, высокого и элегантного Рейгана. И любителя, крепыша Горбачева, больше похожего на нападающего в регби. К тому же, как вскоре выясниться, играющего не всегда по правилам.

Переговоры, если так можно назвать то, что происходило, от обсуждения конкретных вопросов опять быстро перетекли в русло острых споров о существовании двух мировых систем. Дискуссия становилась все больше непредсказуемой. Здесь-то и пригодились заготовки о единстве человеческого рода и ядерном пределе классовой конфронтации. Когда Михаил их озвучил, Рейган был приятно удивлен таким поворотом и торжественно заявил: «Теперь я могу доверять своему партнеру». Тут же позвали телеоператоров и повторили мизансцену. Потом к разговору подключили Шульца с Шеварднадзе и несколько часов сочиняли директиву экспертам для переговоров по двум самым болезненным проблемам: сокращению стратегических вооружений и ликвидации, уже размещенных сторонами в Европе, ракет малой и средней дальности. Когда документ был готов и Рейган предложил закрепить его подписями Шульца и Шеварднадзе, у Михаила, похоже «поехала крыша». Улыбаясь, он заявил, что это произойдет при условии, если Штаты заявят об отказе от СОИ. Реакция Рейгана была мгновенной. Подскочив, он

заорал Шульцу: «Джордж! Нам здесь делать нечего. Мы уезжаем!». И пошел прочь из комнаты. Горбачев двинулся следом, повторяя: «Господин президент, не спешите. Еще можно все поправить». Обернувшись, Рейган бросил «Переговоры такого уровня не игра. Ставить условия, когда все решено, не по-честному». Сел в машину и уехал в аэропорт.

Немногим дано в такой ситуации владеть собой. Тем более, что в зале местной школы совместной пресс-конференции ждали сотни журналистов. Но Михаил даже не подумал уклониться от встречи с ними. Ведь там среди них его ждет Раиса. Выйдя к микрофону, поистине с олимпийским спокойствием он заявил: «Отсутствие на пресс-конференции президента США не означает провала переговоров. Работа была плодотворной. Нам удалось заглянуть за горизонт… На этом и закончим пресс-конференцию». Ошеломленные невиданной и неожидаемой выдержкой Михаила, журналисты встали и устроили ему овацию. Раиса стояла среди них и по ее щекам текли слезы. Она смотрела на него и восхищалась произведением своих многолетних усилий.

В реальном театре актеры на сцене иногда совершают такие ошибки, которые публика принимает за гениальную сценическую находку режиссера. Так и в политическом театре. Даже полный провал может быть выдан и воспринят как триумф.

Дуэль: Черчилль — Сталин

Готовясь к первому официальному визиту в Вашингтон, Михаил все чаще думал о проблеме холодной войны. Уже были Женева и Рейкьявик. Но предстоящая встреча с Рейганом на американской земле представлялась особой. Только здесь он мог понять и почувствовать «вживую» настроения не политиков, а простых жителей этой могучей телом и духом страны. Раиса посоветовала для лучшего ее понимания задействовать ученых-американистов, и он поручил директору Института США и Канады Георгию Арбатову составить по этой теме историческую справку и подобрать необходимые материалы. В считанные дни поручение было исполнено. Передавая объемистую папку, академик рекомендовал обратить внимание на малоизвестный в СССР закон США 1959 года. «Принято считать, — заметил он, — началом холодной войны речь Черчилля в Фултоне и интервью Сталина газете «Правда», но некоторые исследователи и политики ведут отсчет от даты принятия этого закона. Посмотрите его содержание и нашу справку, как он принимался».

«Начиная с 1918 года, империалистическая политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира. Поэтому я вношу на рассмотрение проект под названием «Закон о порабощенных нациях», цель которого добиться освобождения народов Восточной Европы и Советского Союза от диктата Москвы. События 1956 года в Венгрии еще раз указали нам на то, что эта опасность реальная, а не плод фантазии, как считают мои оппоненты. Об этом нас предупреждал сэр Уинстон Черчилль еще в своей знаменитой лекции в Фултоне». Этими словами закончил член палаты представителей конгресса Фейган свое обоснование необходимости принятия закона. Так идеология холодной войны Черчилля была оформлена в законодательную форму. Для реализации закона правительством США создается «Американский Комитет Освобождения народов России». Перед ним ставилась задача добиться расчленения СССР и тем самым исключить его как политического и экономического соперника США.

Михаил сделал закладку в папке и отложил ее в стопку материалов, предназначенных для дальнейшей проработки. Он часто брал работу «на дом» по сложным вопросам и для совета с Раисой. А она никогда не отказывала ему в помощи. Более того,

нередко по своей инициативе обращала его внимание на возникающие проблемы. Философский склад ее ума и педантичный характер позволяли, как им обоим казалось, более правильно оценить ситуацию и принять оптимальное решение. При этом подумалось, насколько основательно подошли к делу американцы: «Какие же огромные ресурсы позволил задействовать против нас этот закон. Любят наши аналитики и пропагандисты ссылаться на частное письмо Даллеса к Доновану. В нем, отставной глава ЦРУ излагает своему учителю концепцию борьбы с СССР. Но ведь это семечки по сравнению с законом. Дам почитать Раисе. Что она скажет».

Наличие подобного закона и общее мнение, склоняли Горбачева к признанию реальности холодной войны. В этой ситуации он и Политбюро не могли бы и подумать, что холодная война между СССР и Америкой на самом деле какой-то фантом и не борьба между «уходящим» капитализмом и «приходящим» коммунизмом, а отражение бесконечного противостояния «Запада» и «Востока», которые «никогда не сойдутся». И оставаясь в этом заблуждении, потомки будут «рвать чубы», в бесполезных попытках выяснить, кто в ней победил. По нечаянности в этом споре окажется «прав» Горбачев — любитель бесконечных импровизаций, который на закате жизни, скажет, что в ней не было победителей и побежденных. А если так, то и не было войны?! Но тогда за что он получил Нобелевскую премию мира, как деятель, внесший решительный вклад в ее окончание? Сплошные противоречия.

В прилагаемой к закону справке сообщалось, что «Палата представителей и Сенат конгресса США проголосовали за проект единогласно. Президент Дуайт Эйзенхауэр подписал его без колебаний». И поэтому, дату принятия этого закона 17 июля 1959 года можно с большим основанием считать началом одного из этапов бесконечной холодной войны.

Все поздние попытки в периоды «потеплений» в международных отношениях отменить закон успеха не имели (действует он и в XXI веке после расчленения СССР и отказа от идеологии коммунизма). Так что, по гамбургскому счету, дело не в Америке и России. Холодная война тянется извечно, прерываясь на «горячие» периоды типа монголо-татарских и крестовых походов, нашествия Наполеона, столкновений Европы с Индией и Китаем, Первой и Второй мировых войн. Не закончилась она в наше время. И не закончиться никогда, как никогда не исчезнет различие между «Западом» и «Востоком» с их противоположными подходами к экономической, политической и социальной организации человеческого бытия.

В это же время СССР действительно расширял сферу влияния идеологии коммунизма. Иногда опасно, хотя и не напрямую, сталкивался с Америкой, например в Корее, на Кубе или Вьетнаме. Как видно из практики, современная холодная война не имела цели обычного поражения на театрах боевых действий. Это скорее разного рода давление с целью ослабления противника и его принуждения к отказу от своих политических целей или как в случае с советской системой, еще и от идеологических ценностей. Проще говоря, холодная война это гонка вооружений и демонстрация мощи в тех же целях.

После Второй мировой войны Британская империя доживала последние годы. Советская, наоборот, стремительно расширялась и укреплялась. Складывалась ситуация, которая как будто указывала на то, что Россия скоро «закопает» своего извечного противника, а с ним и весь строй капитализма. Но это при условии, если не замечать, как стремительно и как бы незаметно к вершине всемирной мощи подбирается другая англоязычная цивилизация — Соединенные Штаты. Будто заранее Британия позаботилась о дублере и создала его за океаном. Где он вызревал и дожидался той поры, когда надо будет прийти на помощь дряхлеющей колыбели. С тех пор как Америка изобрела и использовала атомное оружие, ее президенты чувствовали себя властелинами мира. И все же в послевоенном мире не было политиков более влиятельных, чем бывший британский премьер Черчилль и руководитель СССР Сталин. Особенно после обретения Советами своего атомного и водородного оружия. Мир по-прежнему внимал каждому их слову. В это время и произошли события, которые иначе как дуэлью Черчилля и Сталина не назвать. Время «дуэли» март 1946 года. Места два: Фултон и Москва. Как видим «стрелялись» через океан. Черчилль с выбором места остался верен своим привычкам «пудрить» мозги публике и для своей позиции выбрал Штаты. Выстрел оттуда звучал явно весомей, чем с острова. Сталин стрелял из Москвы со страниц «Правды». Он со времен революции считал печать самым сильным оружием партии большевиков.

Черчилль приехал в городок Фултон штата Миссури в сопровождении высокого «секунданта» — президента США Трумэна читать лекцию о международном положении в местном колледже в связи с присуждением ему почетного ученого звания. В ней он заявил: «в Европе по линии от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике опущен «железный занавес». За ним в государствах Центральной и Восточной Европы доминируют полицейские режимы, находящиеся в прямой или косвенной

зависимости от Москвы». Затем, будучи сторонником старого колониального способа, загребать жар чужими, пусть даже и родственными руками, он продолжил: «Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим. Для того, чтобы война не повторилась, необходимо под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией». Далее, как бы за Россию, он делает ответный выстрел: «Я не верю, что Россия хочет войны. Она желает естественно насладиться плодами победы и укрепить свою мощь». Без шелухи это надо понимать так: взаимопонимание с Россией возможно только на основе военной силы. Наверно это была одна из первых формул модного теперь в XXI веке принуждения к миру.

Через десять дней раздался выстрел из Москвы. Он показал, что выстрел Черчилля Сталина не напугал. В интервью газете «Правда» он обвинил бывшего союзника в расизме за лейтмотив о сплочении англоязычных народов и сравнил его с нацистской расовой теорией, а также упрекнул в клевете, обратив внимание на то, что во всех странах Центральной и Восточной Европы у власти не коммунистические, а коалиционные правительства. Кроме этого, он заявил о законном праве СССР на поддержку дружественных правительств в сопредельных странах, так как именно через их территории, при прямом или косвенном содействии тогдашних, враждебных СССР властей, Гитлер напал на нашу страну.

Многие годы после этой «дуэли» с повестки дня не сходит главный вопрос: кто из дуэлянтов больше повинен в очередном обострении международной обстановки? И мог ли Сталин не поддаваться на провокацию Черчилля? Не обрати он такого внимания на речь формально частного лица, возможно и не было бы такого исторического ожесточения, в котором мир пребывает до сей поры? Кто знает? Давно нет в живых этих правителей-гигантов, но их доктрины живут и продолжают выяснять отношения. Так что дуэль продолжается.

Размышляя над этими вопросами, часто обсуждая их с Раисой, Михаил сделал для себя вывод, которому следовал с упорством, достойным лучшего применения, до последнего дня своей карьеры: «На пороге XXI век и надо договариваться. Мы не дикари и дубиной махать не должны. Что касается меня, то я готов пойти как угодно далеко. Лишь бы изменить ситуацию к лучшему. Иначе мы как в греческих трагедиях неотвратимо движемся к столкновению. Страна и мир нуждаются в новом

мышлении».

Однако время показывало и еще не раз покажет, что мир без насилия и жестокой конкуренции существовал только в головах тандема Горбачевых. Достаточно вспомнить хотя бы тайные операции американцев в Чили с весьма зловещим названием «Кондор» или в той же Польше.

Операция «Кондор»

На очередных выборах президента в Чили в 1973 году победил социалист Сальвадор Альенде. Произошло это событие на фоне всемирного подъема левого движения, в том числе в связи с недавним празднованием 100-летия со дня рождения Владимира Ленина. В те времена его авторитет как классика марксизма и руководителя первой в мире успешной социалистической революции был еще очень высокий. Социализм с помощью СССР сначала победил в странах Восточной Европы. Потом в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе. Но это произошло и как результат внутренней вооруженной борьбы. В Чили Альенде пришел к власти сложным, но мирным парламентским путем. И сразу объявил о начале строительства социализма. В это же время лучшее состояние в своей истории переживал СССР. Американские верхи запаниковали — неужели Советы перешли в наступление по всему миру? Ведь и так к этому времени уже более 33 процентов населения мира жили в социалистических странах. Как только планы Альенде стали известны в Вашингтоне, президент Ричард Никсон срочно пригласил помощника по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера.

— Генри, этот Альенде серьезный парень, сколько он продержится?

— По образованию Сальвадор Альенде Гонсес врач, но всю жизнь занимается политикой. Несколько раз менял партии и всегда их возглавлял. Более двадцати лет депутат парламента, был министром. До этой победы трижды выдвигался в президенты, но проигрывал. Смелый и решительный. Симпатизирует Советам и Фиделю Кастро. Если не помочь ему уйти, может и задержаться.

— А как же мы его просмотрели? Чем там занимаются ЦРУ и Госдеп?

— Посол пишет в телеграмме, что никаких признаков того, что на этот раз Альенде победит, не было. Да он и не выиграл выборов. Из тройки претендентов у него хотя и был лучший результат, но не проходной. И тут произошло неожиданное. Чтобы не проводить нового тура выборов, парламент утвердил президентом того, кто набрал больше голосов в первом туре. Им оказался Альенде. Эта неполная легитимность и есть его ахиллесова пята. Предлагаю на этом построить план по его устранению. Если промедлить мы можем получить цепь таких революций и не только в Латинской Америке. И тогда свободным странам придется не сладко.

— Ты всегда вызывал у меня восхищение. Твои оценки и предложения, Генри, как всегда безупречны. Прошу на следующей неделе созвать Совет национальной безопасности для обсуждения чилийской ситуации и утверждения соответствующего плана, — попросил Никсон своего любимца.

Докладывая на Совете, Киссинджер развил мысль о пагубности чилийского примера: «Послевоенная история показывает, что наиболее близки к мирному, то есть парламентскому, социальному перевороту страны Западной Европы. Такого рода попытки уже были в Италии и Франции. К счастью пока они провалились и с нашим минимальным участием. То, что это повторилось в Чили не случайно. Из всех стран Латинской Америки она по менталитету наиболее близка к Европе. Если на этот раз будет доказана возможность мирного пути к социализму, наше дело в перспективе проиграно. Поэтому задача — сорвать чилийский эксперимент. Этим мы покажем, что мирный путь исключен, а вооруженной революции западный обыватель, в том числе и рабочий класс, не захочет. И дело в шляпе».

С выводом Киссинджера согласились президент и члены совета. Тогда же были приняты необходимые директивы и образован центр по ликвидации чилийского дела под названием «Кондор». В основу этой операции положили: организация саботажа и забастовок, мятеж военных и физическое устранение Альенде.

Через год после начала революции делегация КПСС по приглашению Соцпартии посетила Чили. Советский посол Басов устроил прием. Настроен он был благодушно. В беседе с главой делегации ленинградским первым секретарем Романовым и заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС Черняевым уверял, что блок чилийских социалистов и коммунистов дело ведет уверенно. И никаких сомнений в победе революции нет. Другого мнения был заместитель Генсека социалистической партии Кальдерон. В конце приема он отвел Черняева в глубину посольского сада и просил сообщить в Москве, что «Мирно дело не кончиться, надо форсировать революционный процесс и вооружаться. Нужно много оружия, тайно, чтобы вооружить боевые отряды партии, чтобы перетянуть на свою сторону часть армии, так как генералы и большинство офицеров под руководством США готовят мятеж».

По возвращении в Москву Черняев подготовил для Секретариата и Политбюро ЦК записку, в которой изложил содержание беседы с Кальдероном. Когда ее доложили Брежневу, он позвонил Андропову.

— Юра, что у тебя есть по Чили? Черняев приехал оттуда и пишет, что им надо помочь оружием. Что скажешь? Пишет он также о подготовке американцами мятежа чилийских военных.

— Леонид Ильич, по линии резидентуры такой информации нет. Насчет поставок нашего оружия. Скрыть их сложно. Американцы поднимут шум, мол, русские твердят о разрядке, а сами вооружают чилийцев. Все Ваши усилия по мирному сотрудничеству с Западом пойдут насмарку. Пришло время окончательно определиться: или мы продолжаем линию классовой борьбы на грани мирного сосуществования или строим отношения с Западом на основе сотрудничества и экономической интеграции.

— Какая классовая борьба. Это Суслов с Пономаревым меня к ней толкают. Им что, они реальной политикой не занимаются. А мне надо думать о развитии страны, которое без западных технологий невозможно. Все, понял. Не будет им оружия.

Так при Брежневе с участием, как это ни странно, руководителя советской спецслужбы Андропова возникло и сформировалось очень опасное противоречие между новой государственной внешней политикой и прежней внешней коммунистической линией. Это положение каким-то художником тут же было отражено в карикатуре: Брежнев обнимается с Никсоном, а в ногах у них путается маленький Карл Маркс, стараясь привлечь внимание к «Капиталу», который он держит в руках.

В будущем Горбачев доведет это противоречие до полного абсурда и окончательно «разойдется» с мировым коммунистическим движением. Да так далеко, что младоревизионизм Михаила, замешанный на пацифизме Брежнева — Андропова потом, в перестройку, превратится в настоящий антикоммунизм. Страна лишиться одной из опор своей мощи — идеологической, так как СССР была не только военной, но и идеологической державой. И теперь никому не дано знать, какая из них была важнее. Вполне возможно, что не военная.

Несмотря на подрывную деятельность США, чилийская революция оказалась крепким орешком и продержалась тридцать четыре месяца при минимальной помощи Кубы и ГДР. Идеологические и политические последствия этого поражения, как и предполагал Киссинджер, оказались огромны. Идея мирного пути социалистических революций самими еврокоммунистами была зачислена в «чистый ревизионизм» и потом надолго похоронена. И зря, потому что теперь мы знаем: правильность в принципе стратегии мирного пути доказывается

тем, что чилийская революция погибла не столько от порочности ее основ и ошибок руководителей, сколько из-за ее ликвидации американскими спецслужбами. Невольно вспоминаются слова классика: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться!».

Однако Брежнев, Андропов, а за ними и Михаил Горбачев, наивно посчитали, что чилийская революция погибла из-за ошибок политики Альенде, так как истинные причины ее краха стали известны только в XXI веке. Киссинджер под прикрытием разговоров о разрядке и сотрудничестве переиграл Советы. То же самое по многим направлениям отношений с США будет происходить в дальнейшем и происходит в настоящее время. Гибель чилийской революции надолго отбила у других «охоту» идти по ее пути. Но теперь-то ясно, что не навсегда. Последние примеры Венесуэлы, Боливии, наконец, победа социалистов Франции на выборах в Сенат Национального собрания, тому подтверждение. Не за горами левый поворот во всей Европе, да и в Соединенных Штатах. В России тоже, но позже, потому что ее капитализм получил второе дыхание. Все как в беге на длинные дистанции. Как и предыдущие формации, капитализм также придет к своему финишу. Общество потребления имеет свой предел. И он наступит, как только придет осознание того, что деньги есть нельзя. Мир не может закончить на капитализме свою эволюцию. Она — бесконечна, как и Вселенная.

Румынский бунт

Агент управления Комитета госбезопасности, работающий под псевдонимом «Артист» возвратился из поездки к родственникам в Румынию. Почти месяц он гостил у отца и дяди. Оба жили в Бухаресте. Отец работал главным инженером на насосном заводе. Дядя был начальником Главного Разведывательного Управления румынской армии. В молодости отец агента Влад Станкеску учился в Краснодарском политехническом институте на инженера-энергетика и женился на местной однокурснице. Вскоре у них родился сын. После получения диплома молодой муж и отец собрался уезжать на родину, но жена ехать с ним отказалась. Она не решилась оставить без своей опеки пожилых родителей. И он уехал один, оставив ее с маленьким сыном Виктором. Но разводиться родители не стали. Так и жили гостевым браком. Когда сын достиг совершеннолетия, минимум дважды в год навещал отца в Бухаресте. По настоянию матери окончил факультет иностранных языков Кубанского университета и устроился работать в «Интурист» переводчиком французского, английского и, естественно, румынского.

Румыния входила в Варшавский Договор и была членом Совета Экономической Взаимопомощи. Но в отличие от других стран Восточной Европы советских войск на ее территории не было. Возможно, по этой причине она проводила менее зависимую от СССР политику. И даже дружила с Китаем и другими «диссидентами» социалистической системы — Албанией, Северной Кореей, Югославией. В 1965 году партию и страну возглавил Николае Чаушеску. Постепенно он стал проводить еще более независимую и от Востока и от Запада политику. Из-за этого его отношения с большинством мировых лидеров были не очень дружественными. С соседями по восточноевропейскому блоку и Москвой они ухудшились еще больше после того, как Чаушеску осудил ввод войск пяти стран Варшавского Договора в Чехословакию для подавления антисоциалистических сил, а потом и ввод советских войск в Афганистан. Однако по этой же причине на Западе к нему подобрели и даже стали поощрять инвестициями и кредитами под хорошие проценты. Приток кредитов и прямых инвестиций позволил обновить инфраструктуру, построить мощные промышленные и сельскохозяйственные комплексы и за счет роста экспорта, в том числе в СССР, поднять жизненный уровень населения. Партийные пропагандисты стали возвеличивать

Чаушеску. С их подачи в народе заговорили о гении руководителя («Великого Кондукатора») Румынии.

Все чаще на международных форумах страна заявляла об особой позиции. Особенно дерзко Чаушеску и его соратники вели себя по отношению к КПСС и СССР, пытаясь оспорить их роль лидеров международного коммунистического движения и мировой социалистической системы. В 1974 году Румынская коммунистическая партия, как и КПСС в 1961 году, на очередном съезде принимает Программу построения развитого социализма и продвижения к коммунизму. На этом же съезде жена Чаушеску Елена избирается членом ЦК и Политисполкома. А через несколько лет назначается первым заместителем премьер-министра правительства страны. Поскольку президент Чаушеску одновременно был и премьером, то впервые в современной европейской истории правящую партию и государство официально возглавил семейный тандем. Подобное случиться позже и в СССР. Но семейный правящий тандем Горбачевых юридически оформлен не будет. И, может, это обстоятельство станет спасительным для Михаила и Раисы во время изоляции в Форосе при ГКЧП, поскольку градус недовольства их деяниями не будет доведен до гибельной черты, как это произошло с Николае и Еленой в Румынии.

Майор Марков еще подходил к кабинету на втором этаже серого здания управления КГБ на углу Мира и Красноармейской, как услышал громкий продолжительный звонок телефона. Открыв дверь, быстро взял трубку. Звонил агент «Артист». Он сообщил о возвращении из Бухареста и просил встретиться для передачи важного, по его мнению, сообщения. Через час на явочной квартире Марков услышал условный стук и открыл агенту дверь…

После начала перестройки Чаушеску очень болезненно воспринимал критику в СССР сталинизма, плановой экономики. Особенно резко он протестовал против безбрежной свободы слова. Однажды на встрече руководителей стран Варшавского Договора в присутствии Горбачева заявил, что Хрущев критикой Сталина вызвал венгерский и чешский бунты 1956 и 1968 годов, а критикой социализма Горбачев развалит содружество и СССР. Вскоре дошло до того, что Компартия Румынии разослала предложение срочно созвать Совещание дружественных компартий для осуждения политики Горбачева. И в этой обстановке в соответствии с планом межгосударственных визитов на 1987 год предстояла ответная поездка Горбачева в Румынию. Ехать не хотелось. И начались поиски предлога для отмены или переноса визита. Но такового не нашлось. К тому же Черняев

убеждал Генсека, что необходимо использовать визит, чтобы обратиться напрямую к румынскому народу, разъяснить цели перестройки и развенчать одного из последних правителей-сталинистов Чаушеску в его же стране. И этим наказать за строптивость. После чего репутация автора перестройки укрепится еще больше. Горбачеву замысел понравился. И решено было ехать.

Из аэропорта кортеж въезжал в Бухарест по Проспекту Победы Социализма. Конец мая был теплым, и по обеим его сторонам собралось много жителей столицы, чтобы увидеть и приветствовать того, кто на весь мир объявил, что жить, как жили раньше, нельзя. И что он знает, как надо жить теперь. Увидев на перекрестке очень большое скопление людей, Горбачев приказал остановиться. Народ прорвал оцепление и двинулся к машинам. Михаил и Раиса, не обращая внимания на протесты своей и местной охраны, вышли из автомобиля, и подошли к толпе. Из нее раздавались крики: «Горбачев! Горбачев! Раиса! Раиса!». Пожимая протянутые руки, они медленно продвигались вглубь, пока их не обступили со всех сторон. Подождав пока стихли крики, Михаил заговорил: «Наша страна и почти весь мир пришли в движение. В Советском Союзе перестройка набирает обороты. Мы отменили цензуру в печати, разрешили свободно выезжать из страны, вводим альтернативные выборы и многопартийность, разрешили индивидуальную трудовую деятельность, скоро выйдет закон о кооперации, сокращаем войска и вооружение, убеждаем западных партнеров отказаться от применения силы в международных отношениях. Но люди сделанным недовольны. Требуют ускорить и углубить процесс перестройки. Особенно в экономике. Пишут мне, что еще много тех, кто не хочет меняться. Особенно среди руководителей. Я отвечаю им и говорю вам. Не надо ждать доброго дядю. Гоните бюрократов в шею. Заменяйте тех, кто десятки лет сидит на народной шее. Не верьте тем, кто говорит, что Горбачев предает социализм. Наоборот, мы хотим больше социализма и такого, при котором не будет страха, не будет карточек на продовольствие. Будет больше демократии». При этих словах по толпе прокатился нарастающий гул одобрения. Снова стали скандировать: «Горбачев! Горбачев!». Толпа нажимала и охрана, еле сдерживая опасный напор, без особых церемоний буквально затолкала Горбачевых в машину. Кортеж двинулся дальше к Дворцу Весны, где высоких гостей ждали Николае и Елена Чаушеску, еще не подозревающие, с какими планами и настроением те приехали. И чем закончится этот визит.

Короткая беседа и обед в честь руководителя СССР прошли

спокойно и согласно протоколу. Во время беседы на второй день появились первые признаки напряженности. После слов Николае, что перестройка ведет к крушению социализма, Михаил вскочил и горячо заявил, что он приехал двигаться к консенсусу, а не углублять существующие разногласия. Но если есть желание поспорить, то он готов.

— Михаил Сергеевич, правила гостеприимства спора не предусматривают. Но их нарушили первым вы. Мне доложили, как вчера во время непредусмотренной планом визита остановки вы подстрекали людей к самовольным действиям в отношении руководителей. Не меня ли вы имели в виду? Поэтому ситуация у нас с вами особая, да и нашу встречу частным визитом не назовешь. Так что поспорить можно. Мы с вами политики с большим стажем. Я даже успел за свои убеждения, от которых никогда не отрекусь, отсидеть пять лет в тюрьмах фашистского режима Антонеску. Вам повезло. Вы этого не испытали. Я из рабочих, вы из крестьян. Мы оба люди труда. Социализм как идея не мог возникнуть в имущих правящих классах. Им и так жилось и живется неплохо. Следовательно, социализм как идея — это достояние трудящихся классов, самых массовых и самых бесправных в буржуазных государствах. Более 70 лет народы СССР и около 40 лет Румыния пытаются реализовать эту идею на практике…

— Николае, вы хотите со мной ликбез провести? Так я имею два высших образования.

— Не зазнавайтесь, мой тюремный учитель любил повторять, что умному человеку и одного высшего образования не надо, если у него есть средняя сообразительность. Так вот, мы с вами прошли нелегкий путь. Сделано очень много. Еще больше предстоит сделать. А вы, Михаил Сергеевич, предлагаете все сделанное сломать, как негодное. Но ведь здравый смысл подсказывает иной путь — постепенные и поэтапные реформы под контролем правящей партии. Посмотрите на Китай. Не затрагивая основ политического строя, они взялись за экономику и уже есть результаты.

— Китай есть Китай, а мы у себя будем поступать так, как требует обстановка в нашей стране, — парировал Горбачев.

— Настаивал и буду настаивать на том, — продолжал Чаушеску, — что социализм, как и всякий организм, действительно надо периодически лечить. Вы же предлагаете похоронить его заживо. Мы на это не пойдем. Общество потребления, куда вы нас зовете, живет в долг и вскоре превратиться в общество сплошных кредиторов и заемщиков с периодическими кризисами похлеще наших…

— Так живет весь мир, — перебил Михаил, пытаясь перехватить инициативу в споре. Но напрасно. Навыки полемиста Николае прибрел не на потешных комсомольских дискуссиях, как Михаил, а в многолетних и жестоких спорах с политическими противниками, в том числе с фашистами, в буржуазной Румынии.

— Да, но за счет будущих поколений! А мы не хотим обкрадывать наших потомков. Румыния первая страна в мире, которая освободилась от внешних долгов. И знаете, как удалось этого достичь? Наше общество не знает классовых противоречий! Богатые и супербогатые никогда бы не позволили власти отказаться от займов. Ведь финансовые спекуляции, торговля деньгами — это их главные доходы. Конечно, не без нажима и убеждений, население нашей страны поджалось, мы экономили на многом, перешли на нормированное, но гарантированное снабжение всего населения. В эти же годы мы дали бесплатные квартиры десяти миллионам — половине населения! И за пять лет мы добились поставленной цели. Есть и недовольные. А где их нет? Назовите хотя бы одно государство. Зато теперь у нас появилась возможность направить ресурсы не на оплату долгов и процентов, а на социальные расходы. Уверен, в течение трех-пяти лет, если опасный вирус перестройки не вызовет в соцстранах общей эпидемии безумия, мы сможем сделать достойной жизнь большинства нашего народа. На этой ноте, я полагаю, мы и закончим наш спор. — Николае встал и подошел к Михаилу. — Тем более, что по программе вас уже ждет коллектив предприятия имени 23-го Августа. Завтра мы еще встретимся… Да, есть информация, что за два года, что вы у власти, внешний долг СССР удвоился и составляет сорок миллиардов долларов…

Впервые за последнее время Михаил испытал чувство проигрыша и когда встретился с Раисой, не смог скрыть этого состояния.

— Что с тобой, Миша? Вы поругались?

— Нет, до этого не дошло, но он меня достал. Говорил, как с учеником. Ничего, я еще отыграюсь…

Через двадцать пять лет после этого спора социологические опросы в Румынии показали, что о покойном Чаушеску с благодарностью вспоминали сорок два процента населения. О благоденствующем Горбачеве смогли сказать добрые слова менее полтора процента россиян.

На предприятии имени 23-го Августа и потом на второй день в выступлении на митинге румыно-советской дружбы Горбачев, несколько озадаченный беседой с Чаушеску, нападать на него откровенно не решился. Но на митинге все-таки не смог удержаться и высказал общий упрек в адрес старой гвардии

руководителей социалистических стран, не принимающих его курс на перестройку: «Они не хотят понять, что это не придумка Горбачева, а веление времени и желание нового поколения людей».

В последний день визита Николае и Елена, желая смягчить возникшее напряжение, пригласили чету Горбачевых на прощальный ужин. Как будто сговорившись, долго избегали разговора на политические темы. Но не случайно Михаил и Николае, в разное время, нередко говорили на публике, что кроме любви к женам, они давно и навсегда влюблены в политику. И поэтому вскоре разговор опять зашел о перестройке в СССР и международных делах. Николае стал призывать Михаила к большей осторожности в вопросах демократизации и гласности, а также к меньшему доверию западным лидерам.

— Мы с вами для них прежде всего коммунисты. Пусть даже, как они говорят, хорошие. Вы разве не видите, что всегда и во всем в обмен на добрые отношения они ждут от нас односторонних уступок. У нас с Еленой складывается впечатление, что вы не замечаете грозящих вам опасностей. Мы так же, как и вы, за развитие демократии, но в рамках социалистической законности. И еще, сбавьте обороты. Давайте идти одним темпом. Не надо забывать, что мы живем не изолировано, а в рамках Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Вы что, хотите сбросить нас, как балласт?

— Знаете, Николае, — заметил миролюбиво Михаил, — делайте у себя, что считаете нужным, и сами за это отвечайте. А мы будем поступать так, как требует обстановка в нашей стране. Страна уже не может жить, как раньше. Люди хотят перемен и всячески их поддерживают.

Чаушеску выслушал и ничего не ответил. Видимо, понял, что Михаил его не слышит. И что эта «глухота» не временная, а навсегда. Чтобы разрядить ситуацию, Елена попыталась перевести разговор на вечную и спасительную тему русской литературы. Но тут, желая подкрепить позицию мужа, в беседу вступила Раиса.

— А знаете, товарищ Чаушеску, сколько писем приходит Михаилу Сергеевичу?

— Сколько?

— До трех-четырех тысяч в день, со всех концов Советского Союза, а также из-за рубежа, в том числе из вашей страны. В большинстве из них выражается поддержка перестройке. Люди требуют проводить ее более решительно, пишут, что перемены, особенно на местах, идут слишком медленно.

— Раиса Максимовна, будь я гражданином СССР, тоже послал

бы письмо Михаилу Сергеевичу с пожеланием меньше встречаться с западными лидерами, а больше уделять внимания своей стране и взаимодействию с союзниками из соцстран. Ведь у нас тоже есть кое-что полезное. Перенимая ваш советский опыт, мы в вопросах демократии не стояли на месте.

— Да оставьте, Николае, — не выдержал Михаил, — то, что вы выдаете у себя за гуманное общество, ничего общего с демократией не имеет. Всю страну держите в страхе и изоляции от внешнего мира… А как можно брать деньги с тех стран, в которые выезжают ваши граждане на постоянное жительство. Ведь это, извините, торговля людьми.

— Никакая это не торговля. Деньги платят за тех, кто окончил высшие учебные заведения бесплатно и должны за несколько лет их отработать. Если они не могут заплатить сами, пусть платят за них те, на кого они после выезда будут работать. Это в высшей степени справедливо, — отпарировал Николае.

Дальше разговор пошел на повышенных тонах и на такие темы, что помощникам пришлось закрыть распахнутые в парк окна. Раиса и Елена даже пытались выяснить, у кого из них больше законных оснований для участия в государственных делах. И кто из них настоящий, а кто липовый ученый. Попытки мужей их примирить результата не дали. Наскоро попрощавшись, Горбачевы покинули резиденцию. Вечер и сам визит были основательно испорчены.

…Высокий, чернявый, красивый, как многие дети от смешанных браков, агент «Артист» был взволнован. За годы сотрудничества с КГБ он впервые принес информацию такого значения. Уловив его состояние, опытный оперативный сотрудник Марков предложил сначала рассказать о поездке вообще, а потом письменно изложить ту важную информацию, ради которой встретились. Когда Марков взял исписанные листы и наскоро пробежал текст, волнение охватило и его. «Артист» сообщал, что в Румынии ведутся работы по созданию атомного оружия. И что через 3–4 года они будут завершены. Информация получена случайно. Он слышал, как отец рассказал своему брату — начальнику ГРУ о поездке на химический комбинат в городе Турну-Мэгуреле. Лично министр поручил ему руководить монтажом насосов. Хотя обычно этим занимаются его подчиненные. Было это на секретном объекте на территории химкомбината. Там он и узнал, что насосы нужны для обеспечения процесса обогащения ядерного топлива для атомного оружия. Брат отца об этом знал и просил его держать язык за зубами. Ведь речь шла о нарушении Румынией договора о

нераспространении ядерного оружия, участником которого она была с 1970 года.

Теперь становились понятнее и причины той независимости, с которой вел себя Чаушеску в мировых делах. В этот же день полученная от «Артиста» информация ушла в Москву для председателя КГБ Чебрикова. Тот немедленно доложил ее лично Горбачеву. Это произошло на третий день после его возвращения из Бухареста.

— Михаил Сергеевич! Есть срочная информация по одной из соцстран. Прошу принять.

— Давай, Виктор Михайлович, подъезжай.

Через двадцать минут в кабинет Генсека вошел высокий, светловолосый и большеголовый, в старомодных роговых очках руководитель главной спецслужбы страны. Он был типичным представителем советской системы. Родился в начале тридцатых годов в одном из крупнейших индустриальных центров городе Днепропетровске. В восемнадцать лет ушел добровольцем на фронт. В годы войны вступил в партию. Войну закончил командиром батальона в звании майора. Дважды был тяжело ранен. Четырежды награждался боевыми орденами. После контузии уволился по болезни в запас. В двадцать три года поступил в металлургический институт. После окончания по специальности работал недолго. Был приглашен на работу заведующим отделом в райком партии. Через пятнадцать лет, уже с должности второго секретаря обкома, партия направила его служить в центральный аппарат КГБ на должность начальника одного из управлений. Спустя год он был назначен заместителем председателя КГБ СССР. В ту пору председателем был будущий недолгий правитель СССР Юрий Андропов. Через год, после ухода Андропова на работу в ЦК КПСС, возглавил КГБ.

Прежде чем говорить по делу, ради которого приехал, Чебриков по привычке дал краткую характеристику оперативной обстановке в целом по стране, потом сообщил информацию о первых откликах на визит Горбачева в Румынию и только тогда попросил разрешения доложить весьма важную информацию по стране № 11.

— Не темни, Виктор Михайлович, что это за страна?

— Еще Юрий Владимирович завел практику нумерации соцстран в оперативных документах. Номер одиннадцать присвоили почему-то Румынии. Это для большей конспирации. Ведь официально мы друг против друга не работаем, а только взаимодействуем.

— И что произошло в Румынии? Это как-то связано с моим визитом?

— Нет, визит здесь ни при чем. Похоже, получена достоверная информация о том, что Чаушеску близок к созданию собственного ядерного оружия.

— Ни хрена себе! То-то мне невдомек, чего он так распоясался. Решил, что теперь нас за бороду поймал. Источники надежные? Сколько их, два, три, больше?

— Ранее у нас была только неполная информация о подозрительных работах на территории крупнейшего в Румынии химического комбината. Мы ее проверяли, но ничего конкретного не было. И вдруг из регионального управления получаем сообщение агента. Вот оно. Будете читать?

— Читай сам.

Дослушав до конца, Горбачев опять выругался и спросил.

— Что теперь делать? Есть предложения?

— Будем работать дальше по проверке агентурной информации. У чекистов есть правило: «один источник — не источник; два источника — половина источника; три источника — источник надежный». Но на проведение активной работы по соцстране с применением всех сил и средств необходимо ваше указание. Желательно письменное.

— Указание даю, устное. Работать оперативно. Информировать меня не реже одного раза в месяц.

Через несколько часов после возвращения Чебрикова на Лубянку, в резидентуры многих стран ушла шифровка с указанием задействовать все возможности для проверки информации, полученной от «Артиста». Вскоре в Румынию для работы в аппарате военного атташе выехал сотрудник военной контрразведки, работавший ранее с архивным агентом «Весна» — дядей «Артиста». Контрразведчику была поставлена задача: изучить возможность восстановления с «Весной» агентурных отношений. Одновременно по линии ГРУ отделу военной разведки Южной группы советских войск в Венгрии поручалось срочно подобрать и направить, по каналу реэмиграции, в Румынию для работы на химическом комбинате агентуру из числа венгров, выходцев из румынской Трансильвании. Подобное задание получили Комитеты госбезопасности Молдавской и Украинской республик в отношении агентуры из румын, проживающих в Бессарабии и Буковине.

Примерно через полгода поступила информация от двух агентов, внедренных на химкомбинат: обогащение ядерного топлива ведется, но более конкретных сведений добыть пока не удается из-за очень высокого режима секретности на объекте. В том, что работа действительно проводится, теперь сомнений не оставалось. Но ее масштабы и темпы еще предстояло выяснить.

Большая надежда оставалась на архивного агента «Весна». Он стал сотрудничать с КГБ еще во время учебы в московской военной академии. Наконец-то связь с ним была возобновлена. И надо было решать, как с наибольшей пользой использовать его в ходе предстоящей операции. С докладом и предложением по этой проблеме Чебриков и начальник ГРУ Советской армии генерал Михайлов приехали к Горбачеву. Как старший оперативный начальник и член Политбюро первым начал Чебриков.

— Михаил Сергеевич, с агентом «Весна» восстановлены отношения. По ядерному проекту от него получена информация, что уже имеется более десяти килограмм обогащенного материала для создания атомной бомбы. И работа продолжается. По его данным, к 1995 году Чаушеску будет обладать собственным ядерным оружием. Агент считает, что Великий Кондукатор скрывает это не столько от нас, сколько от американцев и ЕЭС. Он уверен, что мы и это проглотим, как прощали его прежние выходки. Но как только западные «друзья» узнают о румынском ядерном проекте военного назначения, так сразу лишат страну режима набольшего благоприятствования в торговле. Арестуют счета в зарубежных банках. И ему опять придется влезать в долги. А для него это политическая смерть.

— Так надо подкинуть им эту информацию. А то этот мудак уже всех забодал своими поучениями. Двадцать три года правит Румынией и уходить не собирается. Настоящий диктатор. Довел страну до ручки. Хвалится: у меня нет внешних долгов. Нашел чем гордиться. Люди живут впроголодь, в страхе. За выезд из страны деньги берет. Прямо как у нас в годы крепостного права.

— Михаил Сергеевич, агент «Весна», как я вам докладывал, является начальником ГРУ румынской армии. Он также сообщает, что в окружении Чаушеску формируется группа лиц с целью устранения его от власти. Они просят помощи. Деньгами, оружием, людьми. Разрешите генералу Михайлову доложить вам наши совместные соображения на этот счет.

Генерал Михайлов на должность начальника ГРУ был назначен недавно. И, докладывая, заметно волновался. Говорил, несколько сбиваясь с главной мысли.

— Агентура нашего отдела в Южной группе войск в Венгрии доносит, что на территории Румынии в исторической области Трансильвания, где проживают около двух миллионов венгров, действует сеть подпольных групп. Их цель — «отколоть» Трансильванию от Румынии. Руководитель этой сети обратился за помощью к американцам. Но представитель ЦРУ в Европе Милтон Борден заявил, что в период интенсивных контактов лидеров США и СССР это невозможно. Похоже, что о работах по созданию

румынской атомной бомбы им ничего не известно. Тогда он обратился к нам…

— Не понял, кто к нам обратился? Заговорщик или американец? — перебил генерала Горбачев.

— Конечно, руководитель подпольной сети. Мы предлагаем довести до США информацию о ядерном проекте Чаушеску. Это укрепит доверие между нами. И развяжет им руки. Второе, подать им сигнал, что мы вообще не против замены Великого Кондукатора. Кроме этого, на базе нашего спецназа в Венгрии, если будет ваше разрешение, мы сможем подготовить несколько боевых групп из тех же венгров и забросить их под видом туристов в Румынию по сигналу агента «Весна» для дестабилизации обстановки в Бухаресте. Для агента «Весна» предлагается также выделить необходимую сумму валюты для обеспечения оперативных расходов. Полагаем, что наши действия предотвратят появление на наших западных границах второго ядерного Китая и позволят избавиться от непредсказуемого «союзника».

Михайлов взглянул на Чебрикова, который во время его доклада ободряюще кивал головой и замолчал.

— Генерал, у тебя все?

— Да, Михаил Сергеевич.

— Ла-адно, — протянул тот и задал вопрос Чебрикову. — Виктор Михайлович, а что будем делать с самим объектом?

— Михаил Сергеевич, у нас давние контакты с бывшим секретарем ЦК КП Румынии Ионом Илиеску. Он самый реальный кандидат на замену Чаушеску. В обмен на нашу поддержку мы потребуем, чтобы после прихода к власти он сообщил об объекте в МАГАТЕ и под их контролем его закрыл. А ядерный материал вывезем к себе для переработки на Новосибирский химкомбинат.

— Предложения утверждаю. Действуйте. Доклад, как и раньше, не реже одного раза в месяц.

На встрече с сотрудниками КГБ представитель ЦРУ в странах Европы поблагодарил за информацию о румынской ядерной программе и заявил, что ответная реакция последует после консультаций с Вашингтоном.

В Москве собрались руководители стран Варшавского Договора на заседание Политического консультативного комитета. Накануне Горбачев встречался с новым президентом США Джорджем Бушем на острове Мальта. Официального сообщения о цели и содержании встречи не было. Миру сообщили только, что с этой даты СССР и США не считают себя врагами. Информагентства распространили историческое фото, на котором Горбачев и Буш через стол пожимают руки во время переговоров

на борту теплохода «Максим Горький». С этой же информации начал Горбачев московскую встречу. Из старой гвардии на ней был только Чаушеску. Другие лидеры к этому времени либо ушли сами, либо их смыли волны перестройки. Поэтому прошла она спокойно, без особых споров и тем более разногласий. Все были за перестройку. И только Николае Чаушеску больше отмалчивался. Но на банкете его «понесло», он набросился на Горбачева с упреками, что тот на Мальте окончательно сдал социализм американцам: «Вы продали Бушу все, что от нас осталось». Потом швырнул фужер с шампанским на пол и, не прощаясь, уехал в аэропорт. Только услышал, как вдогонку Горбачев бросил фразу: «Николае, вы плохо кончите!».

Вскоре состоялась встреча представителей КГБ, ГРУ, ЦРУ и венгерской разведки, на которой и был согласован план совместных действий для решения их общей головной боли — «румынской проблемы». В плане придавалось большое значение их информационному обеспечению.

После этого в СМИ западных и некоторых стран восточной Европы все чаще стали появляться публикации с компроматом на Чаушеску и членов его семьи. Особенно доставалось Николае и младшему сыну Нике. Писали и сообщали о миллиардах долларов на их зарубежных счетах, о десятках объектов недвижимости. Нике обвиняли в кутежах, астрономических проигрышах в казино Монте-Карло, в домогательствах в отношении известных румынских актрис и спортсменок. Особенно одиозным стало сообщение о присвоении звания полковник любимой плюшевой собаке Чаушеску. Писали также о политике насильственной ассимиляции венгров, о притеснении религиозных деятелей, о тысячах политзаключенных. Елену обвиняли в том, что в то время когда народ бедствует, она купается в роскоши. Имеет десятки шуб, сотни пар обуви, тысячи платьев и драгоценности на миллионы долларов.

…Тимишоара — исторический центр Трансильвании уже несколько дней будоражили слухи о решении суда в отношении популярного пастора Ласло Текеша. В судебном решении говорилось, что пастор, выступая в проповедях за отделение Трансильвании от Румынии, нарушает конституцию страны. За что как иностранный гражданин подлежит высылке из страны. Зарубежные радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», венгерское радио призывали жителей города, области и страны встать на его защиту и не допустить исполнения решения суда. Давались инструкции о местах сбора и способах действий недовольных решением суда и властью. В эти же дни венгеро-румынскую границу пересекли несколько сотен

спортивного вида туристов. Примечательно, что женщин и детей среди них не было.

Через два дня после вынесения решения на центральной площади Тимишоара собралась группа молодых людей и потребовала от суда отменить решение о высылке пастора. Наряды полиции попытались вытеснить их с площади. Но в ответ раздались выстрелы. Полиции только к вечеру удалось подавить сопротивление. Несколько человек с обеих сторон были убиты. Еще больше ранено. О жертвах столкновения в течение ночи стало известно по всей Румынии. Наутро в Бухаресте и многих крупных городах уже были созданы комитеты Фронта национального спасения во главе с Ионом Илиеску и другими лицами, ранее изгнанными Чаушеску из руководства страны и пребывавшими до этого под домашним арестом. После обеда на центральной площади столицы собралось несколько тысяч сторонников Илиеску и потребовали от Чаушеску объяснений по поводу того, кто отдал приказ на применение оружия в Тимишоара. Он вышел на балкон дворца президента. Но успел произнести только несколько слов, как с крыш, окружающих площадь зданий, по протестующим людям и резиденции открыли огонь снайперы. Чаушеску спешно покинул балкон, через помещения дворца с женой вышел во двор к вертолету и приказал лететь в загородную резиденцию. И только в вертолете понял, что они с Еленой одни. Охрана куда-то исчезла. Правительственная связь не работала. Через несколько минут полета из кабины вышел командир экипажа и сообщил, что с базы спецназа военной разведки вылетели два борта и по радио потребовали посадить вертолет на военной базе в Тырговиште. Если не подчинимся, угрожают сбить. Спросил, как поступить? Наступило долгое и тягостное молчание. Потом Николае пошептался с женой, и она тихим, ровным голосом сказала: «Вариантов нет. Надо садиться».

На земле их уже ждали. Вооруженные люди в форме без опознавательных знаков окружили беглецов и повели в одно из помещений базы. Там они ночевали и все ждали освобождения. Но одни из тех, кто многие годы клялся в вечной преданности, вмиг от них отвернулись. Другие же стали их палачами.

Утром Николае и Елену отвели в казарму и объявили, что они предстанут перед военным трибуналом за геноцид своего народа. Вскоре появился председатель трибунала генерал Жику Попу. Задал несколько формальных вопросов, спросил, признают ли они вину и, не дождавшись ответа, объявил приговор: «За геноцид и расхищение государственной казны Николае и Елена Чаушеску приговариваются к расстрелу».

Через полчаса приговор был исполнен. Елена приняла смерть

молча, а Николае выкрикнул «Смерть предателям!» и запел гимн коммунистов «Интернационал». Произошло это в день Рождества Христова.

Накануне трибунала государственный департамент США довел до сведения Горбачева, что администрация Белого дома не будет возражать, если СССР вмешается в ситуацию с целью предотвращения кровавой расправы с поверженным диктатором. Тогда Москва промолчала. Но через неделю после переворота в Румынию прибыл Шеварднадзе и поздравил страну с избавлением от тирании.

…Спустя двадцать лет специальная комиссия Национального собрания Румынии пришла к выводу, что ни геноцида в отношении румынского народа, ни хищения миллиардов долларов Николае и Елена Чаушеску не совершали.

Раскол в расколе

Поездки с зарубежными визитами совершались одна за другой. Михаил и Раиса «купались» в потоках восторженных приветствий публики разных стран и без устали призывали их лидеров и население отказываться от использования силы при разрешении международных и внутренних конфликтов. После прежних мрачных и решительных советских вождей публика увидела в них будто идеальных представителей того социализма, о котором, человечество мечтает и никогда не перестанет мечтать. А им, в свою очередь, казалось, что мир действительно меняется к лучшему. И что на смену жестких, а иногда и жестоких столкновений в защиту реальных или мнимых национальных интересов, наступает эра братства и мирного сотрудничества народов. Время покажет на примерах Афганистана, Ирака, Югославии, Ливии иллюзорность их представлений о нравах сильных сего мира. При этом у многих правительств Запада и Востока Михаил не забывал просить о финансовой помощи. Похоже, он не осознавал, что со стороны это выглядело как неравноценная сделка из средних веков: «Мы вам больше не угрожаем и угрожать не будем, если вы заплатите нам дань, по современному — льготные кредиты, а то и гуманитарную помощь». И все-таки вначале «стокгольмский синдром» срабатывал. Но полученные кредиты тут же проедались или использовались на строительство очередных гигантов-долгостроев. Дефицит бюджета из-за антиалкогольной компании, аварии на Чернобыльской атомной станции, разрушительного землетрясения в Армении, уродливого закона о предприятиях, приведшего к бесконтрольному росту доходов и криминальной возможности переводу безналичных средств в наличные, все нарастал, а полки магазинов пустели. Поэтому параллельно с ростом зарубежной популярности Апостола и Ангела перестройки, как однажды Михаил назвал себя и Раису, доверие внутри страны к ним падало. Темпы падения ускорились, когда неожиданно появился оппозиционер Ельцин (имевший на родине в Свердловске кличку «Волкодав») и стал сначала покусывать, а потом и рвать на куски их популярность, переключая народную любовь на себя. Было видно, что воля к власти Ельцина была сильнее игры во власть Михаила. Видимо, уже тогда был запущен механизм исторической неизбежности поражения последнего.

Энергия недовольства теперь уже ходом самой перестройки становилась все более мощной, но как было принято в СССР, критика нового курса долго оставалась в пределах кухонных

разговоров. Нужен был повод для их выхода наружу. И он скоро случился. В газете «Советская Россия» появилась статья никому до этого неизвестной Нины Андреевой, доцента одного из ленинградских институтов под названием «Не могу поступаться принципами». В ней она призывала авторов перестройки образумиться, прекратить действовать методом проб и ошибок по принципу: «чем дальше от социализма, тем лучше». Убеждала, что прежде чем отбрасывать теорию и идеологию Маркса — Ленина — Сталина, необходимо разработать и принять новую теорию. Без этого мы обречены на шатания, топтание на месте или движение в никуда. Призывала также помнить об ответственности перед предыдущими поколениями, не жалевшими себя ради лучшего будущего страны. Умоляла принять меры к тем, кто под видом критики прошлого и настоящего пропагандируют идеи, несовместимые с основными конституционными принципами построения и деятельности советского социалистического государства. Неужели не понятно, пишет она, что если взять историю страны и концентрировано изложить все ее мерзости, то редко у кого не поднимется волна ненависти даже к самому себе и начнешь думать не о смысле жизни, а об ее бессмысленности. Как преподаватель я вижу, писала она, что это уже проявляется среди студенческой молодежи.

Опошлить можно все. Кто из русских людей не испытывал гордости за наших женщин, читая, вспоминая строки Николая Некрасова о том, как любая из них «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И как их теперь в бесцензурное время ловко девальвировал Эммануил Мендель (Наум Коржавин), продолжив своим горько-соленым опусом: «А кони все скачут и скачут, А избы горят и горят». И таких примеров не счесть. Откуда, спрашивается, при такой ситуации могут взяться силы для созидания?

Никто из тех, кто читал это одно из многих писем в газету, не могли и подумать, что оно всколыхнет страну и даже вызовет раскол на вершине власти, где до этого членам Политбюро за счет бесконечных уступок горбачевским фантазиям, удавалось сохранять необходимую сплоченность. Кроме этого ни один из соратников и не пытался составить ему какую-нибудь конкуренцию. Все они сразу и безоговорочно поверили в то, что на мостике партийно-государственного корабля находится самый способный партийный деятель и верный коммунист. Они и представить не могли, что «капитан» может мечтать о разрушительной буре. И что девиз Горького «Пусть сильнее грянет буря», как признался он после партконференции, ему так

близок. Прежде всего, в качестве испытания команды именуемой «партийная номенклатура». Не думая о том, что на корабле еще есть пассажиры, а среди них слабые, старики и дети. И буря таки грянула. Обсуждение статьи в коллективах предприятий и учреждений привели к забастовкам шахтеров, учителей и как следствие к новому витку повышения зарплат и росту инфляции.

В Москве проходил съезд колхозников. По давней традиции в его работе в полном составе участвовало Политбюро. В перерыве Горбачев пригласил всех собраться в комнате отдыха на чай. Перед этим он выступил перед делегатами с длинной речью и выглядел уставшим. Наверно поэтому был непривычно молчалив, и соратники из-за уважения к Генсеку переговаривались вполголоса. Обычных для такой обстановки анекдотов никто не травил. Но тут Горбачев вдруг оживился и говорит:

— Друзья, сегодня Раиса Максимовна рассказала мне сон: «Дворец съездов. Первым в президиум идет Иван Сусанин, за ним Горбачев, потом остальные. Сусанин подводит Горбачева к креслу председателя, а остальным говорит: «А с вами мы пойдем дальше». — Все засмеялись. Горбачев захохотал как-то истерически. С ним это случается все чаще.

— Я ее спрашиваю, к чему бы такой сон. Она ответила: «Не иначе к расколу в руководстве». А тут возня в газете с письмом какой-то фанатки Андреевой. За моей спиной пока я был с визитом в Югославии. Помните, маршала Жукова так сняли. Так вот, когда меня в стране не было, орган ЦК партии «Советская Россия» печатает материал по содержанию противоположный тому, что я сказал на недавнем Пленуме по молодежи. Я призывал не пичкать ее, как нас в свое время, классовой идеологией и не рисовать прошлое в розовых красках. А газета с автором, наоборот, возносят ценности сталинского социализма. И никто из Политбюро не возразил, не выступил, не пришел ко мне с вопросом, что же это делается? — Михаил посмотрел на Лигачева и продолжил, — Егор Кузьмич, действительно, что твориться? Прошу всех собраться после окончания заседания в помещении Секретариата для обсуждения ситуации и объяснения.

— Начнем с Воротникова. Газета ведь российская. Виталий Иванович, читал материал?

— Просматривал, письмо в духе времени, острое. А что, автор имеет право высказаться. Теперь у нас свобода. Цензуры нет. Но там есть главный редактор. Назначен на это место Центральным Комитетом партии. И должен думать что печатать, а что в корзину.

— Сам материал ты одобряешь или нет? Что-то я не

пойму, — не отставал Горбачев, — ты на позиции ЦК или автора?

— Я не говорю, что материал безупречный, но на него многие обратили внимание. Говорят, что обсуждают в коллективах. Значит, затронуло людей, — продолжал вилять Воротников. В разговор, без приглашения Генсека, вступил Громыко. Ему можно. Он на особом положении. Ветеран и «венчал на царство» Горбачева.

— Письмо полемическое. Есть спорные и неверные положения. Так она практически отрицает сталинские репрессии. Видимо, ее семью они не затронули. Но если читатель заметил материал, значит, автор видит в нашей жизни то, что волнует многих. Таков закон жанра, — дипломатично завершил он. В этом же духе высказались Соломенцев, Лукьянов и Никонов. Уклончивая позиция однокашника по университету и давнишнего приятеля Анатолия Лукьянова особенно не понравилась, но Михаил комментировать ее не стал.

Решив, что пора дать слово тяжелой артиллерии, Горбачев обращается к Яковлеву:

— Что думаешь ты, Александр Николаевич?

— На самом деле, товарищи, это не письмо в газету, а добротно сделанная статья. Может в редакции, а может и в наших стенах. Настоящий антиперестроечный манифест. Самое неприятное, что его идеи явно разделяет часть членов Политбюро. Немало таких и в ЦК. Необходимо подготовить и дать в «Правде» ответ с подтверждением курса на перестройку, как генеральной линии партии.

Яковлева рьяно поддержали Рыжков, Шеварднадзе и Разумовский.

— Здесь ее готовили, это же видно, — вступил в разговор Иван Фролов, — материал поступил и ко мне, но я сообразил, откуда ветер… и печатать не стал. Думаю, ну не может какой-то доцент, так капитально разложить все по полочкам… в ЦК явно завелся крот? Это провокация с целью расколоть общество, да и ЦК тоже. А цель — вернуть страну в доперестроечное время.

— Бери, Иван, выше. Здесь удар прямой наводкой по Политбюро, — горячо поддержал главного редактора «Правды» Горбачев, — кто-то хочет «раскачать лодку» и посмотреть, как экипаж поведет себя. Егор Кузьмич, у тебя редактор Чикин с письмом Андреевой был?

— Да, показал это и еще несколько писем. Никто из авторов за красную линию не заходил…

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду разнузданность, которую теперь часто путают со свободой слова. «Огонек», «Московские новости»,

«Аргументы и факты» и другие так называемые демократические издания уже давно эту самую красную линию перешли. Кстати, добрались уже и до ЦК и до Вас Михаил Сергеевич. И я одобрил стремление Чикина дать для баланса мнений подборку трезвых взглядов.

— Подожди, ты что-то не то говоришь. Гласность, которую мы вводим, можно сказать насаждаем, никаких закрытых для критики зон не предполагает. И ЦК и Генеральный секретарь, все должны быть в равном положении. Что крутишь головой, разве не так?

— Вспомнил английский анекдот: лежит пьяный на тротуаре, подходит полисмен и говорит: джентльмен, освободите проход. Тот посылает его подальше. Полисмен повторяет: именем закона прошу. Тот опять посылает. Тогда полисмен говорит: в последний раз именем королевы приказываю освободить проход. Тот вмиг протрезвел, поднимается и, извиняясь, уходит.

— И как анекдот относится к нашему разговору? — С юмором у Генсека была напряженка.

— Извините, Михаил Сергеевич, когда говорят, что перед гласностью и критикой все равны, это лукавство, ни больше, ни меньше… Есть предел. И в Англии это королева. У нас — Генеральный секретарь. Непременным атрибутом верховной власти является ее сакральность, по-современному — легитимность. Партийная печать это самое острое оружие и инструмент партии власти, а она стал использоваться против нее. Например, поднимают на щит раскольника и разрушителя Ельцина. А некоторые члены высшего руководства партии заявляют, что «вор лучше фашиста». Когда и то и другое отвратительно. Посмотрите, кто вновь заговорил о тотальной десталинизации: бюрократы-воры, теневики-капиталисты и их подпевалы из интеллигенции. Даст такой «капиталист» денег на спектакль и режиссер сразу на его стороне. В Грузии теневик Айвазов имеет богатство большее, чем бюджет республики. Когда его прижали, он закричал, что это возврат к сталинизму. А газеты, в том числе партийные, стали писать о начале репрессий в отношении предприимчивых людей и что такие действия противоречат курсу Горбачева. Этому надо положить конец. Передергивание в печати фактов, идей с правдой ничего общего не имеет.

— Насчет Ельцина это у вас личное. Как политик он пустое место. А кто это у нас о ворах и фашистах?

— Это мои слова, — откликнулся Яковлев, — говорил я об обществе «Память» и хотел подчеркнуть, что для страны, победителя фашизма, появление такой организации, хуже

воровства, — склонный к афоризмам, он уточнил: «фашист хуже вора».

— В целом же ты зовешь нас назад, — продолжил Горбачев возражать Лигачеву, — управлять процессом надо не окриком и подметными статьями, а с помощью открытого содержательного разговора. Итак, давайте заканчивать. Вопрос ясен. Предлагаю, пусть Яковлев подготовит статью-отлуп, а Фролов напечатает его в «Правде». Это должен быть наш ответ реакции, а также тем, кто выжидает, ничего не делает или занимается саботажем. С такими, нам не по пути. Кто против? Нет никого. Отлично, будем вместе двигаться дальше.

Через неделю в «Правде» такая статья появилась. Кроме Яковлева руку к ней приложил и Черняев. Получилось как всегда туманно, красиво и хлестко: «Оправившись от шока первых послеапрельских лет, адепты концепции «твердой руки» пытаются посеять в наших рядах неуверенность…». Но ясности в оценке ситуации по стране она не добавила.

Напрасно Горбачев сделал вид, что все уладилось. К расколу между Горбачевым и Ельциным прибавился раскол в Политбюро между горбачевцами и лигачевцами. Пусть пока только идейный. Потом, к августу 1991 года произойдет и настоящий, организационный. Правда, из сторонников Лигачева к этому времени в руководстве страны останется только Лукьянов. Он то и будет одним из вдохновителей идейной оппозиции, которая перерастет в ГКЧП. Вот и не верь после этого, что не бывает вещих снов. С этого момента Горбачев оказался между двух огней: с одной стороны Ельцин, с другой — Лигачев, а после XXVIII съезда — Лукьянов. Однако ситуация двойного раскола Горбачева ничему не научила. Вечером на прогулке Михаил подробно воспроизвел дискуссию Раисе.

— Завтра хочу пригласить Толю Лукьянова и спросить, как понимать его лигачевщину. Видимо, из канцеляриста политика не слепишь, как ни старайся.

— Я же тебе говорила, что в Политбюро ему делать нечего. Ты не послушал. Теперь жди каждый раз подвоха. Ну, а что, будешь терпеть этого сибирского лаптя и дальше. Может пора расставаться? — не то посоветовала, не то спросила Раиса, теперь имея в виду Лигачева.

— Расставаться рано. Я пока не уверен в исходе голосования по нему в Политбюро и на пленуме ЦК. У него немало сторонников среди секретарей обкомов. Пока отстранил его от ведения Секретариата, а на конференции расквитаюсь сполна. Хотя в партии разброд…

— А ты уходи. Дело сделано. Пора отдохнуть. Пусть живут,

как хотят. Будешь делать то, о чем всегда мечтал — писать книги.

— Может, ты и права. Как будто яму в песке или в воде копаем. Ничего из них не выбъешь. Еще Яковлев, Медведев и Лукьянов так сяк. Остальные — ноль. Ни образованности, ни культуры, ни философии. Тоже самое в республиках и областях. Примитив. Все-таки следует скорее партию отстранять от власти. Она не поддается перестройке. Через выборы все управление передать Советам. На самом верху вместо Политбюро надо создавать президентский институт. А самому идти в президенты. На покой рано. Надо довести дело до точки невозврата.

— А справятся Советы? Ведь столько лет на вторых ролях. Боюсь, все рухнет.

— Рухнет, так рухнет. Значит, не нужна и эта система, отжила свое. Думать и действовать надо быстрее. Как Ленин. Время уходит. Успеть бы…

Политолог

Звонил аппарат прямой связи с Генсеком. Черняев отложил очередную статью для журнала и взял трубку, успев подумать, что теперь не удастся использовать даже воскресенье для работы на себя. Сейчас получу очередное и как всегда срочное задание. Неужели он не понимает, что я тоже имею право на личное время!?

— Анатолий, работаешь? Я тоже сижу, обложился литературой, записками. Пытаюсь набраться идей для перекройки политической системы. Еще раз убеждаюсь, что ничего с экономикой не выйдет, пока не сломаем прежнюю властную надстройку. И поэтому мне нужен хороший помощник из политологов или юристов. Лукьянов один не тянет. Нет ли у тебя такого на примете?

— Есть, и то, что надо. Георгий Шахназаров, работник ЦК, фронтовик, по образованию юрист, сфера научных интересов политология, доктор юридических наук. Бакинский армянин. После войны живет и работает в Москве. Ваш активный сторонник.

— Раиса Максимовна зашла. Ругает, что сижу без свежего воздуха, приглашает на прогулку, тебе передает привет. Так ты скажи ему, пусть завтра ко мне зайдет.

К этому времени Михаил опять начал метаться. Все чаще он думал и говорил, что перестройка кончиться провалом. И тут же успокаивал себя и других тем, что все-таки удалось отвести угрозу войны, освободить людей от страха перед властью, отменить цензуру и сделать более открытой работу государственного аппарата. Попытки сделать экономику эффективней вели к противоположному результату. Социализм пусть и не вполне нормальный продолжал пусть и пассивно сопротивляться, потому что его сторонников было все еще больше, чем сторонников перестройки. Требовалось большое политическое искусство, чтобы убедить не столько массы, сколько правящий слой, так называемое политическое ядро в неизбежности поворота вправо в рамках общества зачатого как леворадикальное. В ходе поворота или сдвига и нужно было уйти от радикализма, а левизну оставить. Разговоров как это сделать было более чем достаточно, но дальше обсуждения разного рода альтернатив дело не двигалось. Само же решение никак не складывалось. Михаил уже запутался сам и запутал многих своих сторонников и противников декларациями о приверженности социализму, которые делались им для отвода глаз и успокоения

публики.

Он разрывался между советами Раисы, которая рекомендовала сделать все, как во Франции, и окружающих его академиков. Причем, занимавших противоположные позиции. Например, академик Абалкин советовал не вводить частной собственности, а только расширить сферу индивидуальной трудовой деятельности. Социалист-рыночник Шаталин и монетарист-рыночник Петраков тянули его к капитализму, но по разным дорогам. Досаждал записками молодой доктор экономических наук Гайдар со своим вариантом резкого введения на большинство товаров свободных цен. Потом на этот вариант решится Ельцин, и назовут его *шоковой терапией*. Понятно, что все дороги ведут в Рим, но идти сразу по всем невозможно. Выбирать всегда приходится *одну*. А он никак не решался. И пока он «размышлял» (одно из любимых словечек Михаила), экономика падала. Так продолжалось почти три года. Наконец по совету Абалкина был принят и с 1988 года вступил в действие закон о государственном предприятии. Планировалось, что он будет базовым для всей экономической реформы. Но из-за неверной концепции и крайней противоречивости его основных статей, он стал источником развала народного хозяйства. Внешне демократичная, но, по сути, бюрократичная норма о государственном заказе (заменившая прежний план-задание) никак не стыковалась с либеральными новелами о выборах руководителя предприятия, правами на свободное установление размера заработной платы, на передачу имущества другим предприятиям и кооперативам, на свободную внешнеэкономическую деятельность. Как и принятый впоследствии закон о кооперации он был на руку только теневикам. Именно в этот период многие из будущих олигархов, получив возможность неограниченного перевода со счетов предприятий безналичных средств в наличные через кооперативы и центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ), а потом и через малые предприятия сколотили свой первоначальный капитал для скупки акций приватизируемых предприятий.

На этом фоне и пригласил Михаил к себе на должность помощника по политической реформе Георгия Шахназарова. Как и Черняев с Медведевым он будет его верным сотрудником до самого конца. Вообще, кроме Громыко и Лигачева, да и то до раскола, рядом с Горбачевым не было настоящих государственных деятелей. Недотягивал до этого уровня и Председатель правительства Рыжков. Не подпуская к себе или убирая возможных конкурентов, таких как Алиев, Щербицкий,

или Романов, Михаил Горбачев постепенно окружил себя людьми уровня помощников и советников. Хотя на самом деле он и не испытывал потребности действительно кого либо слушать и с кем-либо, кроме Раисы, советоваться.

Если окинуть взглядом историю верховной власти России, то можно заметить одну закономерность. Только те высшие ее руководители достигали заметных успехов, которые имели дар привлекать к управлению талантливых государственных Деятелей. Рядом с Алексеем Михайловичем были Никон и Ордин-Нащокин, с Петром Великим — Меньшиков и Толстой, с Екатериной Великой — Потемкин, Румянцев и Суворов, с Александром I — Аракчеев и Кочубей, с Николаем I — Сперанский, Кочубей и Гурьев, с Александром II — Горчаков, Киселев и Лорис-Меликов, при Сталине — Молотов, с Брежневым — Косыгин. Даже вовсе неспособный император Николай II был на «высоте» до тех пор, пока опирался на великого Столыпина. При Горбачеве таковых не было. Да и посредственные покинули его еще до того, как тонущий корабль пошел ко дну. В конце он остался один с тремя немолодыми помощниками-писарями: Медведевым, Черняевым и Шахназаровым.

— Вспоминаю, как по рекомендации Раисы Максимовны прочитал несколько твоих научных статей по теории управления. Впечатление хорошее. Запомнился пример с эффектом горлышка бутылки в потоке управленческой информации, — начал Михаил с комплимента встречу с Шахназаровым. — Впрочем, о науке управления мы еще поговорим. Предлагаю перейти ко мне помощником по внутренней политике.

— Михаил Сергеевич, спасибо за добрые слова о работах, для автора нет награды выше, а для помощника я стар, ведь мне уже за шестьдесят пять.

— Судя по количеству наград, ты на фронте от заданий не отказывался? А у нас сейчас как на фронте. Неужели решил в дезертиры записаться?

— Нет, дезертиром не был и не буду! Убедили, считайте меня в вашем полном распоряжении.

— Вот это деловой поворот. На раскачку времени нет. Уже столько упущено. Надо срочно заняться переделкой политической системы. Убедился, что без этого экономические реформы не идут и не пойдут.

— Михаил Сергеевич, конечно, я теоретик, но мне кажется, экономическая реформа буксует из-за плохой организации, а не из-за несовершенства политической надстройки. Правительство бездействует. Надо дать конкретный срок. Не исправит ситуацию, в отставку.

— Думаешь, Рыжков не тянет?

— Похоже, так и есть. Разговоров много, а действий никаких. Кого он убеждает, непонятно. Все давно за реформу.

— И все же вспомни Ленина: «Политика есть концентрированное выражение экономики». Убежден, здесь такая тесная связь, что одно без другого не действует. А в политике главное — кадры. Только через демократические выборы можно очиститься от балласта и дать возможность проявиться новым людям, способным принять необходимые законы. Начинать надо с избирательной системы в высший представительный орган. Мы должны отбросить формулу «один кандидат — один депутат», ввести альтернативные выборы и обязательно с правом самовыдвижения, а не только от блока коммунистов и беспартийных. Как вспоминаю Верховный Совет, так представляю этот длиннющий кремлевский зал, полторы тысячи с лишним фактически назначенных депутатов и почетный президиум. Приезжали два раза в год на три дня, утверждали указы Президиума, единогласно голосовали за бюджет, аплодировали и по домам. Ни отчета Правительства, ни парламентского контроля. Никакой реальной власти. Даю тебе две недели, возьми с собой кого считаешь нужным, запрись в Волынском и разработай новую модель. Как, потянешь?

— Постараюсь сделать. Разрешите привлечь коллег из Института государства и права Академии наук и ассоциации политологов.

— Я же сказал, бери кого надо и вперед. Связь держи с Лукьяновым. Он в Политбюро отвечает за этот участок. Надо будет, выходи на меня. Жду результата. В выходные наведаюсь, посмотрю, как вы продвигаетесь.

Сколотить команду труда не составило. Пожить две недели на халяву, и при этом почувствовать востребованность на самом высоком уровне, выпадает не каждому и не так часто. Причем участвовать в этом суетном деле, соглашались, как правило, не самые талантливые специалисты, а самые ловкие, живущие по извечному принципу «чего изволите?». Живущие в мире абстрактных и изменчивых по их желанию категорий, в отрыве от реальной обстановки, такие «спецы» на заказ готовы были обосновать что угодно. Понимая при этом, что научные истины никогда не могут соответствовать потребностям конъюнктурных политиков. Для благозвучности такой ущербный метод называли «мозговым штурмом».

В разные времена в науке, правильнее сказать около науки, появляются незаурядные личности, не сумевшие по разным причинам проявить себя в традиционных областях знаний. Таким

был и Георгий Шахназаров. Обаятельный молодой человек, заслуженный фронтовик закончил экстерном за два года юридический факультет, но пожелал стать философом (вспомним, Михаил Горбачев тоже закончил юрфак, а предпочел быть комсомольским лидером). Не вышло. Провалился на аспирантских экзаменах в Институте философии. Не без протекции поступил в аспирантуру Института государства и права, но увлекся модной тогда политологией и настоящим юристом так и не стал. Хотя сумел получить ученые степени кандидата, а потом и доктора юридических наук. Понятно, что в юридическом научном сообществе его всерьез не воспринимали. И тогда он вместе с подобными себе учеными создает и вскоре возглавляет ассоциацию советских политологов. Основным занятием которых, являлись перепевы устаревших положений западных политических теорий. Но потом им крупно повезло. Из храма науки в перестройку, отчасти из-за идеологической конъюнктуры, отчасти за псевдонаучность, был изгнан научный коммунизм. И через двадцать лет прозябания в прихожей, его место заняла другая псевдонаука — политология.

В свое время Шахназарова заметил Андропов и взял к себе консультантом. После ухода шефа в КГБ, стал заместителем заведующего отделом ЦК по работе с соцстранами. Почти двадцать лет писал выступления Брежневу по проблемам жизни содружества. Таким образом, если вы историк, философ или юрист, но не желаете или не можете работать по специальности, назовитесь политологом. И без куска хлеба не останетесь и даже докторскую диссертацию наверняка защитите. Не важно, что практической пользы от ваших изысканий не больше, чем от козла молока.

Впрочем, интересно почитать, что «Шах», так его звали приятели, сам пишет о себе: «Итак, я армянин по рождению, русский по языку, культуре и мироощущению. Князь (мелик) по происхождению, социал-демократ по убеждениям. Юрист по образованию, политолог по призванию. Ученый по складу ума, публицист по профессии. Футуролог и фантаст по увлечениям…». Вот такого энциклопедиста и фантаста привлек Михаил Горбачев для работы на самый острый участок — реформацию советской политической системы. Того, что составляет коренные устои любого государства. Результат общеизвестен — государства не стало.

Волынское, рядом с ближней дачей Сталина, было давним убежищем цековских писарей. Здесь в течение десятилетий для лидеров сочинялись выступления и доклады для самых важных партийных мероприятий — пленумов, съездов и конференций. В

годы перестройки к этому занятию добавилась разработка специально созданными командами концепций и планов реформ. Бытует мнение, что таких планов не было. Это неправда. Наоборот, беда в том, что их было громадье. Но либо их уровень был таким, что не выдерживал критики, либо они не выполнялись из-за недостатка политической воли и плохой организации дела. Главная беда в том, что у Горбачева не было единого плана, хотя бы как при реформации церкви Лютером — в виде 96 тезисов на двери церкви в Виттенберге. Вот свидетельство Шахназарова: «Горбачев был плохим организатором,…у него много недостатков и велик счет допущенных ошибок». Но и рядом с ним, как уже говорилось, хороших организаторов тоже не было. Поэтому и ГКЧП, состоящее из самого близкого его окружения, свои задачи не выполнил. Как раз среди его членов не хватило того самого организатора, который мог бы в обычной обстановке продвигать планы Горбачева в жизнь или удерживать его от опасных действий.

В воскресенье Горбачев и Лукьянов приехали в Волынское. Шахназаров собрал команду разработчиков и в их присутствии сообщил, что работа ведется на основе следующей концепции: «Необходимо четко размежевать функции партии и государства; передать власть от руководящих органов партии (пленума, секретариата, политбюро) в руки легитимных государственных институтов, как во всякой демократической стране; сформировать многопартийную систему; приступить к построению правового государства; преобразовать СССР в настоящую федерацию.

Также уже готовы предложения по новой структуре высших органов государственной власти. По совету Анатолия Ивановича Лукьянова предлагалось возродить подобие структуры 20–30-х годов. Только вместо Съезда Советов мы предлагаем ввести в качестве высшего органа Съезд народных депутатов, заседающий не менее двух раз в году. Считаем необходимым отказаться от права отзыва депутатов. Это был трюк большевиков для организации отзыва неугодных депутатов от других партий. Избирательную систему необходимо построить на смешанной основе, как переходный вариант к классической схеме (всеобщие, равные, прямые и тайные выборы). Часть депутатов предлагается избирать населением по одномандатным округам, часть от общественных организаций, в том числе от КПСС. На постоянной основе будет работать компактный Верховный Совет, формируемый Съездом. Верховный Совет возглавляет единолично председатель. Он же руководит работой съезда. Президиум Совета ликвидируется. То есть расширение представительства и демократичности в виде Съезда, уравновешивается

единоначалием Председателя и работой на постоянной основе депутатов, избранных съездом в Верховный Совет. По обновлению федерации вопросов больше всего. Очень опасная тема. Специалисты предупреждают: как бы вместо укрепления Союза не получить обратного эффекта. Вот то, Михаил Сергеевич, что нам удалось наработать за неделю».

— Негусто, но все же лучше, чем ничего. Получается, что мы получим парламент и надпарламент. Не громоздко? А кто руководит работой съезда, ведь народное вече получается? Анатолий, ты что скажешь, твоя идея. И почему в свое время отказались от Съезда Советов?

— Эта модель соответствует нашему стремлению расширить и укрепить демократию, — пояснил Лукьянов, — отказались в свое время от съездов в целях укрепления власти партии и Сталина.

— Георгий, а почему вместо восстановления Съезда Советов, вы предлагаете Съезд депутатов?

— Депутаты, избираемые советами, более связаны в своей позиции, чем избираемые непосредственно избирателями.

— Понял, а почему часть избирается от общественных организаций. Это же непрямой и явно несовременный способ. Это первое. И второе, почему так много депутатов — две с половиной тысячи? По-моему, перебор. Это же неуправляемая масса.

— А разве кто-то должен управлять представителями народа? Мы же от этого и хотим уйти. Пусть съезд будет местом для дискуссий, а Верховный Совет — фабрикой законов. Выборы от общественных организаций позволяют лучше учесть интересы разных слоев населения.

— Заманчиво, но тогда зачем нам партии, разве не они должны вести общественную дискуссию?

— Михаил Сергеевич, — продолжал импровизировать Шахназаров, — мировая политическая практика указывает на то, что у партий нет будущего. Они не консолидируют общество, а, напротив, раскалывают его. Партийная монополия тоже не редкость. За примером далеко ходить не надо.

— Еще раз о выборах от общественных организаций. Разве это не возврат назад к сословиям, от которых отказались в феврале 1917 года?

— Это видимость схожести. В нашем случае мы получаем в политической системе канал действительно представительной демократии.

— А какой механизм введения многопартийности, уже думали?

— Думали, но сказать страшно.

— Давай, Георгий, не бойся, за крамольные мысли теперь не сажают.

— Для этого надо отменить статью шестую Конституции о руководящей роли КПСС.

— Ничего себе замахнулись…

— Поэтому и страшно. Но без этого никакой многопартийности не получится.

— Ладно, обмозгуем на Политбюро. Теперь о федерации. Кто у вас занимается этой проблемой?

— Член-корреспондент академии Топорнин и доктор юридических наук Курашвили. Но сегодня здесь только Борис Павлович Курашвили.

— И какие мысли по федерации?

— Михаил Сергеевич, начну с банальности. Дело в том, что партийный унитаризм выхолостил государственный федерализм. Пока основы отношений между партией и государством сохраняются, пока партия полновластна, переход к настоящему федерализму невозможен. Надо партии поделиться властью с Советами. Но ни в коем случае не уходить из власти полностью. Придется учиться работать через фракцию депутатов. Сегодня нередки ситуации, когда депутаты-коммунисты голосуют в советах против линии партии. И это выдается за партийную демократию.

Курашвили помедлил, как будто думая, стоит ли откровенничать дальше с самим автором перестройки. Но остался верен себе, и смело продолжил:

— Второе, в обострение межнациональных отношений есть вклад и самой перестройки. Ее масштабами и темпом. Взялись сразу по всем направлениям и слишком резво. Экономические трудности привели к нарушению главного неписанного закона жизни нашего государства: закона дружбы народов. Да и страна у нас очень разная. Что подходит для европейской части, не годится в азиатской.

— Ты что, предлагаешь перестройку свернуть?

— Нет, об этом не может быть и речи. Перестройка, как вы недавно верно заметили, выстрадана всеми, и поэтому принадлежит не только Горбачеву. Лично я за ее идеи пострадал еще пятнадцать лет назад.

— Ты что сидел? Я имею в виду, был осужден?

— Нет, не сидел, бог миловал, но кафедры в Высшей школе КГБ лишился, а потом и уволили.

— Так ты в КГБ служил, в каком же звании? Андропов уволил? За что?

— Был заведующим кафедрой административного и

государственного права в звании полковника. А уволили за инакомыслие. Выступал с лекцией на факультете повышения квалификации перед начальниками областных управлений КГБ и сказал, что одной из правовых проблем в деятельности органов является отсутствие законодательной базы. То есть, говорю, вы работаете вне закона, только на основе партийных указаний. Поэтому и должны называться Комитетом партийной безопасности. Ну и тому подобное… Не успел я с Кисельного переулка, где была лекция, доехать до кафедры на Ленинградском проспекте, а меня уже сняли, а потом и уволили. Да, приказ подписал Андропов. Спасибо академику Кудрявцеву, взял к себе в институт. Не побоялся. И все же о деле. Кризис социализма и перестройка — это огромное потрясение и даже развал того социального мира, в котором жили советские люди. Возникла иллюзия, что только национальное возрождение приведет к решению социальных проблем. Это и есть форма болезни федерации. Поэтому лечить ее заключением нового союзного договора или изменениями Конституции в сторону укрепления суверенных прав республик — это все равно, что тушить пожар бензином. Еще глупее предложения по принятию закона о порядке выхода из Союза. Это все возможно, но только после экономической и социальной стабилизации. И еще два важных момента. Такие глубокие реформации надо готовить в тайне до той ситуации, пока не сложится окончательная ее модель. Например, по образцу действий Александра II при подготовке крестьянской реформы для отмены крепостного права. Этим тогда занимался тайный комитет…

— Так не годится, — перебил Горбачев, — мы только начали утверждать гласность. Никаких тайн. А что второе?

— В будущем придется отказываться от национально-территориальной модели федерации и переходить к сугубо территориальной в составе 20–30 образований. Форма национальных и автономных республик это прошедший этап эволюции. Для эпохи глобализации, в которую мы уже вступили, характерно стирание границ по национальным признакам. Да, именно так. Иначе национальные противоречия в дальнейшем будут только возрастать и обостряться даже при малейшем кризисе в экономике. Таково мое убеждение. Но Георгий Хосроевич его не разделяет. Он уверен в необходимости заключения нового союзного договора между национальными и даже автономными республиками. Так что решение за вами.

— Да, это вопрос судьбоносный. Меня атакуют и слева и справа. И все торопят. Прибалтика требует ослаблять федеративные узы, а азиаты — укреплять. У нас по факту уже

унитарное государство. Может так все и оставить?

— Прибалтика желает уйти, — заметил Лукьянов, — Грузия и Украина туда же. Без Украины мы как ощипанная курица без перьев. Тело останется почти прежним, но фигура будет другой. Даже представить не могу, что мы можем разъединиться. К тому же и пацану малому понятно: кто контролирует Украину, тот контролирует Европу. — При этом он достал из портфеля газету и продолжил: — Михаил Сергеевич, вам бы не мешало почитать, что думает и пишет земляк ваших предков в газете «Голос Украины». — И передал ему газету.

В это время в комнату вошел официант с чаем и бутербродами.

— Михаил Сергеевич, попейте чайку.

— Спасибо, пока они попьют, я почитаю.

Историк Дмитрий Выдров писал: «Родина предков Михаила и Раисы Горбачевых — деда Гопкало и деда Титаренко — внешне единая и даже унитарная в юридическом смысле Украина, на самом деле очень разная и разобщенная республика. Ее историческое ядро — Киевщина, Черкасщина и Полтавщина — протянулось с севера на юг по берегам Днепра более чем на 500 км. От границ Белоруссии до Днепропетровщины. До 30-х годов XX века здешний уклад жизни оставался архаичным, то есть таким, как и в предыдущие 100 лет. В основном аграрным. Советская промышленная революция многое изменила. Например, население Киева к 80-м годам выросло почти в 10 раз и достигло почти двух миллионов. Причем столица Украины в основном русскоязычная. Можно представить, например, чтобы парижане говорили на английском, а москвичи на польском!? А большинство киевлян общаются на русском — негосударственном языке! Таким образом, столица государства Киев не может служить целям его интеграции. И что-то должно измениться. Либо столица, либо государство. Но ни то, ни другое невозможно. Восток и Запад страны Киев считают временной столицей. У них есть Харьков и Львов. А государство не может измениться по причине отсутствия единой элиты. Сказывается недавнее аграрное хуторское прошлое.

Для многих украинских городов миллионников (таковых пять) как и нескольких десятков 100-тысячных и более, тоже характерно русскоязычие. В большинстве малых городов и в селах говорят на украинском. Так к религиозному, ментальному, географическому, историческому и другим различиям добавляется языковое между городом и селом, характерное, пожалуй, только Украине. Корни языкового раскола растут из XV–

XVII веков, когда на Правобережье и частично Левобережье Днепра, землями и селами владели польские землевладельцы. Они и внедрили в крону древа старорусского языка польский говор. От этого смешения и произошел собственно украинский (окраинный по сравнению с польской метрополией) язык. В городах польское влияние было минимальным, поэтому старорусский язык естественным образом после присоединения к России сначала Левобережья, а потом и Правобережья Днепра развился в современный русский. Этот процесс совершался в период со второй половины XVII до второй половины XIX веков. Как видим для формирования нового, но без коренных отличий от родового языка, необходим исторический отрезок времени равный двум векам.

В бывшей Новороссии и Крыму, а это 9 регионов на юге и юго-востоке с населением около 20 миллионов человек, проживают в большинстве этнические русские. Остальные считают себя этническими украинцами. Но и эти украинцы общаются между собой на русском или на хорошо знакомом югу России «суржике», хотя в школах все изучают свой родной язык.

На запад от исторического ядра сельско-городское двуязычие постепенно стирается и в Галиции (в советском понимании Западная Украина) практически не наблюдается. В Львовской, Волынской, Ровенской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях подавляющее большинство жителей говорят на современном украинском. Хотя девять из десяти львовян считают себя не украинцами, а галичанами. К бандеровцам (радикальным националистам) причисляет себя каждый третий галичанин. В двух других западных областях — Черновицкой и, особенно Закарпатской, господствует языковый Вавилон. Многие их жители свободно общаются на двух-четырех языках (русском, украинском, румынском, венгерском и других).

В церковно-каноническом отношении выделенные выше территории тоже различаются. Первая, в основном, «оккупирована» сторонниками Украинского патриархата во главе с митрополитом Киевским и всея Украины Филаретом, недавним местоблюстителем московского патриархата. Вторая, окормляется Русской православной церковью Московского Патриархата. Третья — Греко-католической римского подчинения. В ряде регионов имеются приходы Украинской автокефальной православной церкви. Церковное разделение христиан-украинцев очень активно и корыстно используется разными политическими силами в борьбе за власть.

Церковные и языковые особенности каждое само по себе не было бы способно так радикально разъединять народ Украины.

Но вместе, почти идеально накладываясь друг на друга, да еще подпитываясь противоположными интересами мощных региональных политических кланов, они препятствуют созданию прочного государственного порядка и формируют оголтелый национализм — неприятие и провоцирование на конфликты как близких так и дальних людских общностей на них не похожих. И эти различия за годы перестройки не сгладились, а обострились. Все это подталкивает меня, как и других исследователей Украины, к выводу об отсутствии перспективы существования единого государства в рамках современной его территории. Этот фундаментальный фактор, в свою очередь, не может не предопределять характер отношения к ней государств-соседей и России прежде всего. «Беспокойный сосед» всегда вызывает соответствующую защитную реакцию у его окружения, вплоть до замены в такой стране правящей элиты или как минимум правителя, если оно не может защитить себя от обид или умиротворить такого соседа иным путем. В юриспруденции право на такой способ действий именуется крайней необходимостью. Принудительная замена правящего слоя и правителя действительно крайность. А вот поощрение процесса мирного разделения Украины с целью ее умиротворения как минимум на три явно и естественно сложившихся части давно назрело. Не ждать же когда она перейдет к более активным обидам (чем оскорбление москалей, например) или станет ареной опасных для государств-соседей внутренних распрей или плацдармом для третьей недружественной России силе. Когда заполыхает, будет дороже и украинцам и соседям. В XVII веке югу России уже приходилось принимать сотни тысяч беженцев из раздираемого «Руиной» Правобережья Днепра.

В каждой из трех частей Украины есть региональная элита. Достоверно известно, что неформальные лидеры центральной и юго-восточной элит ориентируются на Россию. Но они хотят знать, как поведет себя руководство России, если они заявят о разводе с Галицией. России надо сразу открыто и внятно заявить о том, чего в этой ситуации желают ее политический класс и народ. А он желает иметь на западной границе близких по вере и прежним столетиям совместной жизни спокойных соседей без галицийской фронды. «Братам» из Галиции надо настойчиво предложить прекратить свой оголтелый национализм. Никто не виновен в том, что они пока еще не доросли до зрелой государственности и потому вынуждены перебиваться в примаках у разных соседей. Может начать с автономии в составе «рідної» Польши? А через сотню лет и свое государство созреет. Тогда и в Европейский Союз пожалуйста, если он к тому времени не будет

разваливатся как СССР. Пока же надо воздержаться от заявлений и действий, вредных для отношений России с ЕС и НАТО, иначе кому-то из них придется использовать право на крайнюю необходимость и к галицийским провокаторам.

Для России дружественная Украина — мост в Европу. Нестабильная или не дай бог враждебная Украина — барьер между Россией и Европой. Барьеры такого рода Россия в своей внешней политике всегда устраняла любой ценой, так как для нее это фактор выживания и благополучия. Так поступил со шведским барьером Петр Великий, когда очистил от него юго-восточный берег Балтики и устроил там Питер.

Изложенное выше важно для понимания ситуации в ближней перспективе. В долгосрочном плане наш завет потомкам таков: добиться объединения России, Украины и Белоруссии в одно восточнославянское государство со столицей в Киеве. Из Питера она в Москву возвратилась. Пора возвращаться и в Киев, хотя бы президенту. Размещение Верховного суда в Питере, Президента в Киеве, Правительства и Парламента в Москве придаст устойчивую и сверхсовременную конфигурацию ново-старому государству и системе его верховной власти.

Соединить Калининградскую область с новым государством через Лаздияйский коридор (часть территории Литвы вдоль польской границы, как долг за Клайпеду, переданную ей безвозмездно в послевоенное время). Можно и выкупить, как когда-то у поляков Киев, или взять в многолетнюю аренду. Подобный договор есть у СССР с Финляндией на часть Сайменского канала.

Только в этих естественных границах наше восточнославянское Отечество будет развиваться мощно, спокойно, гармонично и, наконец-то, не в интересах своих и международных властей и соседей, а для благоденствия простых людей».

Закончив чтение, Горбачев непривычно долго молчал. Потом, как будто опомнившись, проговорил.

— Автор рассуждает так, как будто Союза уже не существует. Это для Ельцина и других сепаратистов просто подарок. Прямо подталкивает страну к развалу. Как у нас Солженицын со своим «Как нам обустроить Россию». Я на это не пойду. Буду сражаться за сохранение СССР до последнего патрона. Но только без применения силы, что противоречило бы основным принципам моей политической философии и морали ненасилия. Хотя Литва считает себя уже суверенным государством. Об этом Раисе Максимовне в приватной беседе заявила премьер республики Казимира Прунскене. И куда им уходить. Все так повязано. В

одиночку не выживет никто. Но, силой держать не стоит. Бесполезно.

— Почему, Михаил Сергеевич, в одиночку, — возразил Лукьянов, — как говорят, заграница им и поможет и примет к себе. И уже помогает, только КГБ спит и ничего не видит. Или бездействует, опасаясь обвинений в возврате к ежовщине и бериевщине. Что касается проблемы обновления федерации, я солидарен с мнением Бориса Павловича. До стабилизации положения в стране трогать коренные статьи Конституции о государственном устройстве крайне опасно. А если начнем процесс заключения нового союзного договора — страну точно погубим. В данный момент, когда все национальное так возбуждено, мы не сможем совместить суверенитета Союза с суверенитетами республик-государств.

— Не надо паники, процесс под контролем. Я думаю наоборот. Не проведем работы по обновлению федерации, Союз точно развалиться. Ведь она насквозь фальшивая и этого уже не скроешь. Готовьте проект нового союзного договора.

После этого обсуждения Курашвили покинул команду Шахназарова и написал уникальную работу под символичным названием «Страна на распутье», в которой подробно изложил план реформации страны по всем направлениям. Из печати она вышла в конце 1990 года. Но к этому времени даже самые лучшие планы уже никого не интересовали. СССР разваливался на глазах. И «пить боржоми» было поздно. Дело, как известно, после ГКЧП кончилось образованием уродливого СНГ.

Может хотя бы правящий класс новой России обратит внимание на труды выдающегося правоведа Бориса Курашвили. Там найдется что почерпнуть. Есть пророки и в нашем Отечестве. А от политологов-футурологов — этих политических экстрасенсов типа Шахназарова, правителям все-таки лучше держаться подальше.

Кнутом и пряником

Декабрь 1987 года. Столица США Вашингтон. Только что Рейган и Горбачев подписали первое конкретное соглашение о взаимном сокращении ракет средней дальности в Европе. Президент Америки уже был фигурой, уходящей с политической сцены. Через год заканчивался второй срок его президентства. На жаргоне американцев такая фигура называется «хромой уткой». К этому времени ему удалось достичь блестящих результатов во внутренней экономической политике, даже получивших в совокупности название «рейганомика». Но копилка внешнеполитических достижений оставалась почти пустой. Именно поэтому он так стремился к заключению этого соглашения. Теперь президент был доволен и поздравил советского партнера с этим успехом.

Горбачев тепло попрощался с Рейганом на крыльце Белого дома и в сопровождении вице-президента Джорджа Буша, направился к своему «ЗИЛу». Когда они подошли к лимузину, Горбачев неожиданно для себя и Буша пригласил его к себе:

— Джордж, садитесь в мой танк. До аэропорта еще можно пообщаться.

— Охотно это сделаю, — не отказался Буш.

Сидя рядом на широком сиденье-диване черного советского автошедевра, они заговорили о прошедших переговорах и будущих планах по сокращению вооружений. Затронули тему возобновления переговоров двух стран в Женеве. Советская делегация три года назад по команде Громыко в ответ на заявление США о программе СОИ, покинула переговоры. Теперь договорились их продолжить.

Вспомнили, как часто прежде бывал Буш в Москве по одному и тому же поводу — трижды представлял президента США на похоронах советских лидеров. И вдруг Буш резко сменил тему и заговорил о предстоящих в США 1988 году президентских выборах.

— Господин Генеральный секретарь, позвольте и мне обращаться к вам по имени. Я хочу сообщить кое-что. Но это должно остаться между нами.

— Разумеется, Джордж, — подтвердил Горбачев.

— Майкл, я буду баллотироваться на предстоящих выборах. И у меня неплохие шансы победить кандидата от демократов. Вы должны знать, что я искренне желаю улучшения наших отношений. Все семь лет вице-президентства я не разделяю жесткой линии мистера Рейгана. Но я вынужден свое мнение

держать при себе. Во время выборов мне тоже придется прибегать к жесткой риторике. Но как только я перейду в Овальный кабинет, мы с вами можем хорошо поработать. Во время войны я был летчиком и не хочу, чтобы эти ужасы повторились. Я согласен с вами, применение силы или угроза ее применения не может быть больше инструментом внешней политики (через два года он отдаст приказ американским войскам нанести удар по Ираку в Персидском заливе. — *С. П.*). Тем более, что никто не знает того предела в приготовлении к войне, после которого она становиться неизбежной. И еще, какие вы мне можете дать заверения, что перестройка будет успешной, чтобы я мог сообщить об этом американским бизнесменам, желающим вложить средства в Советском Союзе.

Горбачев недовольно посмотрел на Буша и неожиданно резко произнес.

— Я ничего не делаю напоказ и не пытаюсь подорвать ваши позиции, поразить или использовать вас. Я так поступаю, потому что это необходимо на благо общих интересов и ради той революции в моей стране, которую я начал и которая будет доведена до успешного конца.

Будь Михаил менее самоуверенным, он бы вспомнил предостережение Фиделя Кастро об извечной коварности «янки». Или хотя бы понять, что вокруг него успешно разыгрывается сценарий с добрым и злым следователем. Позже, когда Буш стал президентом, политика кнута и пряника будет доведена им до совершенства. И когда Горбачеву говорили, что надо более жестко реагировать на воинственные заявления Буша во время выборов и после уже в ранге президента и меньше ему доверять, он наивно твердил: «Я знаю, его сердце с нами». Как видим, своего шанса бывший директор Центрального Разведывательного Управления Джордж Буш не упустил, получив приглашение пообщаться наедине в автомобиле с нашим идеалистом.

Верхом цинизма явилось письмо Буша сразу после избрания его президентом, которое привез Горбачеву Генри Киссинджер. В нем он написал: «Прогресс в советско-американских отношениях, начатый при Рейгане, будет обязательно продолжен, но необходимо время, чтобы все взвесить и разобраться». Это кнут. И дальше обещание пряника: «Этот процесс может быть ускорен, как и наша личная встреча в верхах, если вы сообщите через моего посланца о готовности ослабить советский контроль в Восточной Европе».

Горбачев, давая почитать письмо помощнику по внешней политике Анатолию Черняеву, не мог удержаться от похвальбы собственной персоне: «когда такое было, чтобы не принесший

присягу президент США писал советскому руководителю еще до того, как въехать в Белый дом. Надо ему ответить, что мы ждем от совместной работы больших результатов».

Более года Буш оттягивал личную встречу под тем же предлогом «надо все взвесить и разобраться». В то же время в регулярных посланиях он поощрял Михаила к сдаче позиций по всем основным направлениям: по Восточной Европе, Прибалтике, Грузии, Украине, по Ираку и другим горячим точкам. Наконец он проявил «милость» и согласился на встречу «без повестки» на Мальте. Здесь собственно и произошла полная капитуляция Горбачева. После нее пал последний бастион советского блока — Румыния и на ней Буш получил добро на вхождение объединенной Германии в НАТО. Перед поездкой на Мальту в разговоре с помощником «друг» Джордж похвалялся: «я обрушусь на него (Горбачева. — *С. П.*), как полицейские на гангстеров. И я не собираюсь подстраиваться под те трудности, которые он там испытывает».

После этого они встречались дважды. И каждый раз Джордж держался с Михаилом с той «крутой любовью», с которой американцы относятся к трудным детям. Горбачев так и не смог разгадать в нем, за личиной доброжелателя, строгого родителя. Поэтому последний звонок с благодарностью за совместную работу в день ухода с поста президента СССР он сделал Джорджу Бушу. В разговоре Буш согласился попросить Ельцина не обижать Горбачева. И тут же сделал звонок Ельцину: «Мы и многие в мире будут следить за тем, как вы будете вести себя с Горбачевым и уверен, что вы не допустите его преследования в любой форме». Объективность требует признать, что благодарность американской и европейской элиты Михаил Горбачев заслужил и эксплуатирует ее до настоящего времени.

Архыз

По одной из легенд Архыз в переводе с карачаевского означает «прозрачный». Еще это чудное по красоте и климату место называют Полюс Ясности. И будто в издевку, в конце XX века, здесь произошло событие, которое иначе как Мутным не назовешь.

Самолет из германской столицы Бонна с бундесканцлером Гельмутом Колем приземлился во Внуково без опоздания. Было опасение, что из-за дыма от горящих торфяников придется садиться на запасной аэродром. Но обошлось. Природа не стала помехой. Хотя если бы она имела способность предугадывать последствия этого визита, то какое-либо непреодолимое препятствие могла бы устроить.

Встречать высокого гостя приехал сам президент СССР. Визит был рабочим. В таком случае полагалось встречать министру иностранных дел. Но Михаилу Горбачеву, уже пять лет ломающему основы прежней жизни страны, всегда нравилось поступать вопреки правилам. Да и повестка будущих переговоров была необычной. Можно сказать исторической. Предстояло обсудить условия объединения двух германских государств. Коль и Горбачев взяли на себя нелегкую задачу — перевернуть последнюю страницу в послевоенной истории. Первый обмен мнениями состоялся в шикарном особняке министерства иностранных дел на улице Алексея Толстого.

После приветствий и положенных для таких случаев любезностей, первым заговорил Коль.

— Господин Президент, прежде всего я и мои спутники хотим поставить один вопрос, от ответа на который зависит продолжение нашей встречи. Позвольте его сформулировать.

— Конечно, Гельмут. Но за таким началом должен последовать, как минимум, ультиматум. Или я ошибаюсь? Откровенно скажу, хотелось бы ошибиться.

— Дело в том, Михаил, что наш мандат на переговоры категорически не позволяет согласиться с одним возможным вашим требованием. Речь идет о запрете нашему объединенному государству быть членом НАТО. Если это так, то переговоры не имеют смысла и германская делегация должна покинуть Москву и возвратиться в Бонн.

— Неожиданное начало. Но я отвечаю так: «Мы летим на Кавказ, уважаемый бундесканцлер. И переговоры проведем в Архызе. Это на моей родине. Воздух там гораздо лучше московского».

Восприняв такой ответ, как принципиальное согласие Горбачева на вхождение объединяемой Германии в Североатлантический военно-политический блок, Коль соглашается на поездку в неведомый ему Архыз. Ради реализации главной мечты западных и многих восточных немцев об объединении он был готов лететь куда угодно. Вариант с Кавказом выглядел еще и символично — получить немцам желаемое именно там, откуда, после Москвы и Сталинграда, германские войска начали во Второй мировой войне самое массовое отступление, если не бегство. Разве игра не стоила свеч?

Накануне встречи в Москве завершился очередной съезд коммунистической партии. На нем Горбачев был вновь избран Генеральным секретарем. При этом по его инициативе, впервые в истории партии, не на Пленуме ЦК, а делегатами съезда, что выводило Генсека из-под контроля ЦК и Политбюро. И лозунг для этого он придумал соответствующий — «Вся власть партийным массам», после которого и был упразднен в Уставе партии странный по словосочетанию, но безотказно действующий принцип демократического централизма. Это новшество превратило парткомы всех уровней из руководящих органов в политические клубы. И это в условиях, когда Советы так и не стали реальными органами власти. Как результат страна скатывалась в анархию. Набирал силу сепаратизм.

Еще ранее в марте он стал Президентом страны. От таких сверхполномочий крыша могла поехать у любого. Похоже, поехала и у него. Потому что с самого начала переговоров с Колем он импровизировал больше обычного, игнорируя все предварительные установки Политбюро партии о принципах германского объединения. Главными из них как раз и было неучастие Германии в НАТО и запрет на продвижение этой организации на Восток. Но в это время Горбачев уже чувствовал себя и не Генсеком и не Президентом, а человеком-мессией. Шутка ли, он взялся завершить процесс, начало которому положили зубры мировой политики Сталин, Рузвельт и Черчилль. Так ему казалось. Но от великого до смешного, как известно, один шаг.

Действительно, положение Горбачева было скорее трагикомичным, чем великим. Если судить по результатам его деяний, то складывалось впечатление, что этот правитель требовал все большей власти только для уступок и сдачи своих позиций, но не для их укрепления. Даже для разрушения того, что он по Конституции обязан охранять пуще своей жизни. К тому же вокруг него стала образовываться пустота. Устав от его болтовни и нерешительности, соратники один за другим либо уходили из

политики, либо перебегали в лагерь Ельцина. Скоро рядом с ним останется одна Раиса. Но потом уйдет и она. Совсем, в другой мир. Когда вдруг поймет, что обожаемый ею Михаил, достигнув вершин власти, так и остался помощником комбайнера с дипломом выпускника МГУ. Но это в будущем.

После приземления самолета в аэропорту, Михаил с Раисой и Гельмут с делегациями пересели в вертолеты и отправились в Архыз.

Еще в 1968 году рядом с небольшим поселком в вековом лесу на берегу горной реки Большой Зеленчук была построена дача для Председателя Правительства СССР Косыгина. Иногда здесь отдыхали другие партийные и государственные деятели. Несколько раз приезжали сюда и Михаил с Раисой. Архыз и Домбай они любили больше других традиционных мест отдыха. Даже больше кисловодских «Красных камней». Но бывать в «камнях» Михаила обязывала необходимость в бытность главы региона обхаживать отдыхающих там московских руководителей.

Дача представляла собой скромный двухэтажный дом из розового туфа. Косыгин обычно отдыхал в одиночестве. Он занимал две комнаты метров по пятнадцать на втором этаже, много гулял по горным тропам и не любил, когда ему кто-либо пытался составить компанию. Однажды он отшил и Михаила с Раисой.

Тогда по инициативе Горбачева в конце 80-х рядом тоже из розового туфа была построена еще одна шикарная дача на три спальни. В ней и поселились Михаил с Раисой и Гельмут. Шеварднадзе разместили в косыгинской даче. Других членов делегаций поселили в одном из пансионатов поселка.

После отдыха прошла первая короткая встреча делегаций во главе Горбачевым и Колем. На ней сначала Горбачев, а потом Коль дали оценки внутренней и внешней политике двух стран и обозначили повестку дня переговоров. Михаил и тут не удержался от пафоса, заявив, что прошедший съезд партии по значению не уступает октябрьским событиям 1917 года. В доказательство сообщил об им же навязанных съезду решениях по коренной перестройке государства и радикализации экономических реформ в направлении перехода к свободному рынку.

— Нас ждут глубочайшие перемены, — заключил он.

— Да, господин президент, и в мировой политике наступил исторический момент, — мажорно продолжил Коль, — в том числе благодаря вашим мирным предложениям. Мы и наши союзники желаем, чтобы Горбачев имел успех. Что касается ФРГ,

то мы намерены оказать финансовую помощь СССР уже в ближайшее время, без задержки. О германских делах. К концу года Германия будет воссоединена. Также мы хотим, чтобы в течение года Советский Союз и объединенная Германия заключили всеобъемлющий договор.

Переговоры только начинались, а Коль говорил об объединении как о деле решенном. Как видно, он четко знал, чего ждет от этой встречи. И, наоборот, Горбачев как всегда лил воду. Но, к сожалению, не на свою мельницу. Его самоуверенность и в этом случае брала верх над разумом. Первый раунд переговоров завершили за полчаса.

Вечером Михаил и Раиса по давней привычке вышли на прогулку. Тропинка вдоль полноводной и бурной реки была очень узкой. Навстречу им шагали грузный Коль и стройный Геншер. Пришлось остановиться. И пока мужчины решали, как разойтись, Раиса сорвала рядом растущие цветы и со словами «Без поддержки Запада перестройка Горбачева погибнет», вручила их Колю. Немцы оценили такой неожиданный жест со стороны первой женщины СССР как сигнал о желании советской делегации обо всем договориться. Они не ошиблись. Раиса ничего просто так не делала.

На второй день в переговорах лидеров приняли участие с советской стороны Шеварднадзе, посол СССР в ФРГ Квицинский и заместитель председателя правительства Ситарян, с немецкой — руководитель МИДа, он же вице-канцлер Геншер и министр финансов Вайгель.

Горбачев начал встречу фразой, которую иначе как странной не назовешь: «Дорогой Гельмут, здесь мы можем спокойно и свободно поговорить». Она же проливает свет на его не менее странную фразу, сказанную при первой встрече: «Мы летим на Кавказ, уважаемый бундесканцлер… Воздух там гораздо лучше московского». Невольно возникает вопрос, от кого и зачем прятался глава государства в собственной стране? Еще более бы удивило, если не шокировало любого неравнодушного к судьбе страны, заявление Шеварднадзе:

«Было бы желательно согласовать основные положения договора к ноябрю. Нам трудно будет пропустить документы, связанные с объединением Германии, через Верховный Совет СССР, если не будет договора. Это очень существенный момент».

Судя по этим заявлениям Горбачева и Шеварднадзе, можно сделать вывод, что на самом деле переговоры шли об интересах не двух, а одной страны — Германии. А если учесть их результаты, то все сомнения на этот счет и вовсе отпадут. Переговорщики от СССР не смогли или не захотели добиться от

партнеров ни одной уступки. Западные немцы получили, и почти задаром, все что хотели: восточные немецкие земли; членство в НАТО; мизерную, по сравнению с возможной, компенсацию в 12 миллиардов марок по выводу советских войск из ГДР и размещению в СССР (советник канцлера Тельчик заявлял впоследствии, что немцы были готовы заплатить за объединение столько, сколько бы запросил Горбачев); устные, вместо твердых, договорных, обязательства о непродвижении НАТО на Восток. Теперь ее войска стоят у Пскова. Но самое главное, Горбачев и Шеварднадзе тайно сдали своего самого верного союзника — Германскую Демократическую Республику. Ее представителей на переговоры даже не позвали. Вот оказывается почему Горбачев пригласил бундесканцлера в далекий Архыз.

Соглашение о принципах объединения Германии было подписано на берегу реки за обрезком-столом из ствола огромного дерева. Сам стол и обрезки-стулья поменьше в качестве сувенира канцлер увезет к себе в поместье. А у реки теперь стоят их копии.

Когда Коль с делегацией улетели, Михаил и Раиса остались на даче. До отлета в Москву Михаил позвонил президенту США и доложил о результатах встречи с Колем, а потом неожиданно ушел на берег реки и долго сидел на стволе поваленной сосны. Не выдержав одиночества, Раиса подошла к нему, положила руки на плечи и тихо произнесла:

— Как же тебе непросто. Мне подумалось, что, по сути, все последние годы мы без передышки боремся со своим временем, сами с собой. И видимо тяжелее этого нет ничего. Что ждет нас в будущем? Так много неизвестного. Мне тревожно и почему-то впервые в жизни страшно.

Михаил погладил ее руки, глубоко вздохнул и, не отрываясь, продолжал смотреть на могучий и стремительный речной поток, который, как и он, все последние годы, никогда не мог остановиться и передохнуть хотя бы на миг. И никогда до конца не понимал, куда и по чьей воле его несет.

— Да, ты права. Дело, казалось бы, сделано. Европа вновь станет единой. Но на душе неспокойно. С потерей Германской Демократической Республики СССР лишился последнего союзника в Европе. Не могу пока полностью представить, чем в перспективе это обернется для нашей страны? Ничего, Ленин жертвовал большим, да и новое поколение немцев не должно бесконечно страдать от раздела страны…

В это время со стороны старой дачи появился Шеварднадзе и, попросив прощения за вторжение, сообщил о своем отъезде в Брюссель, где на встрече министров иностранных дел СССР, США,

Великобритании и Франции будут обсуждаться детали реализации только что подписанного соглашения по Германии.

— Михаил Сергеевич, утром я завтракал в том охотничьем зале, где около двадцати лет назад встречались мы с Вашим другом Зденеком Млынаржем. Тогда, именно в Архызе, мы думали как жить дальше, что надо в той жизни поменять, чтобы она стала лучше. И кто бы мог тогда предугадать, что спустя годы здесь же в Архызе мы, правда без Зденека, будем воплощать эти задумки в реальность.

— Да, Эдуард, я тоже об этом вспомнил, когда приехал сюда. Жаль, Зденек отошел от практической политики и последние годы не дает о себе знать. Есть информация, что он в заключении. Как это произошло, мне неизвестно.

Зденек после последней встречи с Михаилом в 1985 году стал работать в одном из подразделений Центрального разведывательного управления США на радио «Свобода», где у него вскоре произошел конфликт с руководством. Узнав о том, что США провоцируют Горбачева на вывод советских войск из Афганистана, чтобы потом войти туда самим, он из дружеских побуждений к Михаилу, а также из мести новому начальству, инкогнито, так как знал о болтливости друга не по слухам, отправил Михаилу материалы, подтверждающие эти намерения. Не зная, что материалы от Зденека, наш закоренелый идеалист посчитал их чьей-то провокацией и распорядился отправить президенту США в доказательство особо доверительных отношений. Ведь в то время американцы только и твердили о дружбе с Россией. В ЦРУ в результате расследования вышли на Зденека, и он был осужден на пять лет.

Видимо не зря говорят, что идеалист — это граната с выдернутой чекой. Взорвется обязательно. А кто при этом пострадает, наперед неизвестно. Но, скорее всего те, кто рядом. Кто им доверился. Это могут быть близкие, если идеалист лицо частное. Или целая страна, если идеалист правитель.

И еще. Можно ли доверять управление страной тем лицам, которые выше всего ценят семью? И почему они так бездарно управляют государствами? Тандем Михаила и Раисы — новое тому доказательство.

Важно также понять, как случается, что несколько человек разрушили то, что казалось непосильно целому войску. При этом людскому суду они оказались не подвластны, так как сами ничего не взорвали и никого не убили. А только изменили сами себе. Двух из них, Зденека и Раисы, на этом свете уже нет. Что они получили, и что получит третий на страшном суде, мы не узнаем.

Точно знаем только одно, что каждому воздается по заслугам его.

После ухода Раисы из жизни, Михаил долго не решался перебрать ее бумаги. Но спустя несколько лет отважился. Среди заметок, набросков к новой книге обнаружил и не отправленное к нему письмо. В нем среди прочего она сообщала своему Мише о том, что «каждый раз, когда они приезжали на дачу, ей хотелось попросить его дать указание, чтобы ворота перекрасили в ее любимый фиалковый цвет, так как теперешний черный напоминает въезд на кладбище. Но все забывала сказать…»

Двоевластие

Ближе к середине 1990 года сила властного воздействия на общую ситуацию в Союзе ССР Горбачева и Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина сравнялась. Сложилось двоевластие. Никто из них не мог править, игнорируя другого до августа 1991 года. Позиции Ельцина еще больше укрепились после 12 июня. Положение Горбачева, наоборот, пошатнулось, когда зимой 1991 года его покинули несколько важных фигур — Яковлев, Шеварднадзе, Шаталин и другие. Наши предки в подобной ситуации сказали бы: Горбачев уже едет с ярмарки, а Ельцин — на ярмарку.

Когда сегодня страна ежегодно празднует 12 июня, большинство людей не понимают, что празднуется. История его хотя и недолгая, но показательная. В 1992 году он был объявлен нерабочим без названия. Очевидно, уже тогда началось осознание какой-то его несуразности, если не сказать сильнее. С 1994 года он стал называться Днем независимости. С 1999 года — Днем принятия Декларации о государственном суверенитете. В 2002 году был переименован в День России в ранге главного праздника страны. Вот так за десять лет он прошел путь от безымянности к верховенству. Легкость и скорость, с какой меняются его названия, сами по себе уже вызывают вопросы: так что празднуется? Какого масштаба и значения событие стало к тому поводом? Не празднуем ли мы такое, чего должны стыдиться?

Причин, из-за которых случаются социальные катастрофы в жизни государств, много. Но главная из них — решения правителей. Если и есть общие законы истории, то из них с неумолимостью действует только один: успехи и неудачи народов жестко зависят от верховных правителей и их решений. Под верховным правлением подразумеваются единоличный или коллективный правитель.

В конце XX века был разрушен Союз Советских Социалистических Республик — «первое в мире рабоче-крестьянское государство». Это событие стало одной из крупнейших геополитических катастроф в мировой истории. Наша держава создавалась более тысячи лет тяжкими трудами многих поколений россиян и их выдающихся правителей. И только два из них за всю историю страны не смогли соответствовать своей миссии. Император Николай II, оставивший империю как надоевшую игрушку, и президент Горбачев. По выражению самого Горбачева, он за пять лет «перевернул страну» и бросил ее в костер «нового политического

мышления» — мировой демократической революции.

К этому времени СССР прямо или косвенно на протяжении более 40 лет контролировал половину мира и вместе с США составлял основу глобальной безопасности. В результате гибели Советского государства международные отношения снова оказались в том хаотичном состоянии, которое содержит в себе опасность очередной мировой войны. Следующие один за другим глобальные кризисы ее грозные и явные предвестники.

«События такого масштаба как ликвидация СССР мы должны анализировать» для того, чтобы понимать истинные причины и последствия таких катастроф, призывает нас один из лучших государственных умов лауреат Нобелевской премии Ж. Алферов. Какие же решения и действия верховной власти, стали роковыми для Советского государства? Кто персонально несет за это ответственность? Ведь издавна известно, что создают государства великие люди, а уничтожают их ничтожества.

Первый съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года принял Декларацию о государственном суверенитете (за нее проголосовало 535 депутатов, против — 531, всего на 4 голоса больше, чем необходимо по регламенту, которые и решили судьбу страны). Это произошло за полтора года до развала СССР, но, по мнению специалистов и политиков, стало первым и решающим шагом на пути к этой катастрофе. Как же могло решение верховного органа власти пусть и крупнейшей республики столь трагически повлиять на судьбу всего Союза?

Следует вспомнить, что в это время в СССР и его главной республике России было возрождено вечевое правление — съезды народных депутатов. По инициативе Лукьянова и с одобрения Михаила Горбачева в Конституции Союза и РСФСР были внесены изменения, в соответствии с которыми высшими органами государственной власти стали съезды народных депутатов — органы, подобные Вече и уже поэтому неприспособленные для этой роли. Народное Вече, как орган верховного правления в истории России и других стран, известно. Оно существовало недолго и показало свою непригодность, потому что, как правило, вырождалось в тиранию аристократии, борьбу кланов и заканчивалось хаосом и диктатурами. Однако именно эту форму правления избрал Горбачев, который, став руководителем Союза, очень скоро понял какой непосильный груз он взвалил на себя. Очевидно, это была его попытка на уровне подсознания «свалить» ответственность за неминуемые негативные результаты своего правления на крикливое, но слепое и глухое коллективное народное представительство. И это в условиях глубокого финансово-экономического кризиса, когда наоборот требуется

сверхоперативность в оценке ситуации и принятии важнейших решений. Каждому ясно, что съезд народных депутатов СССР, состоящий из 2250 депутатов (съезд народных депутатов РСФСР состоял из 1068 человек), для этой роли не подходит. Каждому, но не Горбачеву. Он уже действовал неосознанно в состоянии паники как отчаявшийся игрок. Как раз в это время, через два года после прихода к власти, он признал, что «мы не представляли сложности финансовых и экономических проблем, которые придется решать». После этого заявления и начинаются хаотичные политические реформы. В их числе внесение в декабре 1988 года названных выше изменений в систему высших органов государственной власти.

Действующая до этого система правления складывалась на протяжении десятилетий. Вначале она была похожей на предложенную Горбачевым. Но с 1936 года по причине громоздкости и неэффективности съезды Советов упраздняются. Неизменным оставался Договор об образовании СССР 1922 года, в соответствии с которым РСФСР была одним из учредителей нового союзного федеративного государства. Семьдесят лет он был прочной правовой базой жизни первого в мировой истории государства и общества, основанного не на частной собственности.

Каждая из входящих в СССР республик имела право свободного выхода. И конечно РСФСР тоже. Теоретически с выходом ее из состава СССР, он сохранялся. Но на практике это означало конец союзного государства, так как оно создавалось по инициативе и на базе РСФСР. Россия — костяк Союза и она не могла ни покинуть его, ни войти в него как бы заново без риска разрушения этой конструкции. Сложность и новизна этой государственной модели объяснялась также национальными и социально-экономическими особенностями объединяемых республик. И революционной ситуацией, в каковой оно происходило. Однако эта модель выдержала много испытаний, в том числе и в ходе борьбы не на жизнь, а на смерть с германским фашизмом. Очевидно, что она могла бы жить и дальше, если бы не возникла горбачевско-ельцинская идея обновления Союза; надо отдать должное мудрости ныне покойного лидера Украины В.В. Щербицкого, который был единственным, кто еще в июле 1988 года на заседании Политбюро заявил Горбачеву: «Не надо трогать союзный договор 1922 года и заключать новый. Это опасно».

К середине 1990-х годов прошлого века в СССР действительно начала ощущаться некоторая избыточность интеграции. Хрестоматийным стал пример ее проявлений, когда цена коробки

спичек, как и структура органов местной власти, определялись в Москве. Но в ходе изменений нельзя было выбрасывать из «ванны с водой и ребенка», то есть следовало устранять избыточность, а не ликвидировать сам Союз. Ситуацией воспользовались сепаратисты, которые везде и всегда ждут своего времени. Неожиданно активно повели себя великорусские сепаратисты во главе с Ельциным. Венцом их усилий стало принятие Декларации о государственном суверенитете как «естественном и необходимом условии существования государственности России…». В самом факте ее принятия были и странность и лукавство одновременно, потому что на это время Россия, как и другие республики СССР, государственным суверенитетом обладала. Но был он ограниченным (например, как сейчас у стран-членов Европейского Союза). Без ограничений суверенитета не бывает федераций и союзных государств.

РСФСР была образована в 1918 году. В это же время принимается и ее первая конституция. В ней, как основном законе, провозглашается и закрепляется государственный суверенитет, означающий контроль верховной власти над всей территорией и повсеместность действия на ней конституции и законов Российской республики, а также полная независимость в ее внутренних делах и в ведении внешней политики. Таково общепризнанное понятие государственного суверенитета.

С созданием в 1922 году СССР часть суверенитета РСФСР по договору с другими субъектами Союза на основании решения Всероссийского съезда Советов передавалась вновь образованным союзным органам верховной власти. Прежде всего, это касалось функций в области обороны, внешней политики, денежной и таможенной систем. То есть, действуя строго юридически, для восстановления в 1990 году своего суверенитета в полном объеме, необходимо было принимать решение о выходе из СССР, а не Декларацию о суверенитете. Но в этом случае пришлось бы наклеить себе позорный и крайне не популярный среди российского населения ярлык разрушителя СССР. Да и процесс выхода по закону мог растянуться на десятилетие. А это не совпадало с планами рвущихся к власти сепаратистов. Ведь впереди были выборы президента РСФСР. Вот тогда и пошли на лукавый вариант — принятие странной, но коварной по последствиям Декларации. Главное ее зло заключалось в том, что в пышных словесных декорациях пряталось внешне безобидное и даже половине депутатов съезда непонятное разрушительное для Союза положение о верховенстве республиканских законов над союзными (вспомним результаты голосования: 535 — за, 531 — против). Вопреки здравому смыслу законы части ставились выше

законов целого.

Ради исторической достоверности надо признать, что Ельцин и К° не были оригинальными. Первыми по пути подмены законной процедуры выхода ложными по сути декларациями пошли Литва, Эстония и Латвия. И к этому их подталкивал тот же Ельцин (в интервью телекомпании Ти-би-эс он в это время заявил «Надо дать им независимость). Последствия их решений для судьбы СССР не были фатальными, скорее ничтожными. Другое дело решение России. Оно прозвучало как сигнал к разрушению Союза. После этого события процесс его развала стремительно нарастал и стал совсем необратимым после принятия 22 июня этого же года I съездом народных депутатов РСФСР подготовленного лично Ельциным постановления «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР». Как легко и даже беспечно принималось это фатальное по последствиям решение или другими словами как наносился по Союзу удар «прямой наводкой», да еще в черный для народов СССР день 22 июня, рассказывает Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исаков. Приведем его слова полностью. Они того заслуживают. «Съезд шел к концу. В один из последних дней меня вновь вызвал Ельцин и вручил несколько густо написанных листков: «Вот написал ночью. Надо успеть принять». С трудом разбирая ломаный почерк, я переписал проект на машинке, исправив в нем неточности терминологии и явные погрешности стиля.

С первого взгляда было видно, что проект носит конфронтационный характер. Совет Министров РСФСР и большинство министерств выводились из подчинения союзного правительства. Он был обязан переходить на прямые связи с зарубежными странами. Учреждались российская банковская и таможенная системы. Запрещалось отныне перечислять налоги в союзный бюджет.

Постановление было вынесено на голосование в последний день работы. Уставшие от заседаний депутаты приняли его без обсуждения. Поверили на слово: «все будет нормально». Так за первым последовал второй еще более решительный удар в самые болевые точки Союза — банки, таможню и бюджет. По инициативе Ельцина 24 октября 1990 года Верховный Совет РСФСР принимает закон «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», подтверждающий приоритет республиканского законодательства над союзным.

Затем последовала цепная реакция парада суверенитетов. Последней из республик такую декларацию приняла Киргизия. До полного развала СССР оставался год, во время которого Горбачев

и Ельцин подобно нанайским мальчикам только изображали попытку подготовки и заключения нового договора о союзном государстве.

О том, что это была игра, видно из их следующих высказываний. Горбачев 2 июля 1990 года в политическом докладе на XXVIII съезде КПСС уже говорит не о союзном государстве, а заявляет о «необходимости настоящего Союза Суверенных Государств». А это уже никому не нужная аморфная конфедерация по типу СНГ. Ельцин 1 августа 1990 года на встрече с депутатами Верховного Совета Латвии браво заявил: «Надо разрушить этот вертикальный жесткий стержень. Разрушить — и идти на прямые связи. Россия возможно будет участвовать в Союзном договоре. Мы подготовили свой вариант о создании Содружества суверенных государств, имеющих основы КОНФЕДЕРАЦИИ. Фронт обороны трех прибалтийских государств, был все-таки маловат, а напор Центра был велик. И стала рядом Россия. И Центр уже серьезно забеспокоился. Ему сейчас наступать будет труднее на эту укрепленную цепь обороны». Не за эту ли оборонительную позицию русофобское руководство Латвии удостоило горе-полководца Ельцина высшей награды?!

Чего стоит в свете перечисленных выше актов и заявлений утверждение покойного ныне ельцинского подельника Е. Гайдара о том, что «Союз не был разрушен Декларацией от 12 июня, другими российскими законами и Беловежским соглашением, а они только фиксировали его распад». Лукавил Егор Тимурович. Государства это не радиоактивные материалы. Они сами не распадаются. Их разрушают правители — ничтожества, которых мы возводим на трон по своей доверчивости или они коварно захватывают его сами.

Так что мы празднуем 12 июня? Мутное и роковое для большинства бывших советских людей событие! Не пришла ли пора отправить этот «праздник» в музей истории для назидания живущим и потомкам. А истинным Днем Независимости по праву определить 4 ноября, тот исторический день, когда в 1612 году войска поляков были изгнаны из Москвы народным ополчением во главе с Мининым и Пожарским. И Россия вновь, после двух лет оккупации, стала действительно суверенным государством.

Таким образом, 12 июня ежегодно в России фактически празднуется установление в 1990 году двоевластия Горбачева и Ельцина, которое сложилось после принятия лукавой Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Агония

— Вы давно просили, чтобы нам втроем, без посторонних поговорить о проблеме Ельцина. Хотя не люблю я тайных посиделок. Это не мой стиль. Если уж открытость, то во всем. А вы втягиваете меня в интриги. Я тоже не люблю Бориса. Но он же не барышня, чтобы его любить. Народ ему доверяет. Избрал президентом России, и нам надо с ним считаться. Скажу честно, до избрания съездом народных депутатов меня президентом СССР, считал этот разговор в качестве Генсека преждевременным. Теперь другое дело.

— Согласен, — откликнулся Николай Рыжков, — считаться приходится, но вы его просто опекаете. В политике такое невозможно…

— Ну, ты меня будешь учить политике. Я в ней с младых ногтей. И все-таки странный у нас народ. Что творит Ельцин — уму непостижимо! За границей, да и дома не просыхает, говорит косноязычно, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!»

— А что тут странного, — включился в разговор Анатолий Лукьянов, — мы пытаемся вести народ к целям, нами же и намеченным. Естественно, они не всегда совпадают с народным желанием. Ельцин никого и никуда не ведет, а идет за обезумевшим от перестройки народом и не пытается его переделать. Поэтому мы чужие, а он свой.

— Анатолий, ты руководитель законодательной ветви, Николай — Председатель правительства, почему вы сами по своей линии каждый не ставите его на место, а идете с жалобами ко мне?

— Я не руководитель, а спикер, который организует работу Верховного Совета, но не командует им и тем более президентом одной из союзных республик. Ельцин нарушает Конституцию, он постоянно подстрекает прибалтийские республики к выходу из Союза, игнорирует союзные законы в финансовых вопросах. А гарантом Конституции является президент. Поэтому власть можете употребить только вы.

— Вот еще фортель. Министр финансов докладывает, что он распорядился не переводить в союзный бюджет налогов на сумму сто миллиардов рублей. Как прикажите кормить и вооружать армию, — добавил Рыжков, — непонятно чего мы ждем?

— Что тут не понятного, — откликнулся Горбачев, — он президент огромной и самой важной республики и к тому же избранный на всеобщих выборах. А мы, ты прав Анатолий, пусть

и высшие, но все же чиновники. За нас народ не голосовал.

— Что я вам говорил, — продолжал Рыжков, — нельзя допускать его избрания президентом РСФСР. А еще раньше разве не я был против его перевода из Свердловска в Москву заведующим отделом ЦК. Ведь до чего додумался: внес в свой парламент проект закона о верховенстве законов России над законами Союза. И депутаты его приняли. И вы как президент этот закон тоже не отменили. В этот день в Москве с визитом была Тэтчер. Так она у меня спросила, господин Рыжков вы понимаете, что если этот закон не отменить, союзное государство не сможет действовать.

— Было такое, признаю. Но теперь что руками махать. Он какой-то тефлоновый. Ничего к нему не пристает. Полез к чужой бабе, мужик его с моста в речку, а у него рейтинг вырос. Мол, Горбачев ему мстит. Поместили в газетах снимок, где он реально мочился на колесо самолета на виду у публики. Кричат: происки горбачевской прессы. У него опять рейтинг вверх. И в такой ситуации предлагаете давить на него? Пока рейтинг до небес не поднимется? Он и так на днях потребовал, чтобы я оставил пост президента СССР. Рыжковым тоже недоволен. О тебе, Толя, пока молчит.

— Так что, так и будем ждать, когда он нас всех разгонит? Это в лучшем случае. А то и посадит!? — озабочено произнес Лукьянов. Не знал он тогда, что ему действительно придется после разгрома Ельциным союзного путча попариться в тюремной камере. А Рыжков, вероятнее всего, избежал такой участи «благодаря» инфаркту и вынужденной отставке со своего поста.

— И что ты предлагаешь? Какие действия? Я не вижу, как реально можно его остановить. И надо ли это делать. Мы даже не сможем инициировать против него импичмента. Российские депутаты на это не пойдут, тем более после принятия Декларации о государственном суверенитете. Мы для них временщики, от которых надо быстрее избавиться. Ельцин открыто ведет дело к выходу из СССР. После его заявлений и начался парад суверенитетов. Уже районы требуют статуса республики.

— Надо обязательно заставить его прекратить «войну», которую он ведет против союзных законов. Для этого требуется срочное создание Конституционного суда. Необходимо искать выход из этой дурацкой и опасной ситуации, — продолжал возмущенно рассуждать Лукьянов, — тогда мы сможем обращаться в необходимых случаях в суд за признанием актов Ельцина и Верховного Совета России, противоречащими Конституции СССР. А пока надо пользоваться указами президента хотя бы для приостановки таких актов.

— Уже пробовал. Плюет он на них.

— Может возвратить его туда, откуда он взялся, на Урал. Или еще дальше. Как вариант, подошел бы и домашний арест, — не успокаивался Рыжков.

— Ты это брось. Репрессий, пока я президент, не будет.

— Но вы постоянно твердите, что перестройка по сути революция и при этом часто ссылаетесь на Ленина, обращаетесь к его политической теории и практике. Но разве он не учил, что революции в белых перчатках не делаются… Зачем тогда вы взялись руководить страной и развязали революцию, если не готовы к применению насилия. Позвали нас за собой, а теперь пасуете перед нахалом и преступником. Тот же Ленин говорил, что лишь тогда революция чего-нибудь стоит, если умеет защищаться. Ельцин ни перед чем не остановится, будьте уверены. Или вы, простите, с ним заодно, а нам морочите головы.

— Ну, Николай, тебя понесло. Я же сказал, его выбрал российский народ, а для меня мнение народа, пусть и странное, превыше всего. И моих амбиций тоже. Чего ты, вдруг заподозрил, что я с ним заодно?

— Нужны факты, пожалуйста. Вы и Верховный Совет одобрили экономическую программу правительства, а потом за моей спиной заключаете с Ельциным соглашение с курьезным названием «500» дней, подготовленное мальчишкой Явлинским, которое во всем противоречит нашей программе. Дальше, на переговорах по новому союзному договору, не знаю, кто вообще до него додумался в такое время, вы уступаете ему позицию за позицией. Скоро от Союза останутся рожки, да ножки. Кстати, кроме меня, члены правительства в глаза не видели этого договора. Объясните нам, куда вы ведете. Просто в голове не укладываются ваши действия. Так высшие руководители не поступают… Вы, как будто играете. В политику, с нами… Я дальше так не могу и ухожу в отставку…

— Стой, стой, Николай! Не горячись. Это как же получается. Просились на встречу для обсуждения Ельцина, а взялись за меня. Ты, Анатолий, тоже так думаешь?

— Да, Михаил Сергеевич, к сожалению… Верховный Совет непонятно почему отстранен от работы над новым союзным договором… И, вообще, мы межнациональные эксцессы приняли за кризис между республиками…

— Вот как, может уже и заговор против меня готов?

— Заговора нет. Мы на это не пойдем. Но за других не готовы поручиться. Есть еще вариант, как взять ситуацию под контроль. Уверен, к нему страна не то, что созрела, а перезрела. И в экономике и в политике. Слово за вами. И ваши перчатки точно

белыми останутся. Надо вводить чрезвычайное положение. В таких условиях можно приостанавливать действие любых нормативно-правовых актов Союза и республик. Возможны и другие ограничения.

— Предположим, я введу, но потом надо получить одобрение Верховного Совета. Думаешь, пройдет?

— Уверен, депутаты поддержат. Я знаю их настроения…

В этот момент раздался звонок красного телефона. По нему звонила только Раиса.

— Приветствую. Когда домой? Да, заговорились мы. С кем и о чем? С ультиматумом ко мне пришли Лукьянов и Рыжков. Требуют что-то делать с Ельциным. А не то… Вот, вот, а не то тебя скинем… Ты не права, Николай меня уговаривал не выдвигать Бориса. А я, дурак, Лигачева послушал. Ладно, еду. Продолжим дома. — Положив трубку, он поднялся из-за стола и подошел к тем, кого уже давно списал со счетов, но продолжал делать вид, что они остаются соратниками.

— Раиса Максимовна его не переваривает больше вашего. Он же во всех бедах ее публично обвиняет. Мол, не Горбачев, а она руководит балом перестройки. И даже кадры сама расставляет. Если бы так было, он бы первый у нее не прошел. А я не разглядел в нем разрушителя и властолюбца… Николай, если насчет отставки ты серьезно, я ее принимаю, кого вместо себя рекомендуешь? — с явным облегчением произнес Горбачев.

— Министра финансов Павлова, — с таким же облегчением ответил не задумываясь Рыжков.

— Все, на этом закончим. Буду думать, — подвел итог тягостной для всех встречи, Горбачев.

Вечером на прогулке Михаил подробно пересказал Раисе содержание беседы с Лукьяновым и Рыжковым. Она повозмущалась их нахальством, напомнила, как не хотела назначения друга Толи спикером советского парламента, обрадовалась отставке Рыжкова, а потом посоветовала.

— Чего надумали. Хотят, чтобы все сделанное ты порушил своими руками. А что в мире скажут. Знаешь что, поступи так. Скажи Крючкову, чтобы он готовил все, что требуется к введению ЧП, а вводить не спеши. Ведь без тебя его никто не сможет ввести. А нам надо отдохнуть. Приедем, тогда и решишь окончательно. По обстановке. Может все уляжется. И еще, ты мне рассказывал о подземных выходах из ЦК и Кремля. Не забудь ему сказать, чтобы проверили и привели их в порядок. На всякий случай. Вспомни судьбу Чаушеску.

— Рая, давай нарушим традицию и поедем в отпуск вместо августа в сентябре, после подписания нового Союзного договора.

Уж больно все напряженно. Сентябрь, в Крыму, золотая осень. Давай так сделаем.

— Нет, после такой напряженной работы отдых откладывать нельзя. Это опасно для твоего здоровья. Подписание договора уже формальный акт. Поручи подготовку церемонии Шахназарову или Ревенко и в конце июля едем. А когда подпишешь указ об отставке Рыжкова и назначении нового премьера?

— Сегодня, как фельдсвязь доставит проект, так и подпишу. С Павловым уже говорил. Он согласен.

Утром из машины по пути в Кремль Горбачев позвонил Крючкову и попросил срочно подъехать к нему. Этот маленький, круглоголовый, с невнятной дикцией, нерешительный пожилой человек уже почти два года возглавлял КГБ. Когда пришлось забрать на работу в ЦК Чебрикова, Михаил никак не мог решить проблему с его заменой. Из партийцев не видел никого. Хотя такой вариант был бы самым удачным. Когда-то Брежнев направил руководителем КГБ секретаря ЦК Андропова и не прогадал. Чебриков при уходе рекомендовал заместителя Бобкова. Но он курировал борьбу с диссидентами и в глазах зарубежной публики и правозащитников был душителем свободы. Другой заместитель Крючков курировал разведку, а до этого долгие годы работал у Андропова помощником и начальником канцелярии. Это и определило окончательный выбор. Странный выбор — канцеляриста в руководители спецслужбы. Хотя чего странного. Был же канцелярист Черненко руководителем партии и государства.

Впрочем, подобных и других странностей в жизни не перечесть. Как известно в одно и то же время страной руководил Брежнев, а комитетом госбезопасности — Андропов. На Кутузовском проспекте Москвы есть дом, где жили эти два видных государственных деятеля. На нем одно время было две мемориальных доски. Потом осталась одна, текст которой извещает публику о том, что здесь жил Андропов. Памятную доску с таким же текстом о Брежневе почему-то сняли. Для многих это непонятно. Оба были деятелями примерно одного масштаба. Кроме как служением делу коммунистического строительства ничем другим себя не скомпрометировали. В личной корысти замечены не были. Политическую, идеологическую и экономическую свободы зажимали на пару. По статусу Андропов долго ходил в подручных у Брежнева, то есть фигурой был более мелкой. Но почему-то при перестройке андроповскую доску оставили, а брежневскую, — сняли. А может,

дело в том, что Брежнев руководил СССР 18 лет и, конечно, всем надоел. Андропов успел «порулить» только один год и, наверное, остался в общественном сознании руководителем-надеждой, которому якобы только тяжкая болезнь и смерть помешали исполнить все обещанное при вступлении на высшие государственный и партийный посты. Хотя известно, что основным достоинством политика является ни верность данным обещаниям, а умение без ущерба для карьеры объяснить причины неисполнения таких обещаний. Имеет право на жизнь и третья версия, согласно которой Горбачев, затеявший пересмотр всех советских ценностей в ходе перестройки, не мог забыть, что своим возвышением он был обязан землячеству с Андроповым и его протекции. Вот и не поднялась рука на память о благодетеле. А может, и землячество здесь ни при чем.

Русские, народ непредсказуемый и нелогичный. Вспомним классическое: «Умом Россию не понять…». Действительно, можно ли понять, почему в Москве, в разные времена поставлены памятники двум гражданам, совершившим по отношению к ней прямо противоположные действия. Один сдал Москву врагу, а потом и Наполеона упустил. Это Кутузов. Правда, объяснил этот ужасный для москвичей маневр, стратегической необходимостью. Другой — Москву от врагов защитил. Это Жуков. И оба увековечены. Очевидно, так же нелепо произошло и с памятными досками ушедшим из жизни выдающимся советским руководителям.

И так почти во всем. Пятьдесят лет при царях и еще больше при коммунистах держали крестьян в общинах, вместо того, чтобы сразу после отмены крепостного права открыть дорогу фермерству. Крестьянская несвобода породила хронический дефицит продуктов. Сотни лет, несмотря на невиданные в мире свободные территории, не разрешали и не разрешаем людям свободно селиться, строить дома, что привело к нерешенной до настоящего времени жилищной проблеме. Сотни лет гнали своих сынов завоевывать новые земли, а свою, почти от Курска и до Днепра, а на юге до Одессы задаром отдали соседям. Потом решили, что мало. Отдали и Крым. Сейчас почти за спасибо обеспечиваем газом половину республик бывшего СССР, а российские пенсионеры и работники получают крохотные пенсии и зарплаты. Такое понять умом тоже нельзя.

В годы перестройки после многих десятилетий строгостей в печати, когда секретными были даже сведения о надоях молока не фуражную корову, объявленная Горбачевым гласность вывалила на страницы газет и журналов море прежде закрытой

информации. Лидировала по этой части любая информация о КГБ. Особое место занимали сообщения перебежчиков из числа бывших сотрудников этого ведомства. Но интерес вызывали и другие, такие, как вот эти довольно простые заметки сотрудника под названием: «ЧК — вооруженный отряд партии». Они также проливают свет на особенности, и даже странности, того времени: «Принимавший меня в связи с зачислением на службу начальник управления госбезопасности по Краснодарскому краю генерал Смородинский был человеком колоритным. Крупная, покрытая красивой сединой, голова прочно сидела на его невысокой, но крепко скроенной, сбитой фигуре. Говорил он медленно, со значением, повторяя бархатным баритоном наиболее важное из сказанного. Чувствовалась привычка к самоконтролю. Как мне потом рассказывал один из постоянных участников партийных посиделок — заседаний бюро крайкома партии, эта привычка Смородинского принимала нередко карикатурные формы. На заседаниях, он либо молчал, либо многозначительно кивал головой, либо, подобно известному литературному персонажу, произносил «да уж», а чаще всего сакраментально изрекал, что вопрос сложный, торопиться не стоит и необходимо посоветоваться с Москвой. Благодаря этой выработанной, а может и природной осторожности, генерал сделал славную карьеру, пройдя путь от слесаря уральского завода до руководителя одного из крупнейших в стране управлений госбезопасности. К началу 80 годов в штате управления служило и работало свыше шестисот сотрудников, из них более пятисот были военнослужащими. Кроме Краснодара, на начало 1974 года подразделения управления располагались в Майкопе, Сочи, Новороссийске, Армавире, Кропоткине, Ейске и Туапсе. Каждое из этих подразделений решало и общие и специальные задачи, обусловленные конкретной, как говорили и писали тогда в документах, оперативной обстановкой.

Общей для всех задачей, которая впрочем как и другие была «вне закона», так как какого-либо закона в сфере госбезопасности никогда не было, являлось выявление и обезвреживание агентуры противника. Акцент в то время делался на агентуре США и других стран НАТО, стремящихся к политическим и военным секретам СССР. Второй, а потому как жестко за нее спрашивал Центр, то есть Москва, на самом деле главной, была задача борьбы с идеологическими диверсиями того же противника. На этом направлении из-за сравнительной легкости достижения результатов особенное рвение проявляли сотрудники с явно карьеристскими наклонностями. Этих, как и везде, в органах госбезопасности хватало. Из них, как правило, подбирались

руководящие кадры КГБ. Другим их источником были партийные работники, что обеспечивало партии надежный контроль над органами.

Вопреки охотно тиражируемому бывшими сотрудниками госбезопасности мнению, что руководство и сотрудники КГБ были хорошо осведомлены о реальном положении дел в стране, и что партия не давала им развернуться в борьбе с негативом, боясь их усиления и выхода из под контроля, фигура Смородинского была наглядным примером противоположного положения — полного отрыва органов партии, государственной власти и, в том числе госбезопасности, от реальной жизни. Об этом на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют такие эпизоды. Водитель Смородинского весельчак и балагур Володя Перешейнос, рассказывал, что, готовясь на пенсию, генерал часто расспрашивал его о всяких «мелочах» жизни. Из этих расспросов было понятно, что генерал не знал того, что коммунизм в стране так и не наступил и при поездках на общественном транспорте по — прежнему надо платить, что мясо в магазинах давно продают, в основном, с черного хода, что нельзя купить без блата бутылку шампанского к Новому году, хорошую книгу или букет цветов, что если бы не спекулянты, многие граждане так и не узнали до конца жизни о джинсах — чудо-одежде XX века. Дежурный по управлению однажды получил от этого генерала уже пенсионера, телефонный звонок, с сообщением о массовых беспорядках на рынке, которые при проверке оказались, обычной в те времена, потасовкой в мясной очереди.

Как же так, скажете вы, в органы поступало через осведомителей море, океан информации, а реальной жизни в них толком не знали. И будете правы. Что касается моря или даже океана информации. И будете не правы, одновременно, потому что никто эту информацию по-настоящему не обрабатывал, не анализировал и не оценивал. До 1980 года в Краснодарском управлении в штате информационно-аналитического подразделения состояло два сотрудника. Один офицер и один вольнонаемный. Однако анализом в их работе и не пахло. Майор Масякин готовил доклады Смородинскому и любил в связи с этим повторять: «Зарплата у меня майорская, а думать надо как генерал».

Примерно такое положение с аналитической работой было и в других управлениях, да и в Комитете в целом. Кроме этого сотрудники с «младых ногтей» приучались «отсеивать» информацию, которая могла не понравиться начальству в Москве — в Комитете госбезопасности и в ЦК КПСС. Например, одним из грандиозных хозяйственных проектов того времени была

компания, инициированная Брежневым и Косыгиным, по превращению Кубани в рисовый регион. Однако уже в первые годы ее реализации от осведомителей из рисосеющих районов поступала информация о низком качестве такого риса, о приписках в урожайности и о страшно вредном экологическом воздействии гербицидов и удобрений на природу Кубани, и, особенно, Азовского моря. В связи с этим вспоминается одно оперативное совещание, которое проводил уже преемник Смородинского генерал Василевский.

Докладчик сообщил, что подполковник Харчиков, начальник одного из вновь созданных подразделений КГБ, в оперативной справке сообщает о негативных сторонах рисовой кампании. Василевский остановил докладчика и, найдя глазами в зале Харчикова, поднял его. При всем руководящем и оперативном составе преподал ему и другим урок на предмет того, что руководство управления назначило Харчикова начальником районного отделения не для сбора негативной, злопыхательской информации противников рисовой кампании, а для оперативного обеспечения чекистскими средствами важной хозяйственной задачи по увеличению производства риса. Такие «уроки» даром не проходят. Все, а в первую очередь карьеристы, поняли, какую информацию «по рису», да и в других случаях, ждет от них начальство.

А вот эпизод, характеризующий «качество» информации, подаваемой органами госбезопасности «наверх». В те годы, после каждого Пленума ЦК КПСС органы собирали так называемое «реагирование», то есть реакцию народа на решения Пленумов. Не помню, на какой Пленум собиралась реакция в тот раз, но помню хорошо, как некоторые сотрудники «собирали» эту информацию. Однажды я обсуждал дела с начальником отделения второго контрразведывательного отдела майором Крыловым. А надо заметить, что контрразведчики особенно не любили заниматься сбором информации о реагировании. Они считали такую работу делом «ОХРАНКИ» — ПЯТЫХ ПОРАЗДЕЛЕНИЙ. В это время раздался звонок внутреннего телефона. Крылов переговорил по телефону, положил трубку, грязно выругался и попросил у меня паузу для важного неотложного дела. Затем набрал по городскому телефону номер, с почтением поприветствовал поднявшего трубку корреспондента, успев сообщить мне, что звонит теще, и поинтересовался, была ли она сегодня во дворе и общалась ли с подружками. Получив утвердительный ответ, он спросил ее, что во дворе говорят о решениях только что прошедшего Пленума ЦК КПСС. Окончив разговор, смеясь, сообщил мне, что его теща и соседки Пленум

одобряют, и он поэтому подаст наверх донесение о положительной реакции населения на решения Пленума. Случай частный, а говорит о качестве информации красноречиво.

Первый рабочий день в управлении был отмечен необычным событием. Назвать его рядовым никак нельзя. Не успел я расположиться за рабочим столом в новом для себя кабинете, как в дверь постучали. Я откликнулся. Дверь резко открылась и в кабинет зашел широколицый, сероглазый сотрудник.

— А вы чего не идете в зал заседаний, — заговорил он без приветствия, — там сейчас заместитель Андропова будет проводить совещание. Все должны быть. Да, забыл представиться, — спохватился он, — майор Борисов, ваш сосед. — При этом он широко улыбнулся и развел руки, как бы для объятия. До объятий, однако, дело не дошло.

В зале, большом и торжественном, почти все места были заняты. Отыскав свободные, мы с майором Борисовым уселись, и я стал оглядываться. Первые ряды перед возвышением, на котором стоял огромный стол с двумя рядами стульев, были заняты явно важными фигурами. Эта важность проявлялась в осанке и одежде. Борисов, как будто прочитав мои мысли, объяснил, что это руководители органов госбезопасности республик, краев, областей юга СССР. Над столом, на заднике сцены было два лозунга. Первый гласил, что «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться». Второй провозглашал основной этический, как позже я себе уяснил, постулат сотрудника госбезопасности о том, что «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Под первым стояла подпись — Ленин, под вторым — Дзержинский. Подумалось, наверно прав тот поэт, который провозгласил в свое время стихотворную формулу о бесконечности революции: «Есть у революции начало, нет у революции конца». При таком подходе защитникам революции безработица не грозит в принципе. Это радовало. А второй лозунг заставил меня невольно посмотреть на себя со стороны на предмет соответствия моей головы, сердца и рук чекистскому ремеслу. В результате стало немножко не по себе. С сердцем было проще. Пока жив, оно и должно быть горячим. А вот голова и руки показались не вполне холодной и чистыми. Вспомнился глупый побег из дома в Одессу подростком с романтической целью устроиться юнгой на пароход. Стало не по себе от мыслей о подарках и сувенирах, которые иногда принимали на предыдущей работе мои теперь чекистские руки. Успокоил себя тем, что денег и крупных подарков, несмотря на неоднократные предложения, не брал.

В самый пик моего самоанализа из боковой двери на сцене появились три, по виду, совсем важные персоны. Первым шел, как пояснил Борисов, заместитель председателя КГБ СССР Чебриков. Был он высоким, светловолосым, худощавым, лет шестидесяти. На крупном лице выделялся горбатый нос и очки в черной оправе. Такой себе орел славянской национальности.

За ним, чуть отступая, горделиво шествовал персонаж мне хорошо знакомый. Совсем недавно он своим решением связал мою судьбу с КГБ. Человек со сладкой фамилией — хозяин Кубани, первый секретарь крайкома партии Медунов. Его появление в управлении госбезопасности, как я понял позже, случалось нечасто. По традиции один раз в году он бывал обязательно — на подведении итогов работы за год. А потом, как сложится. Однако, участие в мероприятиях, на которые приезжали из Москвы руководители КГБ, было делом святым. Партия давно вышла из-под опеки органов госбезопасности, но в частном порядке «настучать» в Москву о проделках хозяина региона чекисты очень даже могли. Поэтому все партийные лидеры сверху донизу предпочитали с органами дружить. В свою очередь, руководители органов КГБ стремились к близости с партийными лидерами, так как для их карьеры такая близость была также крайне полезной. Партийные начальники, как правило, были людьми опытными, благоразумными и при контактах с чекистами старались не вникать в их «кухню». Участие в разных чекистских мероприятиях было для них что-то наподобие роли «свадебных» генералов. Во-первых, чтобы не чувствовать себя профаном в конкретные дела не лезли. Это же не сельское хозяйство или медицина, где все кажется понятным. Во-вторых, из принципа: меньше знаешь, спокойней спишь.

Вот и сейчас Медунов появился в управлении, зная, что заместитель по возвращении в Москву, обязательно будет докладывать Андропову о поездке в Краснодар, а тот, глядишь, не забудет сказать Брежневу при случае, что Медунов органы уважает. Невелик капитал, так ведь курочка по зернышку клюет. Впоследствии, жизнь показала, что это ему не помогло. Когда Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, то есть хозяином страны и те же чекисты из Краснодара доложили ему о приписках и коррупции в крае к которым, хотя и косвенно, был причастен Медунов, реакция была безжалостной. Его сняли со всех постов и отправили в почетную ссылку на работу «десятым» заместителем министра плодоовощного хозяйства. Но это потом, через несколько лет, а сейчас, он хотя и чуть пропускал Чебрикова вперед, но все же заметно демонстрировал, кто здесь настоящий хозяин. Это проявлялось и в походке и в уверенности,

с какой он занял центральное место за столом. Третьим, с достоинством, но с заметным почтением к высоким гостям — начальникам, ближе к краю стола уселся Смородинский. И генерал-лейтенант Чебриков и генерал — майор Смородинский были одеты в штатское. Как я понял позже, это тоже дань традиции. Негоже чекистам демонстрировать свои мундиры и регалии в присутствии партийных начальников в штатском. Как не крути, а пиджак всегда выглядит бледнее генеральского мундира. Исключение делалось только в праздничные дни. Например, каждый год 20 декабря, когда партийные начальники, правда, редко первые лица, обычно вторые, третьи секретари парторганов, приходили к чекистам поздравлять их с очередной годовщиной создания органов защиты революции — ДНЕМ ВЧК — КГБ. Тогда все сотрудники должны были быть в парадной форме. В праздник затмить блеском мундиров штатские пиджаки гостей, пусть и высоких, партийных, не считалось нескромным. Между тем Смородинский объявил тему совещания: «Экономика страны и роль органов КГБ в повышении её эффективности» и предоставил слово для доклада Чебрикову.

Теперь мы все знаем, что к середине 80 годов экономика СССР была в глубокой стагнации. Технологическая отсталость, непроизводительные расходы, невероятно огромные объемы бракованных изделий, ужасные потери при производстве и переработке сельхозпродукции и как следствие низкие темпы прироста валового внутреннего продукта. А тогда никто об этом открыто не писал и не говорил. Да и Чебриков, характеризуя экономическую ситуацию, больше пользовался общими выражениями. Конкретного сказано было мало. Поэтому составить полную картину из его доклада было нельзя. Перелистывая свою старую записную книжку, я обнаружил, что в тот день на совещании я записал только три цифры: 1. Прирост ВВП за 1973 год составил всего 1,2 %. Потери урожая от поля до прилавка около 30 %. Брак изделий легкой промышленности составил более 1/3 от объёма. Слушать такие цифры было неприятно. Хотелось услышать, а что же делает правительство страны для исправления ситуации. Однако, когда Чебриков стал говорить о путях выхода из тупика, я был несколько удивлен. Не помню реакции других, а мне, человеку, который ежедневно сталкивался и решал проблемы экономики на уровне городского хозяйства, странно было слышать то, что он предлагал. Впервые я услышал, как опытный, высокого ранга государственный деятель утверждал, что многие проблемы экономики можно решать чекистскими средствами. Только для этого необходимо создать новые подразделения по оперативному обеспечению

промышленных предприятий, а также транспорта. А ещё он сообщил, что уже принято решение увеличить количество местных подразделений КГБ и создать их в большинстве городов и районов для сбора информации на всех объектах народного хозяйства, в том числе сельского. Закончил Чебриков тем, что КГБ СССР и ЦК КПСС очень надеются на чекистов, на их помощь в повышении эффективности советской экономики. После, как положено, выступили представители всех регионов. Они дружно поддержали и саму идею более активного подключения чекистов к решению экономических проблем и, особенно, планы по созданию новых подразделений. Итоги совещания подвел Медунов. Он попросил Чебрикова передать глубокоуважаемому товарищу Андропову, что чекисты Кубани при поддержке краевой парторганизации с честью выполнят поставленные перед ними новые задачи.

На выходе из зала, после окончания совещания, импульсивный и, как потом выяснилось, доверчивый Борисов, придержал меня за рукав и довольно громко сказал: «Плохо дело в стране. Чекистов всегда подключали к решению самых запущенных проблем». Я с ним внутренне согласился, но, внешне никак не откликнулся, помня напутствие одного из ветеранов НКВД, что в органах нельзя доверять даже себе.

Через несколько дней из Москвы пришло указание о создании в краевом управлении транспортного и промышленного подразделений, а также шести новых отделений в Тихорецке, Тимашевске, Анапе, Геленджике, Белореченске и Павловской. В управлении было сформировано также разведывательное подразделение. Его назвали, чтобы не путать с внешней, разведкой с территории. В нашем случае имелась в виду территория Краснодарского края. Позже, в управлении появилось еще одно достаточно необычное для того времени подразделение. На него возложили функции контрразведывательного обеспечения деятельности органов внутренних дел. А попросту говоря, по контролю за работой милиции. Уже тогда преступность среди милиционеров стала зашкаливать. И чтобы хоть как-то сбить этот рост, в ЦК партии решили взять их под колпак КГБ. В прошлом, с 1930 года и до смерти Сталина, чекисты «опекали» милицию. При Хрущеве посчитали это неоправданным. Теперь возвращались к старому. И как показала жизнь не зря. Начиная с центрального аппарата МВД и по всей стране, за короткий срок сотрудники новых подразделений выявили тысячи оборотней в погонах. Среди них был и министр Щелоков. Чекисты Краснодарского края вскоре разоблачили банду из тринадцати сотрудников МВД, которую шесть лет возглавлял капитан

Савелов — начальник уголовного розыска одного из городских отделов УВД края.

Так, к девяностым годам, сложилась андроповская структура оперативных подразделений органов КГБ, которая уже не менялась до самого конца этой в чем-то могучей, а в чем-то беспомощной спецслужбы-защитницы, как казалось тогда, бесконечной революции.

Начал Крючков свою деятельность на посту Председателя КГБ с курьеза. По окончании XIX партконференции на коллегии ведомства он настоял на принятии решения о не допущении в стране организованной оппозиции (в духе старорежимного «держать и не пущать»). Когда оно пришло в органы, там не знали как его выполнить, не нарушая противоположного решения только что принятого на Всесоюзной партконференции. В нем коммунисты были обязаны, а сто процентов чекистов были коммунистами (!), укреплять плюрализм, создавать условия для формирования многопартийной системы. В условиях которой, понятно, без оппозиции не обойтись. Естественно, из органов в Центр посыпались запросы: как быть, что выполнять? Нашли такой выход. В устных разъяснениях рекомендовалось проявлять больше бдительности только в отношении радикальной оппозиции. Так и выкрутились. В ЦК партии это решение коллегии не послали, впервые нарушив строгий порядок.

— Владимир Александрович, как обстановка в стране?

— Михаил Сергеевич, очень сложная. Сепаратисты рвут ее на части. Но у нас руки повязаны. Мы только отслеживаем обстановку. Разрешите ударить по самым оголтелым. Может, и другие одумаются. В ряде республик мы уже не владеем ситуацией. Особенно в Литве, Грузии, в западной Украине.

— Нет, не будет этого. Мы отказались от применения силы вовне, а ты хочешь внутри давить. Пока я у власти, не позволю. Конституция гарантирует право наций на самоопределение вплоть до выхода. Так что, мы будем преследовать тех, кто хочет воспользоваться этим правом. Надо использовать агентуру влияния из числа авторитетных фигур и убеждать народы в пагубности разрыва вековых связей. На это я нацеливаю и парторганы. Хотя многие из них бездействуют или подыгрывают националистам, как первый секретарь ЦК Бразаускас в Литве.

— Уже не получается так влиять. Это становится опасным. И мы не можем подставлять уважаемых людей. Есть информация, что националисты формируют боевые вооруженные группы. Неужели и с ними будем вести воспитательную работу?

— Слушай внимательно, — продолжал Горбачев, оставаясь

верным своей излюбленной тактике пропускать мимо ушей неприятные вопросы, — Лукьянов предлагает ввести в тех республиках и регионах, где особенно плюют на законы, чрезвычайное положение.

— Правильно, давно надо…

— Не спеши, слушай. Подбери толковых ребят. Пусть все продумают и подготовят необходимые документы. Я имею в виду проекты указов, положений, перечень лиц, ответственных за реализацию ЧП. Набросай состав Комитета по ЧП и дай мне на ознакомление и подпись. Проекты документов обсудите на Комитете по ЧП и определите первоочередные территории, где оно будет вводиться. Подумай о материальных ресурсах, технике и т. д. и т. п. Подготовку хранить в тайне. О готовности докладывай мне. Я скоро уеду в Крым. Буду отдыхать в Форосе. Если потребует обстановка, направишь с надежными людьми документы ко мне или приедешь сам. Там немедля подпишу, что необходимо. Все понял? И еще. Многие болтают о перевороте и скорой диктатуре. Что скажешь?

— Ну, что вы говорите. Все под контролем. А кого оставите на хозяйстве на время отпуска? Нового премьера? Когда ехал к вам, слышал указ по радио. Хорошая кандидатура.

— Конституции не читаешь. Теперь для этих целей есть вице-президент. Так что оставляю Янаева. Конечно, тоже еще новичок. Но опереться есть на кого. Да и я буду не на краю света. И еще, поручи проверить подземные выходы из ЦК и Кремля. На всякий случай.

— Михаил Сергеевич, все сделаю. Но есть один главный вопрос. Как быть с применением войск после объявления ЧП. Могут понадобиться, а моих сил может не хватить. Разрешите записать в планах привлечение армии. Конечно, в крайней необходимости.

— Это уже без меня. Я против народа войска не посылал и не пошлю. От своего кредо не отступлю при любой ситуации.

Иудино дерево

Крымскую резиденцию «Заря» № 11 в Форосе начали строить в 1986 году. Это было желание Раисы. И поэтому ничто не могло остановить этого несвоевременного до нелепости проекта. Ни катастрофа с финансами страны, ни явное осуждение этой стройки бедствующим населением. Раиса была сама убеждена и убедила Михаила в том, что автор перестройки, работающий в бешеном темпе, по 20 часов в сутки, заслуживает новой летней резиденции. Новый Генсек тоже не хотел отдыхать на старых дачах, видимо из желания показать, что он политик новой формации. Более 100 миллионов рублей вбухали в возведение и обустройство предпоследней советской государственной дачи. Два года военные строители под личным контролем министра обороны маршала Язова возводили на скалах то ли дворец, то ли замок. С тонкими промерзающими зимой стенами и с изящной подтекающей во время крымских ураганных ливней крышей под красной черепицей, в стиле совсем не похожим на традиционный русско-советский ампир. Что-то итальянско-французское здесь на берегу бывшей греческой колонии без привычных колон и портиков выглядел чужим. Очевидно, это было также проявлением давнего восторга Раисы от вилл на Лазурном берегу или в итальянской Лигурии. Комплекс зданий и впрямь будто был перенесен с берегов Средиземноморья. Непривычно смотрелся внешний тоннель-гусеница с первым на всем крымском побережье стометровым эскалатором к морю. Видимо, Раиса решила, что отказ от советского прошлого должен распространяться на все. И на архитектуру госдач тоже. К этому времени в Крыму действовало 10 государственных дач. Эта была одиннадцатой. Кроме того, для Горбачевых начали строить новую резиденцию и на Кавказе недалеко от любимой ими Пицунды в Мюссере. Зимой там теплее, чем в Крыму. Так и планировалось отдыхать: зимой в Пицунде, летом в Форосе. Так что, выходит, «подвиг» перестройки начинался не так уж бескорыстно.

Потом они четыре года подряд летом будут отдыхать в «Заре». В том числе последний раз в злополучном августе 1991 года. А пока ее достраивали, чтобы привыкнуть к Крыму, решили проводить отпуска на самой знаменитой госдаче № 1 в Нижней Ореанде под Ялтой. Здесь любил отдыхать и принимать зарубежных лидеров Брежнев. Четыре года после его смерти она не использовалась.

— Рая, вы с Иришей идите позагорать, а я с Анатолием Сергеевичем поработаю над книгой, — предложил жене и дочери

Михаил после завтрака, — вечером и я пойду с вами.

— Да, Миша, мы так и поступим. Скажи, ты давно говорил с Язовым. Как продвигается стройка в Форосе. Мне здесь не нравиться. Все такое ветхое, запахи чужие. Кое-где даже грибком тронуло.

— Жалуется министр, что дело идет медленно. Кругом скалистый грунт, землю самосвалами за сорок километров завозят. Ты пойми, такой комплекс за год не построишь. Парк надо насадить, терренкуры проложить. Тоже надо время. Не будем же мы по скалам гулять.

— Напомни ему, чтобы не забыли высадить деревья багряника. Очень мне нравится, как они цветут. Такими ярко-розовыми кущами, прямо из веток, даже листьев не видно.

— Я ему говорил, а он знаешь, что ответил. Мол, не надо Михаил Сергеевич, не советуют. Дерево нехорошее, дикое, беду приносит. Не зря, говорит, иудиным деревом называется. Вроде сам Иуда после своего предательства на таком повесился.

— Что он понимает. Иуда повесился на смоковнице. А это багряник. Пусть сажают. И стройку надо форсировать.

— Хорошо, Райчонок, я скажу. Идите загорать, пока не очень жарко.

Был штиль. Море тихо плескалось почти у ног, сидящих в шезлонгах Раисы и дочери Ирины. Не знакомый с ними вполне мог принять их за сестер. Обычно дочери похожи на отцов. Но и в этом деле Раиса «уговорила» природу. Дочь получилась ее копией. Причем во всем. И внешне и по характеру.

— Ириш, иди, поплавай. У меня желания что-то нет. Я лучше погреюсь.

— Мам, у меня тоже желание пропало. Вода какая-то не очень чистая. В Пицунде как слеза, а здесь прямо муть.

— Наверно потому что город рядом. Не капризничай, иди. Будешь потом в холодной и пасмурной Москве жалеть. Только прошу, далеко не заплывай.

Ирина нехотя поднялась, зашла в море, постояла. Потом вытянула руки вперед и рыбкой нырнула в глубину. Дождавшись, когда она появилась из воды и поплыла, Раиса получше устроилась в шезлонге, закрыла глаза и задремала.

Проснулась от крика. Над ней стояла Ира и трясла ее мокрой рукой за плечо со словами: «Мама, ты так стонала и металась, что я побыстрее выскочила к тебе. Что с тобой?»

— Ой, сон приснился. Как будто, когда мы въехали в новую дачу, случилось землетрясение. И на тебя обвалился потолок.

— И что? Меня придавило?

— Слава богу, нет. Только слегка задело голову. Отделалась

ушибами.

— Видишь, мамочка, это предупреждение, что Крым место опасное. Давайте уедем в Пицунду. Я читала, что здесь в Ялте в 20-х годах было страшное землетрясение.

— Знаю, Михаил Зощенко написал на эту тему рассказ. Очень смешной: жил в Ялте мужчина, увлекался спиртным, и как выпьет, так сильно буянит, обязательно что-нибудь побьет, разломает. Ему говорили: брось пить, пока большой беды не наделал. Пытался он себя сдерживать, но однажды сорвался, напился так, что не смог дойти до дома, свалился под каменным забором и заснул. А в эту ночь и случилось то самое землетрясение. Проснулся от боли и удушья. Это забор на него повалился. Выбрался из-под завала, огляделся, а вокруг — руины. Сел он, заплакал и говорит: какой же я негодяй, что натворил.

— Да, правда, смешно. А нас тут с моря фотографировали.

— Как это, кто?

— А вон, посмотри, пассажирский корабль. Видишь, в сторону Одессы пошел. Вот с него и снимали.

— Боже мой, а куда же охранники смотрят? Надо начальнику охраны Медведеву сказать. Пусть разберется. Пойдем Михаилу Сергеевичу расскажем.

В Одессе капитана с пристрастием допросили. Оказалось, он перевозил иностранных туристов и при выходе из Ялты они попросили пройти ближе вдоль берега, чтобы снять Ливадийский дворец, а пляж резиденции находится как раз внизу, почти на одной линии с дворцом. До изъятия фотопленок у туристов дело не дошло, но за самовольное изменение курса капитана подвергли штрафу. Этот случай вкупе с не очень чистым морем убедил Горбачева, что Ялта для отдыха место не подходящее. И он приказал к следующему отпуску закончить строительство дачи в Форосе. Но этого быстро не произошло. Стройка затягивалась, и в следующем году пришлось снова ехать в Пицунду.

Впервые в «Зарю» они заехали в июле 1988 года. И буквально в первый же день случилось событие, показавшее, что двухлетней давности сон на пляже был вещим. Когда Ирина подошла к большому венецианскому окну, чтобы поправить портьеру, карниз на котором она крепилась, обрушился ей на голову. В военном госпитале Севастополя установили легкое сотрясение мозга. За что несколько сотрудников из обслуги и начальник объекта были уволены. Может и прав был старый маршал, что багряник, который по просьбе Раисы все же насадили в фороском парке, дерево нехорошее, приносящее беду. Но только не мог он тогда и подумать о других грядущих грозных событиях. И что для него

самого с Форосом будет напрямую связано самое горькое время в его по большому счету безупречной жизни. В том числе тюремное заключение.

Случай с карнизом, наоборот, сыграл положительную роль в карьере человека необычной биографии. Речь идет о внучатом племяннике Льва Толстого. Его полный тезка полковник КГБ Лев Николаевич Толстой был праправнуком старшего брата писателя Сергея Николаевича. Того самого, что женился на цыганке Марии Шишкиной из хора «У Яра». Служивший до этого происшествия заместителем начальника 9-го отдела КГБ в Крыму, после «карниза» он стал начальником этого отдела. Это ему пришлось в августе 1991 года все три дня фороского «плена» быть рядом с семьей Горбачевых. Пусть он и расскажет, как все случилось: «Президент с женой, дочерью, зятем и двумя внучками приехал на отдых и расположился в «Заре» как всегда в первых числах августа. Море у дачи такое прозрачное (дно на семь метров видно), что все и особенно дети из него не хотели выходить. Распорядок почти каждый день был один и тот же — прогулки по терренкуру, купание в море, редкие выезды в Севастополь, в храм Воскресения Христова на Красной скале, работа над очередной книгой и выступлением при подписании нового союзного договора по окончании отпуска. Запомнился одна поездка в Севастополь. Михаил Сергеевич подошел на Графской пристани к людям, но вместо уже привычного ликования столкнулся с недовольством. Его стали спрашивать, а где же результаты перестройки. И тут он взорвался. Стал обвинять самих людей в инертности. Мол, я вам не царь. И не собираюсь раздавать милости. Я дал вам свободу, вот и устраивайте свою жизнь сами. Люди опешили и стали расходиться. А он остался доволен, что не поддался, как он сказал, крикунам.

Когда отдых заканчивался, из Москвы позвонил заместитель начальника 9-го Управления КГБ Генералов и сообщил, что через два дня он прилетает специальным самолетом за президентом. Однако на второй день перезвонил и сказал, что ситуация изменилась. «Теперь мне нужно 18 августа к 15 часам подать транспорт на военный аэродром Бельбек для встречи и перевозки в «Зарю» двадцати человек». Сказал, что прилетит группа для подготовки отдыха Председателя Кабинета Министров. Что я и сделал. Но из прилетевшего самолета вышли член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Шенин, заместитель Председателя Совета Обороны СССР Бакланов, начальник аппарата президента Болдин, заместитель министра обороны Варенников, мой прямой руководитель начальник 9-го управления КГБ Плеханов, а также Генералов и 15 офицеров из центрального аппарата КГБ».

Накануне в Москве, на секретном объекте КГБ «АБЦ», собрались будущие члены ГКЧП. Разговор начался с сообщения Крючкова: «Вы знаете, что на 20 августа Президентом назначено подписание нового союзного договора, подготовленного им и главами исполнительной власти девяти республик. По письменным заключениям Верховного Совета и Президиума Кабинета Министров договор в предложенном виде приведет к окончательному развалу Союза. Поэтому его подписание допустить нельзя. В стране уже наступает анархия. Президент России Ельцин словами и делами поощряет сепаратизм республик. Еще в марте Михаил Сергеевич дал мне указание подготовить все необходимое для введения в стране чрезвычайного положения. Такая работа была проведена. Но он медлит и не решается на подписание соответствующего указа. Я регулярно докладываю ему о тяжелейшем положении. Но он реагирует явно неадекватно. Прерывает разговор, переводит его на другие темы, высказывает недоверие моей информации. Предлагаю с целью введения чрезвычайного положения создать Государственный комитет. К президенту в Крым направить делегацию. Предложить временно передать власть комитету. Если откажется — изолировать там до выправления ситуации. Объяснить такой шаг как крайнюю необходимость в виду его болезненного состояния. И просить вице-президента Янаева вступить на это время в исполнение обязанностей главы государства. Введение ЧП узаконить на специальной сессии Верховного Совета. Предварительное согласие на ее созыв от Лукьянова имеется. Прошу высказаться». Первым взял слово маршал Язов.

— Согласен с оценками и предложениями. Предлагаю направить в Крым Валерия Болдина, как человека наиболее близкого к президенту. От руководства партии — секретаря ЦК Шенина. От Минобороны поедет мой заместитель Варенников.

— От правительства поедет Бакланов. Он также близок к Михаилу Сергеевичу. Дай бог, чтобы им удалось уговорить его на подписание указа. И тогда не придется прибегать к крайним мерам, — с надеждой произнес премьер Павлов.

— Договорились, от себя я направлю Плеханова, — подвел итог Крючков.

Когда колонна машин с делегацией из Москвы подъезжала к «Заре», Генералову по радиотелефону кто-то сообщил, что в 16 часов у президента отключили все средства связи и телевизионный ретранслятор. И только теперь полковник Толстой начал понимать необычность происходящего: «Когда мы въехали на территорию дачи, приехавшие офицеры КГБ, по команде

Генералова сменили мою охрану и взяли под контроль дежурную часть, КПП и гаражи со спецмашинами. Личная охрана президента во главе с генералом Владимиром Медведевым оставалась внутри помещений. При мне Плеханов приказал Генералову Горбачева с семьей и никого другого с территории дачи не выпускать. Затем он и другие руководители прошли в здание резиденции».

Президент после обеда переместился в кабинет поработать с документами, которые ему ежедневно доставляла фельдсвязь. Среди прочих бумаг находились заключения Верховного Совета и Кабинета Министров о недопустимости заключения нового союзного договора. Он знал об их содержании от Шахназарова. Поэтому читать не стал, подумав, как далеко они разошлись с Анатолием Лукьяновым, и как права была Раиса, уговаривая не продвигать так высоко друга Толю. В это время вошел Медведев и доложил, что приехала группа товарищей во главе с Болдиным и просят принять.

— Ты, Владимир, не шутишь? Я никого не жду. Кто там? — Когда Медведев перечислил приехавших, он выругался, встал и пошел к Раисе Максимовне. Вышел не раньше, чем через полчаса и приказал позвать «непрошеных гостей». Один за одним, гуськом, «заговорщики» робко вошли в кабинет и расселись. Наступила долгая пауза. Наконец, не выдержав молчания, а больше неизвестности, Горбачев спросил: «С чем приехали?». Первым громко, как будто рванувшись в отчаянную атаку, заговорил прошедший Отечественную войну и Афганскую кампанию боевой генерал Варенников.

— Михаил Сергеевич, страна наша, великое государство, данное нам в сбережение предками, гибнет, погружается во тьму анархии. И это происходит при вашем молчании, попустительстве и согласии… Уйдите в отставку. Даже император Николай II в такой ситуации уступил. А вы же коммунист!

— Не знаю, генерал твоего имени, но что-то я не понимаю. Ты что желаешь мне судьбы Николая? Не на того напали. Вы все посходили с ума. Вы сами губите государство. Через два дня будет подписан договор и все пойдет в законном русле…

— Не будет он подписан, — перебил президента (!) Плеханов. — Есть информация и вам Крючков ее докладывал, что Ельцин договора не подпишет и уговаривает других тоже не подписывать…

— Ты бы молчал, предатель. Тебе доверили охрану высших органов власти, президента. Я тебя человеком сделал, а он тоже туда, в заговорщики. Кто тебя втянул? Вон отсюда! — Плеханов не ответил, поднялся и вышел, — вы все сдурели. Кто вас послал?

— Михаил Сергеевич, мы привезли пакет документов и проект указа о введении чрезвычайного положения. Подпишите и мы уедем. А Вы лечитесь, отдыхайте… Болдин, пятнадцать лет работал его первым помощником и знал лучше других, что Горбачев никогда не станет делать того, что не сулит аплодисментов.

— Валерий, ты же меня хорошо знаешь. Я на применение силы не пойду и поэтому ничего я не подпишу. Что я, слабоумный? Лучше скажи, кто вас послал? Павлов и Лукьянов с вами?

— Извините, я вам этого не скажу.

— Ну, тогда и мотайте отсюда. Делайте что хотите, только без меня. Все, на этом закончим. — Горбачев встал, подошел поближе и неожиданно для всех пожал на прощанье руки. «Заговорщики» как мирно пришли, также мирно и удалились. Только зачем-то захватили с собой генерала Медведева. Поэтому согласно инструкции личная охрана перешла под команду Толстого.

«После их отъезда, вспоминал полковник Толстой, жизнь шла в прежнем ритме. Горбачев с семьей ходил на пляж. Загорал и купался. На комнатную антенну настроили первый канал, и президент видел все, что дальше происходило в Москве. Как 19 августа его объявили больным и как Янаев с кампанией робко пытались переломить ситуацию в стране. На второй день переворота сестра-хозяйка спросила, как обслуживать. Я ответил: как президента, его никто не снимал. Сам президент вел себя спокойно, никаких команд не давал. Только попросил привезти ему из соседнего санатория доктора-мануалиста Лиева. Я поехал, но Лиев отказался, сказав, что Михаилу Сергеевичу уже лучше, и он в лечении не нуждается».

В это время в Москве Ельцину удалось собрать сторонников контрреволюции и запугать заговорщиков, так как среди них не нашлось сильного и готового ко всему лидера. Они даже не решились на арест Ельцина, как главного сепаратиста. На третий день Крючков, Язов, Лукьянов прилетели к Горбачеву с докладом о провале попытки введения чрезвычайного положения. Но он их не принял. В этот же момент Ельцин предусмотрительно прислал самолет с командой офицеров и своего вице-президента Руцкого для «освобождения» Горбачева. И в этом он заговорщиков переиграл.

Когда Язова вместе с товарищами по ГКЧП задержали и выводили из административного помещения через парк к автобусу, старый маршал, проходя мимо невысоких, с раскидистой кроной деревьев, вспомнил, как не советовал он

высаживать на территории дачи багряник, или иудины деревья, которые согласно преданию приносят несчастья. Видимо с этого времени старый воин навсегда поверил в приметы.

После выхода по амнистии из следственного изолятора, маршал посетил поликлинику и около одного из врачебных кабинетов встретил давнего фронтового друга, Героя Советского Союза, разведчика, писателя Владимира Карпова. После обычных расспросов о здоровье и семьях, Владимир Васильевич буквально с упреком спросил друга, мол, что же вы так робко действовали и дали Ельцину с Горбачевым вас разгромить.

— Ты знаешь, Володя, — с грустью, медленно подбирая слова, ответил маршал. — Горбачев нас всех запутал, а потом бросил. А мы с Крючковым, старые дураки, верили ему до конца.

Итак, фактически переворот состоялся. И возглавили его как раз Крючков и Янаев. Но удержать власть им не удалось. Поэтому получился он в пользу Ельцина, который перехватил инициативу у этих двух канцеляристов и, как будто спасая Горбачева, без особых усилий отстранил его от реальной власти.

С этого времени, как фороский пленник вновь получил личную свободу, он полностью лишился свободы действий как президент СССР. Двоевластие закончилось. До полного краха оставалось четыре месяца.

После разгрома Комитета по чрезвычайному положению и ареста его членов российские структуры по команде Ельцина в явочном порядке последовательно урезали полномочия союзных министерств и оставляли за ними только ответственность. Затем упразднялись и сами ведомства. Ельцин устал от обещаний Горбачева наконец-то начать экономические реформы и в конце октября объявил, что Россия начинает эти преобразования сама. В их основу были положены либерализация цен, приватизация, земельная реформа и введение российского рубля. Другим республикам было предложено присоединяться.

Первыми откликнулись Украина, Казахстан и Белоруссия. Горбачева в расчет уже никто не воспринимал, хотя он продолжал приезжать в Кремль и даже принимал иностранные делегации. Но узнав о предстоящей встрече «четырех» решил в ней участвовать и с этой целью пригласил к себе Ельцина, который, не желая этой встречи, все ж приехал.

— Борис Николаевич, что же ты скрываешь?

— О чем это вы, Михаил Сергеевич? — вопросом на вопрос ответил Ельцин.

— О предстоящей встрече с украинцами и белорусами. Ты что, за моей спиной хочешь развалить Союз?

— Ни о каком развале речь не идет. Мы договорились

обсудить пути к усилению сотрудничества и координации планов на наступающий год. Пока с этими двумя. С казахами встретимся позже. Назарбаев обещал приехать в Москву.

— А почему встречаетесь не в Москве, а в Минске.

— Это просьба руководителя Украины Леонида Макаровича Кравчука. Он не хочет ехать в Москву, чтобы не встречаться с вами. А в Минск приехать согласен.

— Ишь ты, какой он незалежный стал. Чем же я ему так насолил?

— Не знаю. Это ваши дела.

— Ладно, я тебя прошу не подписывать никаких политических документов. Назарбаев предлагает начать подписание союзного договора с теми, кто согласен. Остальные захотят, потом присоединятся. Договорились? Приедешь из Минска, и тогда окончательно определим дату подписания. Я думаю, что можно собраться 9 декабря. Приглашай Кравчука в Москву. Скажи, что никто его не здесь не обидит.

— Хорошо, Михаил Сергеевич. Договорились.

Возвратившись к себе, Ельцин срочно собрал кружок ближних «бояр». В это время в него входили Бурбулис, Гайдар, Козырев и Шахрай.

— С Горбачевым надо заканчивать. Сам он не уйдет. Цепляется за Кремль как грешный за душу. Что будем делать? — Ельцин обвел тяжелым взглядом всех и остановился на Бурбулисе.

Выходец из свердловских депутатов, бывший доцент кафедры научного коммунизма, в начале перестройки объявил себя политологом и предложил свои услуги Ельцину в качестве советника в то время, когда тот был в самой глубокой опале. Будучи классическим схоластом (пустомелей, балаболом), Бурбулис сумел настолько очаровать и одурачить не склонного к теории уральского бунтаря, что тот даже придумал для него невиданную до этого в российской табели о рангах и советской номенклатуре должность государственного секретаря.

— Как госсекретарь, я предполагаю…, — как всегда невнятно начал он. — Так вот, я полагаю, что пришел момент взять России всю ответственность на себя. Мы уже прошли длинную дорогу к подлинному суверенитету и останавливаться нельзя. Надо этот путь завершить. — Щуплый, можно сказать тщедушный, с бегающими глазами-пуговками госсекретарь помялся, силясь выдать что-либо конкретнее. Но не успел. Да и вряд ли смог. Его маленькая головка выдавала только декларации и манифесты. Почувствовав, что большего от него не дождешься, Ельцин опять

оглядел команду и остановился на Шахрае.

— Что предлагает наш главный юрист?

— Борис Николаевич, Союз создавали четыре субъекта. Одного из них нет. Это Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Она вскоре после подписания Договора 1922 года о создании СССР рассыпалась на Азербайджан, Армению и Грузию. Осталось три субъекта — Белоруссия, Россия и Украина. Они как учредители имеют право признать этот договор недействующим, то есть, говоря языком международного права, денонсировать его с момента подписания соответствующего соглашения и ратификации парламентами. Так Горбачев останется без государства (явно не знал этот юрист-грамотей, что такого рода договора не подлежат денонсации, но победителей не судят).

— А как же с членством России в ООН, в Совете Безопасности? Ведь и Украина, и Белоруссия ее члены с момента основания в 1945 году. А мы — нет. Андрей Владимирович, что вы скажете? — попросил Ельцин высказаться министра иностранных дел Козырева.

— Надо решать вопрос о нашем правопреемстве с постоянными членами Совбеза. Особенно со Штатами и Китаем. Остальные не проблема. Я уже зондировал. Госдеп поддержит. Китаю надо направить официальное послание.

— Хорошо, займитесь этим. Повстречайтесь с послами.

— Борис Николаевич, разрешите добавить, — заговорил молчавший до этого полный, лысый с большими навыкат глазами и крупными мясистыми губами «боярин». Это был заместитель Ельцина в правительстве, одновременно министр экономики и финансов Егор Гайдар. При этом он почмокал как ребенок губами. — Хочу затронуть два вопроса: о правопреемстве финансовом, проще говоря, о долгах СССР и экономических отношениях с бывшими союзными республиками. Внешние долги огромные и платить их придется нам. Около восьмидесяти миллиардов долларов набрали Горбачев с Рыжковым. Нам должны, почти столько. Но это, в основном, бедные страны. За поставленное нами оружие. Возврат таких долгов дело безнадежное. Так что полный суверенитет обернется огромным долгом. Это надо осознавать.

— Егор Тимурович, Вы это к чему, у нас есть другой путь?

— Другой? Отнюдь, но знать, на что идем, надо. И второе, с денонсацией договора наши связи с республиками автоматически не отпадут. И еще долго они будут тянуть из нас соки. Особенно, если быстро не введем свою валюту.

Ельцин недолго помолчал, потом встал, выпрямился во весь

почти двухметровый рост и как на плацу скомандовал:

— Вечером вылетаем в Минск.

Похоже, что никто из участников этой посиделки и не подумали в тот момент, что преступно ради избавления от правителя-банкрота уничтожать могучую империю. Но для великих дел потребны великие деятели. Они таковыми не были. Они могли сделать только то, что вскоре и сделали ровно за день до московской встречи «четырех» с участием Горбачева. Втроем в Беловежской пуще Ельцин, Кравчук и Шушкевич 8 декабря 1991 года подписали соглашение о денонсации Договора 1922 года, поставив Президента СССР перед этим фактом. Развалив страну, они освободились от его неумелого и гибельного руководства. Он, как и ожидалось преступниками, на использование силы не пошел. Трудно сказать, применялся ли еще в мировой истории такой способ устранения правителя-банкрота.

После окончания фальшивой перестройки сторонниками и противниками Горбачева и Ельцина изданы горы мемуаров. Только Гайдар, сначала нештатный советник Горбачева, а потом помощник Ельцина, с 1996 по 2007 годы написал пять книг. В них мы видим явное стремление убедить и современников и потомков в том, что и общественный строй и государство под названием СССР развалились сами по себе и он с компанией не причастны к их разрушению. Лукавит Егор Тимурович. Страны это не радиоактивные материалы. Они природой не создаются и сами не распадаются. Они создаются людьми и людьми разрушаются. Только первых мы называем великими, а вторых ничтожествами. Неправда также, что их бесчеловечные реформы были неизбежными. Что ограбление олигархами всего народа это всего лишь побочный результат, недоразумение, которые сопровождают всякое дело, связанное с переделом экономических и политических систем такого масштаба.

Но мемуары очень коварный жанр и играет с ними злую шутку. Чем больше они желают «отмыться», тем сильнее разоблачают себя любимых и своих подельников. Вот как, например, это получается у Е. Гайдара.

В книге «Дни поражений и побед» его воспоминания начинаются с явной фантазии, в которой он пытается выдать себя за вундеркинда, с детства чуждого социалистическим идеям и практике. Хотя это так противоестественно. В юности и молодости любой нормальный человек «болеет» социализмом. Есть даже такой диагноз: «детская болезнь левизны». И, тем не менее, на страницах 21–22 он пишет: «Летом 1968 года я был в Дунино (деревня в Подмосковье. — *С. П.*). По газетам следил (когда сверстники играли в соловья-разбойника. — *С. П.*) за тем,

как развиваются события в Чехословакии. Утром 21 августа услышал о письме безымянной группы из членов чехословацкого руководства с просьбой об «интернациональной помощи» к странам Варшавского договора. Откровенная ложь официальной версии, аморальность происходящего бросались в глаза даже мальчишке. Что за чушь? Ну, какие там войска ФРГ готовятся вторгнуться в Чехословакию? И что это за правда, которую навязывают народу с помощью танков?

Уютный привычный мир моего детства, где было все так хорошо и понятно, где была прекрасная добрая идея, красивая страна, ясные цели, вдруг дал трещину и начал рушиться. Детство неожиданно кончилось».

Было сверхпроницательному мальчику… неполных 12 лет! Невольно подумаешь, неужели его будущие реформаторские деяния, когда он «резал» по живому и советский уклад простых людей и «красивую» страну, были местью за раннюю кончину уютного детства? Хотя в одном Гайдар прав. В том, что правду навязывают не всегда танками. Теперь в моде самолеты, как во время натовских бомбежек любимой им Сербии или Ливии. А НАТО с ФРГ в ее составе теперь даже не в Чехии, а в бывшей советской Прибалтике. Рядом с Псковом. Такой просчет по малости лет возможен, да только и в 30 и в 40 грешил он теми же ошибками, хотя равных себе стратегов в стране не видел до конца дней. А был ли мальчик, не видящий разницы между овцами и волками, и если был, то зачем он нас призывал не бояться волков? Неужели уже в 12 лет задумал уничтожить порядок и страну, в создании которых активно участвовали его легендарный дед Аркадий и журналист-правдист отец Тимур?

Описанный выше эпизод из своего детства, конечно фантазия Гайдара, который в силу необычайно благоприятных семейных обстоятельств формировался как бессердечный эгоист, да еще с комплексом Герострата. Которому легче и приятнее утверждаться разрушая, чем кропотливо совершенствуя уже созданное его же предками. Егор Гайдар — это большевик конца XX века и с такой же семейной тягой к подрывной деятельности и конспирации (дед Аркадий в 14 лет связался с революционным подпольем). Вот его личное свидетельство. «В конце августа 1986 года я (опять август, но теперь ему 30. — *С. П.*), А. Чубайс (будущий делец на ниве приватизации, энергетики и нанотехнологий. — *С. П.*), П. Авен (впоследствии руководитель «Альфа-банка», крупнейшего частного банка России. — *С. П.*), С. Игнатьев (впоследствии руководитель Центрального банка буржуазной РФ. — *С. П.*) и другие, в общей сложности более 30 человек в пансионате (с символичным названием «Змеиная горка». — *С. П.*) обсуждали

самые на то время идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав частной собственности. Все согласны с необходимостью упорядоченных реформ, готовящих советскую экономику к постепенному восстановлению рыночных механизмов и частнособственнических отношений. Закончив работу, разжигаем костры, поем песни, шутим. На завершающем семинаре-капустнике я точно определил ключевое место Чубайса в этом процессе». Говорит Гайдар и о сценарии в случае неудачи: «В нем определялись сроки заключения и размеры пайки, которые предстоит получить участникам семинара. Настроение, однако, было веселое». Это уже не фантазия, а состав нескольких преступлений. Но Гайдар и Компания долго и умело скрывали свой план по разрушению социализма, маскируя свою деятельность разговорами о его совершенствовании.

Двуличие Гайдара особенно ярко проявилось тогда, когда он, убежденный противник социализма, оставаясь членом КПСС, возглавляет экономический отдел журнала «Коммунист» — главного теоретического органа Центрального комитета партии. Это дает ему возможность проводить подрывную деятельность изнутри. В этот период он приходит к выводу, что фигура Горбачева по причине его необычайной самоуверенности, верхоглядства и беспечности может быть использована им и его подельниками для развала социализма. Поэтому Гайдар усиленно навязывается ему в советники. Кроме всего это самый быстрый и безопасный способ реализации своих намерений. Ведь имея такую «крышу», каковой является верховный правитель, не нужно особо опасаться тюрьмы. Своих целей можно достигнуть чужими руками под видом реформы. Тем более, что инициатор перестройки никак не мог решить, чего же он на самом деле хочет. В то время как Гайдар и компания твердо знают, чего хотят они: «Наша важнейшая задача — обеспечить плавный, наименее конфликтный и опасный выход из социализма». Вскоре его советы Горбачеву, а затем и Ельцину стали тем средством, которым «подожгли» социализм и СССР. Впрочем, дадим слово Гайдару: «Вместе с О. Лацисом пишем… записку Горбачеву… он полностью зачитал ее на очередном заседании Политбюро, провел подробное обсуждение, дал ряд конкретных поручений правительству». «В 1989–1990 годах я неоднократно встречался с Горбачевым на широких, узких и совсем келейных совещаниях, помогал ему в работе над разнообразными документами». Итоги такой помощи хорошо всем известны: быстрое разрушение прежних основ экономики путем введения частной собственности, предоставление руководителям предприятий таких прав, которые

позволили «законно» растащить общую собственность по ими же учрежденным малым предприятиям и кооперативам; бездействие по созданию новых работающих механизмов взамен разрушенных. В итоге — катастрофическое нарастание экономических и финансовых диспропорций. Естественно Гайдар винит во всех бедах самого патрона, других деятелей, но только не себя. «Столкнувшись с мощными, неуправляемыми процессами, — пишет в связи с этим Гайдар о Горбачеве, — он растерялся и потерял ориентиры… И тут проявилась самая серьезная слабость Горбачева — его неспособность принимать необходимые, хотя и рискованные решения и последовательно проводить их в жизнь».

Хороша парочка. Один под видом заботы об улучшении социалистической экономики, дает советы, реализация которых ее добивает. Другой, не будучи способен понять истинных замыслов советника, или бездействует или шарахается из одной крайности в другую.

«Даже мои политические противники, убежденные, что я веду страну по гибельному курсу, не подозревали меня в намерении запустить руку в государственный карман», — напишет Гайдар в 1996 году. Правильно, в воровстве его никто и не подозревал. И теперь не подозревает. В обычном смысле его не было, а если и воровал, то это такая невинная шалость на фоне действительно совершенных антигосударственных деяний. В этом случае мало сказать, что простота хуже воровства. Потому что наш «герой» не так прост, как хочет казаться. Опять лукавит Егор Тимурович. На самом деле он украл у большинства людей страну, которую они создавали, отказывая себе почти во всем. Он украл у них надежду и будущее. Это был Ленин наоборот. Но даже более циничный. Тот украл ее у богатых для бедных. А этот — у бедных для богатых. Он знал лучше всех, что от его деяний, выиграет только кучка дельцов. И все же эти деяния совершил. Он более трех лет громче всех кричал, что «страшно опасно вводить рынок через свободные цены и приватизацию в условиях расстроенных государственных финансов и хаоса в денежном обращении» и что это приведет не к рынку, а к дикому криминальному капитализму. И все же пошел на это как наркоман в стадии ломки. Видимо одержимость идеей фикс увлекает не меньше героина.

Итак, 5 ноября 1991 года президент и одновременно глава правительства Ельцин назначает Гайдара вице-премьером, министром экономики и финансов. Вчерашний советник превращается в человека принимающего решения. С этого времени, напишет он впоследствии «тяжесть ответственности за страну, за спасение ее гибнущей экономики, а значит, и за жизнь

и судьбы миллионов людей, легла на мои плечи». Вот так скромненько, но со вкусом. Ни больше, ни меньше российский Наполеон. Человек, руководивший до этого менее года карликовым институтом с коллективом не более 100 человек, никогда не изучавший рыночную экономику и ничем не проявивший себя на практике решается на такой безумный шаг. Наглость, конечно. Ни чем не оправданная наглость. Таков и результат.

Вискули

В доме директора заповедника «Беловежская пуща» готовились отметить день рождения жены. Она тоже работала в заповеднике секретарем-машинисткой. Но по такому случаю, взяла выходной. Именинница сама готовила салат оливье, винегрет и заливное — любимое блюдо мужа. Во дворе брат мужа на вертеле жарил кабанчика. В их семьях любили застолье с зубровочкой и обильной мясной закуской. Благо зверья в заповедных лесах водилось вдоволь.

Ночная темень по-зимнему быстро окутала небольшое село Вискули. Оформление стола завершилось, но гости не садились. Ждали хозяина с работы. И в это время с улицы раздался незнакомый голос, звавший «Хозяйка! Хозяйка!». У ворот стоял явно не местный, рослый молодой парень.

— Вы, Мария? — спросил он, увидев выскочившую из дома хозяйку.

— Я самая, что-нибудь с мужем? — встревожилась она.

— Все в порядке. Он в конторе. Я из управления государственной охраны. Вам пять минут на сборы. Поедете со мной. Надо срочно напечатать документы. Давайте, быстро.

Вскочив в дом, она бросилась к телефону, набрала номер мужа. Но услышала короткие гудки «занято». Попробовала повторить, результат тот же.

Через полчаса они подъехали к резиденции, где обычно отдыхали и охотились белорусские руководители и их гости. Увидев необычно большое количество людей и машин, Мария испугалась и опять спросила, где ее муж.

— Сейчас сами узнаете, — ответил невозмутимый спутник-охранник. Машина подъехала к конторе, и Марию провели в кабинет к мужу. Он был в порядке, но телефон отключили.

— Коля, что здесь случилось? У нас гости, а ты здесь. Объясни.

— Сам не знаю, почему не выпускают. Приехали президенты России и Украины со свитами. Вроде на охоту. Но не похоже. Сидят в домах, гуляют по лесу. Наш Шушкевич мечется между ними. Похоже, готовят какие-то документы, коль за тобой послали. Не знаю, мне запретили покидать контору. Ты не захватила перекусить? Голодный, как зверь.

— Ну как же, Колечка, прихватила, а зубровочка у меня в холодильнике. Сейчас день рождения и отметим. Только по чуть-чуть. Мне же еще печатать. Как работу сделаю, поедем быстренько домой. Там стол ломится. Как дети с гостями без

нас… и не позвонишь. Интересно, скоро бумаги принесут? Коль, а может, разрешат позвонить домой? Там же волнуются…

— Пойду, узнаю. — Николай вышел в коридор и тут же возвратился со словами: — Там охранник, сказал ждите, будут готовы, принесут. И позвонить не разрешил. До утра, говорит, потерпите. Так что давай пока по чарочке и перекусим.

В полночь, не дождавшись бумаг, супруги как в молодости устроились в обнимку на диване. Проснулись от холода и стука в дверь уже утром. В коридоре стоял лысоватый, полный молодой мужчина с листами бумаги в руках. Он сообщил, смешно чмокая губами, что из-за его корявого почерка, печатать придется под диктовку. Через полчаса две страницы текста о ликвидации советской империи были напечатаны. Дав слово никому не сообщать о содержании документа, Мария возвратилась к мужу.

— И что в той бумаге секретного. Стоило всех на уши ставить? — спросил Николай, едва она закрыла дверь.

— Теперь, Коля, заграница для нас не только Вильнюс, но и Москва с Киевом. Иностранцы мы с тобой для уральских родичей. Давай быстрее домой, пока отпустили. Только никому ни слова. Этот губастый, Гайдар его фамилия, слово взял, что буду молчать.

«Вечером, по прилете, пригласили белорусов и украинцев сесть вместе поработать над документами встречи. Собрались в домике, где поселили меня и Сергея Шахрая, — вспоминает об этом событии Егор Гайдар. — С нашей стороны были Бурбулис, Козырев, Шахрай и я. От белорусов — первый вице-премьер Мясникович и министр иностранных дел Кравченко. Украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли. Именно тогда Сергей Шахрай предложил юридический механизм выхода из политического тупика… роспуска СССР тремя государствами, которые в 1922 году были его учредителями… Никто из присутствующих не возразил. Начали вместе работать над проектом документа… я стал сам набрасывать на бумаге текст. В четыре утра закончили работу. Андрей Козырев взял бумаги и понес к машинистке. Утром паника, документ не напечатан. Выяснилось — Козырев не решился в четыре утра будить машинистку и засунул проект соглашения под дверь, но не ту. Но когда рано утром хватились — времени в обрез, и мне пришлось идти диктовать текст. Так что, если кто-то захочет выяснить, на ком лежит ответственность за Беловежское соглашение, отпираться не буду — оно от начала до конца написано моей рукой». Как видим, Гайдар и здесь выдает свою ответственность писаря за политическую ответственность правителя. Но ведь он таковым не был, и быть при Ельцине не

мог. Писарь даже великий так и останется писарем.

Возвращаясь в Москву, участники Беловежского сговора тревожно обсуждали только одну тему: попытается ли Горбачев в ответ применить силу.

Самолет с командой Ельцина приземлился в аэропорту Внуково в темноте и поэтому мало кто увидел, как охрана выводила из него президента. Идти самостоятельно он не мог. Причиной тому было состояние эйфории от достигнутой в Вискулях цели всей жизни, помноженное на опьянение. Русская традиция обмывать рождение и смерть была явно соблюдена. В этот раз обмывались одновременно и кончина СССР, и устранение соперника. Но ни органы госбезопасности, ни прокуратура Конституции и закона не исполнили и заговорщиков не арестовали. Президент СССР тоже бездействовал.

Крах

Заговор ГКЧП, события в Форосе и Беловежской пуще высветили то, что долго маскировалось завесой демагогии и естественным сопротивлением гибели самой страны-гиганта: Михаил Горбачев — посредственный человек. Яркая фактура и серая личность. Комсомольский вожак на троне правителя. Не имея за плечами закалки настоящей политической борьбы (руководство маловажным регионом и секретарство в ЦК без конкуренции в окружении престарелого ареопага не в счет), Горбачев дает согласие на руководство пребывающей в кризисе сверхдержавой. Он также не обладал властным характером. Поэтому его восхождение на пост верховного правителя — это, с одной стороны случайность (геронтологическая), с другой — верх легкомыслия и безответственности. Личный крах и развал страны как итог был более чем закономерен. Так было всегда, так произошло с Горбачевым, так будет с любым. Порог его компетентности был превышен еще при переходе с комсомольской работы на партийную. Это подтверждается его шумихой в Ставрополе вокруг познавательных кружков, липовых уборочных комплексов, провалом в руководстве сельского хозяйства страны, в жилищной политике, доведением до пустых прилавков, наконец, фиаско в работе по заключению нового союзного договора. Такие люди, как Горбачев, не способны отличить поражение от победы. Поэтому он постоянно утверждает противоположное тому, что есть на самом деле. Например, «перестройку сорвал Ельцин, все рухнуло, но мы победили». Они не способны принимать необходимые решения и принуждать к их выполнению. Они не знают главного — правил власти. Не ведают, что управлять и править это не одно и тоже. Управляют менеджеры, правят — властители.

Управление государством — это действия по правилам власти. Править — это способность властвовать. Действовать по правилам власти не так сложно как кажется и доступно многим. Но способностью властвовать обладают избранные. Законы и регламенты (протоколы) полны стандартов поведения представителей всех уровней власти вплоть до верховной. Они и создают базу для успешной управленческой деятельности. Однако чем выше ее уровень, тем большую роль играют факторы, связанные с личностью правителей и управляющих. Среди них воля, разум и их соотношение на первом месте. Преобладание воли над разумом делает человека авантюристом. Если наоборот, — прожектером. Ни авантюрист, ни прожектер

эффективно властвовать не способны. Особенно на высшем уровне. Итак, главное это равновесие воли и разума. Следующий по значению фактор-способность вызывать доверие управляемых. Причем не только и не столько приближенных (здесь речь должна идти о преданности), а тех на кого властное влияние направлено. В случае с верховной властью это народ данного государства. Далее следует фактор ответственности. Это способность к пониманию и строгому соблюдению границ властного и личного поведения. Например, верховный правитель не может планировать и совершать действий (словесных в том числе) не сообразуя их с буквой и духом Конституции, законами государства и его международных обязательств. Иное поведение приводит к нарушению присяги, и как следствие, к отстранению от должности с последующим привлечением к ответственности. Для управляющих других уровней подобные требования важны, но не так актуальны.

Кто из нас, пребывая в храмах, не восхищался их убранством и тем порядком, который заведен и исполняется во время многочасовых церковных служб. Как все согласовано. Как строго исполняются соответствующие каноны. Как во все время службы сосредоточены церковные служители. Какова строгость в одеждах и поведении. И как вольно или невольно подчиняются этой атмосфере даже, случайно заглянувшие в храм. Через убранство храмов и описанный в них порядок и проявляется власть церкви и ее деятелей на прихожан. Светская власть и ее представители только выиграют, если будут применять в своей работе приемы, подобные церковным. Ведь они складывались веками. И работают эффективно. Администрация города, в здании которой протекает потолок, а служащие работают хаотично и неопрятны, никогда не наведет порядка на его улицах и площадях. Если с потолка зала судебного заседания падает штукатурка, то одновременно с ней падает доверие к суду и его решениям. И церковный и светский порядок не случайно обозначается одним понятием — служба. Поэтому правление это не только повеление, но и служение. Правление через служение.

Настоящим правителем может быть тот, у кого желание властвовать над всеми, во всем и постоянно является врожденным качеством. И есть понимание того, что у народа может быть коллективный ум, именуемый народным инстинктом. Но коллективной воли у народа не бывает. Носителем ее и должен быть правитель.

Такие, как Горбачев, свою некомпетентность и неспособность править скрывают за демагогией и коллективной безответственностью. Горбачев никогда и нигде не говорил и не

говорит сейчас: моя ошибка, мой просчет. Он говорит: наша ошибка, наш просчет, перестройка оборвалась, ее сорвали, мы ее упустили. Он так и не понял миссии правителя, которая есть постоянное и безусловное стремление к подчинению всех своей воле ради поддержания в стране мира, согласия и обеспечения внешней безопасности. Ни в одной присяге (клятве) правитель не обязуется проводить преобразования страны, принятой в правление. Реформатором правитель может и не быть, но охранителем прежних коренных устоев — обязан. Реформировать все и одновременно, как пытался Горбачев — это безумие и путь к катастрофе. Тем более, что он начал реформирование с КПСС, то есть с единственного возможного в той обстановке инструмента реформирования. Другого инструмента у него не было и не могло быть. Ослабив партию, он развалил страну. Не зря мудрый Монтень писал: «Ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании».

Горбачев был подкаблучником, как и Николай II. Не случайно их финал одинаков: утрата страны. Александра и Раиса часто оттесняли мужей — правителей на вторые роли. «Да, так идут дела, когда мужчины у жен своих сидят в повиновеньи!», — предупреждал В. Шекспир. Есть и отличие. Плата Николая страшная — гибель семьи. Горбачев и после ухода Раисы, наоборот, — благоденствует, почивая на лаврах великого реформатора (по мнению либерального Запада). У Горбачева, как и во время перестройки, два лица. Первое — звезды мировой политики в глазах соперников России. Второе перед соотечественниками — разрушителя основ жизни общества и страны. Страсть к колебаниям, компромиссам и двойственность позволяют уверенно назвать его Двуличным Михаилом. Не путать с богом добрых дел и начал двуликим Янусом из римской мифологии.

Сопротивление его замыслам и действиям было огромное. А против «ветра» можно двигаться только галсами, то есть зигзагом. Он так и делал — ветер слева, ветер справа. Вот и сбился с курса. По миссии Горбачев может и велик, но по деяниям — не просто великий преступник, а клятвопреступник, не защитивший страну, вопреки данной на Конституции присяге при вступлении на должность президента.

Декабрь. Рождество. Вечер. Кремль. Только что Горбачев объявил (19.00 ч.) по телевидению стране о прекращении своей деятельности на посту президента СССР в виду исчезновения самой страны. Над Кремлем спущен красный флаг и заменен

трехцветным (19.38). В кабинете Горбачев, помощник Черняев. Тележурналисты собирают аппаратуру. Входит начальник охраны Петров. В руках бережно держит выцветший красный флаг. Вид подавленный.

— Куда его? — Спрашивает он Черняева.

— Михаил Сергеевич? Что с ним делать? — переправил Черняев вопрос Горбачеву.

Горбачев стоит у окна. Смотрит, как над куполом Кремлевского дворца развевается ново-старый бело-сине-красный флаг России. Горбачев поворачивается и, словно не слыша вопроса, начинает громко, с волнением говорить:

— Слава богу, революция успешно закончена. Тоталитарная система ликвидирована. Теперь народ свободен. И все это бескровно. Об этой минуте я мечтал еще в университете. А… флаг? Забери его себе на память о службе в Кремле. Больше он никому не нужен.

Подходит к телефону снимает трубку и даже более нежно-уважительно, чем обычно, говорит:

— Раиса Максимовна, перестройка-революция закончилась, я безработный пенсионер. Наконец-то смогу больше быть с тобой, писать книги, путешествовать. Хотя мы с тобой и так весь мир объездили… Ничего, найдем куда поехать. Жди, скоро буду.

Бледный начальник охраны Петров прижимает флаг к груди и тихо в недоумении произносит:

— Михаил Сергеевич, какая революция? Нас всегда учили, что против красного флага борется контрреволюция. А вы революция. Я с ребятами в Афгане два дня преследовал душманов, пока не отбил красное полковое знамя. Полвзвода легло за него. А вы говорите, что флаг никому не нужен. Скажите хотя бы теперь, зачем вам понадобился новый союзный договор? Бог с ним, с социализмом. Все равно мало кто знал и понимал, что это такое. Но разваливать из-за этого государство! Все равно, что из-за перхоти рубить голову. Вспомните, как глава Украины мудрый Щербицкий просил вас не трогать союзный договор 1922 года. Я своими ушами этот разговор слышал. Вспомнили? Как мы будем жить дальше, скажите? Мои родители на Украине, жены — в Казахстане. Уже год еще при СССР отца и мать принуждают в Николаеве к переходу на украинский язык. И это в городе, где 80 процентов русских. Повсеместно идет насильственная украинизация. То же самое начинается в Казахстане. Число беженцев из республик в Россию перевалило за миллион.

В разговор включается Черняев:

— Володя, не надо убиваться по Союзу, как по живому существу. Всякое государство это искусственное образование. Но,

как и человек, оно не вечно. Люди его создают и они же его разрушают, когда проходит надобность. А уж тем более Союз государств. Его век и того короче. В тяжелые времена государства объединяются, ну, как бы в коммуналку, чтобы не пропасть поодиночке. В более стабильные, — расползаются опять по национальным квартирам. Как жить? По-новому.

«Это он, Черняев первый нашептывал-пророчил, что Прибалтику придется отпускать. Скользкий тип», — подумал Петров и продолжил возмущаться.

— Не знаю, я не теоретик. Но хотя государства и состоят из людей, существуют они все-таки по другим законам. То же право республик на выход из союза. После стольких лет кооперации СССР превратился по факту в унитарное государство. Так и надо было его закрепить в Конституции, а не выдумывать новый союзный договор. И не позволять пьянице и двум самостийникам за одну ночь разрезать страну на куски, как новогодний торт. Я не прав? В нашем пусть и периферийном университете доцент Конев учил, что нормы права не могут идти против реальности. Они призваны ее только отражать. А вот академики МГУ, похоже, учили вас с Михаилом Сергеевичем другому — как разваливать государства. Судить вас надо. Не может преступление остаться без наказания. Это несправедливо. Вот Чаушеску с женой. Ровно два года назад, тоже на Рождество отстранили от власти, а потом и расстреляли.

— Ты брось, накаркаешь. Ну, кто хотел такого. Союз сам распался.

— Может и не хотели? Так по неосторожности еще хуже. Ведь результат тот же, что и по умыслу, а ответственность мизерная. За воровство буханки хлеба воришку тащат в тюрьму. А Михаил Сергеевич страну пусть по легкомыслию или небрежности угробил, — его в нобелевские лауреаты. Запад вообще его в великие деятели произвел. Хотя величия вообще не может быть там, где нет правды и справедливости…А тут вся перестройка на обмане и обманом погоняет.

— Ты чего на перестройку наезжаешь? — заговорил Горбачев, молча копавшийся до этого в сейфе. — Или на меня? Вот, не успел из кабинета выйти, уже критикуют. И кто? Самые близкие. А чего раньше молчал?

— Охране не положено. Но мозги, глаза и уши в карман не спрячешь. Хоть теперь выскажусь. Правитель — это тот, кто способен подавлять других. А вы как поп или крыловский повар, все проповеди разводили. Наверно, когда в школе проходили «Кота и повара», вы комбайн ремонтировали. Неужели, вы не понимаете, что ваша идея ненасилия не приживется.

Человеческий род остается таким же агрессивным, как и в прошлом. Люди поклоняются свободе, а обожают грубый произвол. Но советская система, при всех ее недостатках, обеспечивала безопасность государства и граждан. А теперь ее нет. Мы безработные и беззащитные. Спасибо вам, Михаил Сергеевич. И Раисе Максимовне тоже спасибо.

— Володя, а ей за что, она при чем?

— При том, Михаил Сергеевич, что даже охрана путала, кто из вас президент.

— Ничего ты, Володя, не понимаешь. Я ничего не разваливал и был всего лишь палачом, исполнившим приговор истории.

— Не лукавьте, вы, именно вы и Раиса Максимовна запустили механизм развала.

Пройдут годы, и безжалостное время сотрет в памяти и лукавую фигуру Горбачева, и многое из его деяний. В учебниках останется одна строка, где будет сказано, что при нем прекратила существование самая могучая в истории империя. И все. Ни плохого, ни хорошего. Величайшее из преступлений так и останется безнаказанным. Однако все же оставим для потомков суждение человека, которого не заподозришь в любви к СССР. Слово президенту США Джорджу Бушу-старшему: «Если бы у Горбачева были сталинского типа воля и решимость его предшественников, то мы бы и сейчас имели СССР. Это был бы обновленный и укрепленный Советский Союз». И пусть хотя бы эти слова иноземца станут своеобразным приговором тому, кто повинен в невиданном злодействе.

Теперь очевидно, что СССР как империя свой естественный ресурс не выработала. Поэтому и суждено ей в той или иной форме возродиться. Вполне возможно в виде евразийского союза во главе с Россией и Китаем. Жизнь любит пошутить с народами. Правление Михаила и Раисы яркое тому свидетельство.

Глупово-2. Вместо эпилога

Если бы Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин жил в XX веке и видел, что творилось с его страной, ему, наверно, захотелось бы сделать римейк на свою бессмертную «Историю одного города». И выглядел бы он, скорее всего, в виде краткого перечня деяний градоначальников, которые от начала и до окончания века правили градом под названием Россия-СССР.

Миротворец-Кровинин Ники Ипатьевич угодил в начальники столь необычайного и крупного града в 26 лет от рождения, чем был пресильно обескуражен и даже тихо протестовал против своего назначения. Придя в себя, издал странного содержания Манифест, объявив «мертвым свободу, живых под арест». По коему мертвых помиловал, а самых горлопанов, из живущих в городе, подверг превентивной каре, определив на полгода в исправительный дом. Для назидания. В отношениях с другими городами с целью предотвращения войн стал настаивать на истреблении всякого оружия, чем привел в великое подозрение о наличии подвоха всех градоначальников-соседей. Простодушных среди них так и не нашлось. Да еще пришлось усмирять волнение среди владельцев оружейных лавок. Его другое начинание об учреждении межградского суда горячо поддержало адвокатское племя, для коего чем больше судов, тем выше барыши. Суд учредился, но в Гааге. Как награда его обывателям за придумку солить сельдь и растить тюльпаны. Дабы обозначить в суде глуповский след, Ники Ипатьевич распорядился послать для него подарок — малахитовую вазу весом в две тонны, где она пребывает и по сей день. Весьма скоро милый Ники Ипатьевич увлекся охотой, рыбалкой и охладел к отправлению своих полномочий, уступив первенство в делах жене-немке да старцу-проходимцу Распутину. Учуяв слабость правителя, городские барыги пустились во все тяжкие и сказочно обогатились, а горожане из просто вечно бедных быстро обратились в вечно нищих. Когда градоначальница-немка с новыми богатеями погнали глуповцев воевать против ее наглых заграничных родственников, пожелавших оттяпать у города лучшие земли, они устроили такой бунт, от какого не спаслись ни ушедший с поста градоначальник с семьей, ни кровопийцы-барыги. Чужой и своей кровушки было пролито немеряно. Дошло до того, что глуповцы стали арестовывать друг друга. Так продолжалось семь месяцев. Другие власти тоже низложились сами собой и некому было поставить над Глуповым нового градоначальника. Во граде

воцарилась анархия.

Диктаторов Владимир Ильич — то ли разбойник, то ли святой, прослышав о бесхозном городе, прикатил из чужих земель в бронированном вагоне. Это был маленький рыжий человечек, а с ним две дюжины собратьев-евреев. Рыжий первым декретом назвал привезенных евреев комиссарами и назначил их начальствовать над всеми городскими присутственными местами. Потом закрыл церкви, объявив религию хуже наркотиков, что послужило сигналом для массового перехода от курения табака к употреблению конопли. Весной почти все глуповцы вместо картошки засеяли огороды коноплей. Самые упрямые посадили картошку и предрекали голод, который вскоре и случился. Из головы человечка с придуманной фамилией сыпались одна идея за другой, а газеты не успевали печатать написанные им по ночам декреты. В одном из них он обозвал просвещенную часть глуповцев *говном*, а попов приказал расстреливать. От такого напряжения его мозги стали быстро усыхать. Через пять лет правления он пришел в полное безумие и умер. Собрались комиссары и решили не предавать его грешное тело земле, объявив глуповцам, что и после смерти он живее всех живых. Поверили те этой сказке. Построили для усопшего тела большой склеп. Кто-то назвал его непонятным словом «мавзолей». С той поры комиссары по своим праздникам на нем собирались и веселились. Так продолжалось почти восемьдесят лет.

Чистишвили-Перековкин Иосиф Тиранович. Прошлое его покрыто мраком. Говорили, что он из разбойников, но, по мнению Диктаторова, из симпатичных разбойников. Поскольку высшая власть так и не воцарилась, Иосиф сам собрал остальных разбойников, каковые и назначили его градоначальником. От такого поворота глуповцы даже слегка поумнели. Самые продвинутые бросив все, бежали в другие города. Остальные рыли в огородах, под жилищами, ямы для укрытия пожитков от ожидаемого разбоя. Одного из разбойников по кличке Рыцарь градоначальник поставил во главе комиссии, которая могла любого глуповца арестовать, судить и сама же расстрелять. Называлась она чрезвычайка. Адвокаты, прокуроры и суды были объявлены «пережитками». Любимым занятием Иосифа стали Чистки и Перековки. Даже слегка поумневшие глуповцы не сразу поняли, что на самом деле Чистка — это расстрел самых умных, а Перековка — каторжная работа для полоумных. Чистки и Перековки длились не сорок лет, как у Моисея, но долго. Пока в городе не остались одни слабоумные. Надеясь на легкую добычу,

другой, но несимпатичный разбойник — соседний градоначальник по кличке *Германик* со своей шайкой напал на Глупов. Испугался Иосиф и бросился к обывателям с покаянием да мольбой о защите города. Долго упрашивать их не пришлось. Хотя и были они глуповцы, но от умных слышали, что в других городах начальники не меньшие разбойники. Четыре года бились, но не позволили чужому негодяю прогнать своего. Так и жили они под Иосифом, пока не был он отравлен своими несимпатичными собратьями. По новой городской традиции тело его положили в мавзолей рядом с *Диктаторовым*. Сообразили глуповцы, что так будет дешевле.

Кузькин Микита Корнович. Собрались разбойники опять на сходку (которую для благозвучия назвали съездом) и за неимением одного симпатичного, назначили на градоначальство двух толстых несимпатичных собратьев. Прозвище второго было Малинин или Малинкин. Напугались глуповцы. Как двоих содержать, когда еле одного кормили. К счастью двоевластие продлилось недолго. На очередной сходке более молодой, хотя уже и лысый, разбойник Кузькин, пользуясь отсутствием соправителя (убыл с дружеским визитом к соседям-разбойникам), сославшись на заключение главного ветеринара града (все психиатры были расстреляны), объявил его сошедшим с ума. Сходка ему поверила. С этого момента Кузькин правил городом единолично десять лет. Многие чудеса пытался совершить он за эти годы. Объявил штурм по постройке жилья для бездомных горожан. Получилось много похожих на бараки домов. В народе их стали называть кузьминками. Особенно прославился Кузькин большим желанием отыскать на небесах место пребывания небесной канцелярии. Не один раз посылал он глуповцев на поиски в космос, да так ничего и не нашли. Были попытки к изменению климата и повороту рек. Тоже неудачно. Но самый страшный удар по его авторитету случился после затеи по выращиванию породы умноглуповцев. Собравшиеся на срочную сходку разбойники заявили, что такого издевательства над собой не потерпят и устранили Кузькина от управления городом, назначив его руководить городским огородом.

Бровастый Любомир Ильич десять лет служил в помощниках Кузькина. Затем составил против него заговор и устранил от градоначальства. Правление Бровастого было долгим, стабильным и почти благостным. В городскую казну бесконечным потоком поступали деньги от продажи нефти, которая нежданно обнаружилась под градской пустошью. От этой халявы глуповцы

так обленились, что приходя в рабочие места, только курили и баловались «зеленым змием». К концу правления Любомир Ильич тоже утомился бездельем и поддался на уговоры давно не воевавших генералов, послать армию на захват совсем бесполезного южного пригорода. Поход сей закончен был ее бесславным бегством восвояси уже после его тихой смерти.

Агентов Юрий Чекистович. В пригороде Глупова со времен градоначальника Диктаторова поселилась народность не то, чтобы умнее, но ловчее глуповцев. Ходили байки, что происхождение свое они ведут от завезенных еще Диктаторовым комиссаров. Долгое время больших постов в градоначальстве они не требовали. С охотой занимались мелкой коммерцией, частным сыском, да прибыльно заведовали исправительным домом, сдавая половину камер для подпольного борделя. Отличались и тем, что имея разные фамилии и имена, отчество у них было одно на всех — Чекистович. Со временем они расплодились и стали требовать мест в правлении города. Для начала продвинули своего старосту Агентова в помощники к Бровастому. По смерти последнего он и стал градоначальником. Да умер быстро. Через год. Ни создать, ни разрушить ничего не успел. Задал только один вопрос: что мы за народ? Но ответа уже не услышал. Спустя пятнадцать лет Чекистовичи умножатся до такого числа, что заберут под себя не только градоначальство, но и все другие теплые места. Как это им удалось неизвестно, так как они скорее по глупости или привычке, чем по злому умыслу, все засекретили.

Говорун Михайло Максимович правил вдвоем. С супругой Раисой Сергеевной. Когда они начали каждый день твердить о какой-то перестройке, глуповцы страшно испугались за свои хижины. Но дело разговорами и кончилось. Потом Михайло с Раисой стали их упрекать, что живут они неправильно, не на той скорости. Потребовали ускоряться во всех делах. Под впечатлением от этих призывов местный поэт сочинил частушку: «Как по граду, да по Глупову, удалая мчится тройка — Мишка, Райка, перестройка». Днем Михайло часами говорит, слушает советников, но никаких указов не подписывает. Вечером советуется с Раисой Сергеевной. Утром указы издает. Город под его начальством обветшал совсем. Глуповские мужики, забросив всякие занятия, пили беспробудно. Сам он почти не пил. Но страдал другим пороком. Водки, вина не наливай, а дай поговорить. Однажды доболтался до белой горячки и, впав в бред, указал срочно ввести сухой закон. Закрыл винные заводы и велел уничтожить виноградную лозу. Мужики послабее сразу впали в депрессию, а какие покрепче — в блуд. От чего бабы первых стали

гнать и пить самогон, а вторых — оживились до того, что в благодарность новому правителю сочинили еще одну частушку: «Ой, спасибо Говоруну, ой, спасибо Мишке, что у наших мужиков повставали шишки». Потом объявил всем волю от наказания за горлопанство и назвал его непонятным словом «гласность». Глуповцы восприняли это как призыв собираться на сходки для говорения, кто что вздумает. Тут и началось. Месяц болтали, другой. Потом счет пошел на годы. Шесть лет пролетело, как день. Опомнились, а на месте града — пепелище. Оглянулись окрест, и самого Говоруна след простыл. Самоудалился в заморские города для чтения лекций про то, «как жить надо». Раиса Сергеевна от непосильных неженских трудов тяжко заболела. Отвезли ее к немцам на лечение, да там бедняжка и скончалась. Пригороды объявили себя городами, а в заросший травой и кустарником Глупов на танке уже въехал новый градоначальник. Происходил он из уральских разбойников.

Загогулин Борис Уралович до того, как взобраться на танк, был мастером по строительной части. Потому без проекта никакой работы не начинал. Первому из проектов на градоначальстве он тоже, как и Говорун, дал название: «Так дальше жить нельзя-2». Глуповцы проект дружно поддержали, но теперь на всякий случай попросили сразу разъяснить, а как жить-то надо? Ответ получили быстро. Но звучал он совсем кратко и странно, даже для глуповского правителя: «Где-то… как-то… что-то такое… надо бы сделать, понимаш…». Ничего не поняли глуповцы и решили обратиться за помощью к двум своим мудрецам. Одного звали *Черноморда*, другого — *Гераща*. Второй сразу отказал в помощи, заявив, что здесь пахнет математикой, а он ее не знает, хотя более восьми лет и заведовал Центральным городским банком. Черноморда попросил отсрочки для совета с помощником по прихватизации *Хватайсом*. Ответ был готов через пять лет и звучал очень даже конкретно: «Не суетитесь, все уже поделили». От себя мудрый Черноморда прибавил, что тут и говорить не о чем, газу не будет. И посоветовал Загогулину проверить, не осталось ли чего в глуповских кошельках и домах после реформ Хватайса. Проверка показала: в кошельках и домах пусто. От такой вести Загогулин вошел в долгий запой, еле успев перед последней чаркой назначить временным правителем Глупова городского юродивого Егорушку по кличке *Отнюдь*. А довольный своей мудростью Черноморда решил заработать и отправился давать советы градоначальнику Украинска. Да там и остался. После чего среди глуповцев началась бессрочная анархия. Хватайс решил быстро удалиться в монастырь с

мудреным названием «Нано» в надежде замолить грехи свои незамолимые. Мудрый Гераща до конца своих дней так и не понял, почему глуповцы, также как и он не знающие математики, дружно отказали ему в желании занять пост правителя града. Потом по случаю возглавил нефтяную контору «Юка» и тут же ее обанкротил. И только никогда не унывающий Егорушка Отнюдь на всех перекрестках хватал за лохмотья совсем одуревших от нищеты глуповцев, призывая на следующих выборах отдать голоса за его партию «единые дерьмократы». Но вялые от голода и безнадеги глуповцы посылали его подальше. Они еще не забыли, как Загогулин по простодушно-зловещему совету Егорушки в один день очистил их счета в сберкассе. В это время наконец-то вышел из запоя Борис Уралович. Увидев град с пригородами в полной разрухе, вдруг осознал, что никакой он не строитель, а самый настоящий разбойник. Срочно посадил на свой пост удалого воспреемника Путну, а сам отправился доживать в дорогой пригород с дешевым названием «Рублевый приют».

Путна происходил из породы чекистовичей, поэтому его правление было строго секретным. Никто не знал его настоящего имени, а псевдоним «Владимир Владимирович» он взял у известного поэта-бунтаря. Из-за такой секретности глуповцы уже не помнят, когда его правление началось и тем более не понимают, когда оно закончится. В эти годы очень отличился своими деяниями его помощник Кепка, который больше всего любил играть с глуповцами в футбол и пудрить им мозги по телевизору.

Еленин Юрий Ульевич (тот самый по прозвищу Кепка) первым делом приказал расстрелять городского предсказателя погоды за ложные прогнозы, которые вводили в заблуждение пчел его пасеки. Затем закупил на назначенные для богадельни городские деньги полдюжины самолетов для разгона облаков. Это чтобы глуповцы больше радовались солнышку и не задавали ему мрачных вопросов типа как прожить на нищенскую пенсию, если цены на продукты и лекарства растут как опара на дрожжах. И чтобы пчелы не сидели в ульях без дела из-за дождливой погоды, устроив глуповцам и пчелам ежедневно солнечную погоду, принялся бороться с казнокрадами. Для облегчения контроля за городскими подрядами отдал их в одни руки — родной сестре, которая быстро стала самой богатой дамочкой во граде. Теперь городские деньги были в надежных и, главное, не чужих руках. Никто против такого порядка особенно не протестовал. Тем более после того, как дома редких недовольных снесли бульдозерами

под предлогом прокладки новых дорог. На вопрос самых буйных глуповцев, куда деваются казенные деньги, отвечал, что вопрос очень сложный, так как отличить казенные от неказенных невозможно. Когда денег в казне не стало совсем, он отбыл отдыхать в австрийские горы и больше его не видели. Только потом глуповцам сказали, что он то ли утратил, то ли потерял доверие Путны.

И тут из заморских странствий, в воскресший на пепелище град под новым названием Глуповская Федерация, возвратился Михайло Говорун. Дважды предлагал себя в градоначальники. Но на этот раз уже слегка пришедшие в себя от перестройки глуповцы град ему не доверили. Тогда назвал он себя советником и в собственной газетке «Вчерашний день» дает новому молодому градоначальнику по имени Твиттер рекомендации, как надо править. Пока глуповцам хватает ума, чтобы его не слушать. Они еще не забыли, как он выдавал себя за ясного сокола, а обернулся черным лебедем.

Горячий Ключ — Москва, 2011 год